

192

ГРАНИ

GRANI

Г
Р
А
Н
И

192

1999

1999

ГРАНИ

Ежеквартальный журнал литературы, искусства, науки и общественной мысли. Проза, поэзия, очерки современности, религия, философия, публицистика, литературная критика и пр.

Журнал считает своим долгом способствовать развитию свободной мысли, свободного слова, свободного творчества; почти полвека журнал способствовал публикации произведений, которые не могли быть изданы на родине из-за цензурных или политических ограничений. Из широко известных авторов в ГРАНЯХ были опубликованы произведения:

А. Ахматовой, Д. Андреева, Л. Бородина,
М. Булгакова, И. Бунина, Г. Владимова,
В. Войновича, А. Галича, З. Гиппиус,
В. Гроссмана, Ю. Домбровского,
Н. Заболоцкого, Б. Зайцева, Е. Замятина,
Н. Коржавина, В. Корнилова, А. Куприна,
С. Левицкого, Н. Лосского,
В. Максимова, О. Мандельштама,
В. Набокова, В. Некрасова, Б. Окуджавы,
Б. Пастернака, К. Паустовского,
Р. Редлиха, А. Ремизова, Ф. Светова,
А. Солженицына, В. Солоухина, В. Тарсиса,
М. Цветаевой, И. Шмелева, В. Шульгина

и многих др. отечественных и эмигрантских авторов.

* * *

И в новых условиях уже в самой России журнал будет следовать прежним принципам, в первую очередь способствуя публикации произведений, помогающих освобождению от остатков тоталитаризма в душах людей и восстановлению прерванных им традиций российской культуры.

Журнал основан в 1946 году
Основатель журнала Е.Р. Романов
Редактировали:
1946 Е.Р. Романов, С.С. Максимов,
Б.В. Серафимов
1947 – 1952 Е.Р. Романов
1952 – 1955 Л.Д. Ржевский
1955 – 1961 Е.Р. Романов
1962 – 1982 Н.Б. Тарасова
1982 – 1983 Р.Н. Редлих, Н. Рутыч
1984 – 1986 Г.Н. Владимов
1986 – 1995 Е.А. Самсонова-Брейтбарт

Главный редактор
Татьяна Жилкина

Редакционная коллегия:
Александр Горянин, Михаил Миркович,
Сергей Николаев, Борис Пушкарев,
Юлий Рыбаков, Екатерина Самсонова-Брейтбарт,
Валентина Синкевич

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Год LIV

№ 192

1999

СОДЕРЖАНИЕ

Ум Христов и ум человеческий 6

ПУБЛИЦИСТИКА. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ

Антонина ШАРОВА.

Нравственные камертоны эпохи 9

Владимир ЦУКАНИХИН.

Третий Рим: извращение Христа 28

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

Ася ПЕКУРОВСКАЯ.

Довлатов (плюс-минус) миф. Исповедь 52

Валентина СИНКЕВИЧ.

Американские поэты и прозаики.

Мир Джека Лондона 94

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Владимир КОРОБОВ.

“И белой бабочки паренье...” Стихи 104

Платон НАБОКОВ.

Стихи из кукольных голов.

Глава из документальной повести 107

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

Павел БАРТО.	
“Нежный посвист, звонкий росчерк...”	133
Лев ВЯТКИН.	
Тайна гибели линкора “Императрица Мария”	165

НАСЛЕДИЕ

Нина ЛИНДЕС.	
“В нашем доме на Английской набережной...”	181
Александра ГОЛЫШТЕЙН.	
Савва	192
Из переписки Н.В. УСТРЯЛОВА и княгини Л.В. ГОЛИЦЫНОЙ	
“Не остановиться ли?”	207
Николай УСТРЯЛОВ.	
Революционный фронт	228

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Евгений КНЯЗЕВ.	
Дракула или Мовстр власти: первая русская антиутопия	238

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Марина ТУМАНОВА.	
“Быть после Пушкина поэтом?...”	
Сто поэтов об Александре Пушкине.	
Антология. Современники и потомки.	
Киев. Журнал “Радуга”. 1999	249
Памяти Бориса Поплавского	253
Коротко об авторах	260
Содержание томов №№ 189–192	263

Обложка художника Н. Мишаткина

Copyright © 1999
PUBLISHING HOUSE
«GRANI»

Легко и радостно жить тому, кто ищет в других хорошее, ищет и находит. Исканием своим помогает он тем, в ком ищет, раскрыть и проявить светлые грани души. Но для этого он прежде всего в самом себе должен раскрыть их, должен стремиться к совершенствованию.

Каждый человек — часть органического целого; человечества. Совершенствуется часть — совершенствуется целое. Тот, кто становится на путь Правды, помогает всему человечеству стать на тот же путь. А необходимость этого, может быть, никогда так не была велика, никогда так не ощущалась всеми, как в наши дни.

В свете этого большая и ответственная задача стоит перед теми, кто служит Слову — Слову Правды.

...Тогда подлинным гуманизмом будет проникнуто творчество художника и оправдано в служении Человеку, Правде человеческой, Правде Божьей.

*Е. Романов
“Грани” № 1, 1946*

Ум Христов и ум человеческий

Церковь предлагает нам восполнить недостающую в нас чистоту, т.е. целостность. Целостность в начале, как сознание нашего падшего состояния, далее — целостность как послушный наш ответ призыву Св. Церкви.

В частности, обратим внимание на состояние целостности нашего ума. Ум наш часто духовно “плавает”. И хорошо, если это его “плавание” совершается от берегов нашего ветхого человека к тихой пристани вечного Царства Небесного.

В данный момент мы наблюдаем острую поляризацию общества, происходящую в результате раздробления человеческого мышления, человеческого верования. Одни верят в Истину, стремятся жизнью своей Истине повиноваться. Другие верят в человеческую ложь, и, когда эта ложь достаточно пропитывает их сознание, то они или богоборствуют, или же сначала предаются духовному сну — мечтательно-сладкой фантазии, что жизнь наша якобы в нашем распоряжении и можно поэтому заниматься самоублажением по всяким самодельным критериям гедонизма, альтруизма, гуманизма и социализма, а ныне думают покалечить православную Сербию во имя НАТО-изма. И как часто человек мнит, что он якобы является орлом, парящим высоко на крыльях своих человеческих достижений, а по сути — он более напоминает мокрую курицу, постоянно пребывающую в своих собственных страстях. Сколько сейчас происходит мировых катастроф, но человек не внимает предупреждениям свыше...

Посмотрим внимательно на ум человеческий, которым так ныне кичится человеческая греховность. Как мир грешный рас-

ценивает силу ума, с одной стороны, и что о нем учат свв. отцы? Первое состояние — это наличие заостренного, но ограниченного своей собственной гордыней ума, а второе — это ум младенчествующий, смиренный, но в тоже время богатый духом — Духом Святым.

Мы умеем кормить наше тело. А как нам питать свой ум? Тут Церковь нас учит богодуховенными глаголами: “возвыси мой ум к Тебе, долу поникший” — читаем мы в покаянном каноне; “просвети мои очи мысленныя”, “Господи... даруй нам бодренным сердцем и трезвенною мыслию всю настоящего жития ночь прейти” — читаем в утренних молитвах. Божию Матерь просим мы в благодарственных молитвах — “просвети моя умныя очи сердца”. Обращаясь к ангелу-хранителю, просим: “ум мой твоею молитвою направи”. А свят. Иоанн Златоуст говорит некоей скорбящей вдове: “если ты покорись благоразумию и размыслишь о том, кто взял твоего мужа, и о том, что мы, перенося великодушно свое сиротство, приносим свой разум в жертву Богу, то ты в состоянии будешь преодолеть свою скорбь”. Интересно, что свв. отцы, сравнивая ум Адама до падения с умом падшим, говорят, что в то время, как ум Адама парил птичьим полетом, самый геннальный ум падшего естества — это лишь ползок черепахи...

Преп. Иоанн Дамаскин нас учит, что “все Божественное — выше естества, слова и разума”. Например, кто станет рассуждать, как и для чего Бог привел все из небытия в бытие и захочет постигнуть сие естественным разумом, тот не постигнет. Но кто, руководствуясь верою будет размышлять о благодати, всемогуществе, истине, премудрости и правде Божией, для того все будет гладко и ровно, и он найдет путь прямой”.

Преп. Исаак Сирийский повествует о различии разумов естественного и духовного. Св. апостол Иаков в своем послании сравнивает мудрость, нисходящую свыше, с земной, душевной, бесовской (Иак. 3, 14-18).

Что же нам, христианам, может помочь развивать наш ум духовно, не давать ему нас уводить в страну далече?

За литургией мы слышим слова: “двери, двери, премудрос-

тию вонмем". И встает вопрос — верные мы или оглашенные?

А ведь это призыв грозный. И что тут делать? Бежать ли от этого призыва, ощутив в нем грозный окрик, предостерегающий недостойных, как бы дерзновенно проникших в святое место? Или пасть ниц, сознав себя верным, пусть легкомысленно отпавшим от веры, но готовым теперь, в своем недостойнстве, так ярко и сильно понятом, хотя бы издали, но славословить Христа-Бога? Вывать к Немү, к Его милосердию: "...двери, двери..."

Но существуют не только закрывающие двери перед нами, но и двери отверзающиеся: двери покаяния, двери милосердия. Вот на каких дрожжах должен подниматься наш ум.

В бумагах преп. старца Амвросия Оптинского оказалось письмо одной духовной его дочери, особо старцем свереженное: написано оно помещицей-благотворительницей, известной делами благочестия. Вот что она сообщала старцу о своем сонном видении:

"Поле. На нем множество людей — простых, "сермяжников". Вдали — Христос. Устремляется к Немү женщина в блаженной уверенности, что она к Немү идет, как своя, как чадо Его. И не видит, не замечает ее Христос. Чередою проходит толпа — и каждого видит Господь. Незамеченной Господом остается одна лишь помещица, так рьяно служившая Ему делами благочестия и благотворительности. Вдвоем остаются они — она и Господь. И все же не видит ее Господь. В изнеможении ужаса и скорби рушится она к ногам Его святым с воплем: "Господи, Иисусе Христе, помилуй меня, грешницу". И в тот же момент ощущает на своей голове благостное прикосновение божественной руки и слышит сладчайший голос сладчайшего Иисуса: "Таких Мне и нужно..."

Диакон Андрей Руденко
Свято-Троицкий монастырь
1999 г.

Церковно-общественный орган
Русской Православной Церкви Заграницей
ORTHODOX RUSSIA

ПУБЛИЦИСТИКА.
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ

Антонина Шарова

*Светлой памяти
Дмитрия Сергеевича Лихачева
посвящается*

Нравственные камертоны эпохи...*

*В России ты всегда распят между
любовью к Родине и борьбой с государ-
ством. На этих раскаленных гвоздях
только мертвым не больно.*

А.Д. Сахаров

Моя кандидатская диссертация посвящена советской исторической науке двадцатых–пятидесятых годов. На судьбах и трудах нескольких выдающихся историков прослеживала, как преломились в этой области основные тенденции советской идеологизированной политики. Собираюсь включить в исследование и материалы из архивов США.

Но в то же время внимание мое привлекли 1945–1953 годы. У меня сложилось впечатление, что этот период до сих пор не изучен столь глубоко и обстоятельно, как тридцатые, период эпохи “большого террора”, где четко различаются палачи и жертвы. А послевоенные – до смерти “отца народов” – сплошное серое облако.

* Образ интеллигенции в советской периодической печати со- роковых годов – А.Ш.

Мне интересно выявить и общие тенденции, и преломление их в судьбах людей, которые в силу профессии и душевных качеств во многом определяли культуру того времени, взаимодействуя с Системой, подвергаясь ее воздействию, отчасти наивно веря в возможность изменений и жестоко разочаровываясь...

Думаю, не будет ошибочным утверждать, что каждому периоду российской истории соответствовали определенные представления общества о самом себе.

Интеллигенция – в самом широком смысле этого слова – выступала не только как созидатель и толкователь этих представлений, но и нередко как их пропагандист.

В XIX веке интеллигенция создавала и собственный образ, наделяя его определенными чертами, четко шлифуя формулировки нравственных характеристик, осмысливая свои функции в российском государстве и обществе. Разумеется, этот образ, нередко идеализированный, менялся, эволюционировал в зависимости от конкретной политической ситуации.

Это относится и к советскому периоду нашей истории.

Отличие, однако, заключается в том, что формирование образа интеллигенции, определение ее задач и места в новом обществе, перестает быть делом только ее “рук”. Партийно-государственные интересы, новая идеология будут диктовать свои условия, вычерчивать свои конфигурации этому образу, раскрашивать в оттенки своих цветов гамму чувств и эмоций интеллигента.

Созданная в результате титанической работы конструкция “советского интеллигента” окажется чрезвычайно жесткой для многих деятелей науки и культуры. Как уместиться в эту схему или вырваться из нее – об этом рассказывают их биографии. Поступки людей, повороты их жизненного пути или научной и творческой карьеры, во многом определялись требованиями официальной идеологии, соответствием утвержденному “образу” советского

интеллекта; степень соответствия ему могли варьироваться. Нередко физикам было позволено то, что не допускалось для литераторов.

Разные периоды советской истории также добавляли новые черты к утвержденному “образу”, менялись акценты при определении роли и места интеллигенции в советском обществе. Неизменным оставалось одно – “работники науки и искусства” (наряду с женщинами, рабочими, колхозниками, молодежью и работниками транспорта) “все члены славной советской семьи... получали из уст вождя оценку своей деятельности, старались заслужить любовь и одобрение своего мудрого друга и отца”¹.

Почему же такой интерес вызывают сейчас года сороковые, когда, казалось, всякая культурная жизнь замерла, “замерзла” под уничижительной и уничтожающей волной партийной критики. Быть может, ассоциации вызывает происходивший тогда процесс специфического “исчезновения” интеллигенции, которую пытались приравнять или, лучше сказать, сравнять с массами и, значит, лишить возможности говорить о себе и привычным “интеллигентским” языком.

И вот в конце столетия в России происходит, пусть на другом политическом фоне и по другим причинам, но такое же явление – “исчезновение” интеллигенции – моральное и материальное.

Определенные нравственные нормы, к которым в идеале должна была стремиться интеллигенция, объявлены атавизмом. “Аристократия духа”, не воспроизводящая новые поколения из-за элементарных материальных проблем, – самоуничтожает свою социальную среду. “Толстые” журналы, театральные постановки, выставки художников – все эти знаковые, объединяющие интеллигенцию элементы ее образа жизни, остались в прошлом.

Наконец, мы видим как уходит поколение интеллигенции XX века, те, кто были “нравственными камертонами” эпохи.

¹ Журнал “Большевик”, № 13, июль 1945. С. 7.

Что остается? Процесс трансформации российской интеллигенции в интеллектуалов, разбитых на узкие профессиональные группы.

Быть может, потому такой интерес сегодня представляют годы сороковые, что в них не только трагедия гонений и критики, но и пример борьбы, пример выживания. И, более того, нравственной, духовной, этической стойкости, порядочности той самой интеллигенции, чей реальный образ почти скрылся за многочисленными “измами” и навешенными ярлыками.

Подход, который предлагается в данной работе, разумеется, субъективен. Это “кривое зеркало” образа интеллигенции. Но в это зеркало полагалось смотреться, при этом даже видеть не то, что отображалось, но то, что надо увидеть. Тот образ, которому следовало соответствовать. Но не создаем ли мы сами образ “исчезающей” современной интеллигенции?!

В данном случае нас интересует период начала “холодной войны”, нового витка борьбы за чистоту социалистического общества и его идеологии. Период, когда на смену интеллигента – участника войны, приходит обуржуазившийся (когда только успел?) некто с многочисленными “измами”, которого вновь, как и в двадцатых, требуется воспитывать и поучать.

Нашим источником будет не вся периодика этого времени, и даже не столько знаменитое издание Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) газета “Культура и жизнь”, поскольку она не создавала образ, но была предназначена более клеймить тех, кто ему не соответствует. В качестве основного источника мы обратимся к публикациям журнала “Большевик”² – наиболее авторитетного агитатора и пропагандиста.

Публикации второй половины 1945 года говорят прежде

² Теоретический и политический журнал ЦК ВКП(б) – написано на его титульном листе – А.Ш.

всего о том, что вся политика предшествующего времени оправдалась – построение социализма, индустриализация и коллективизация. Если цель была достигнута, то и средства были выбраны правильные. “Если бы народы нашей страны не успели в годы мирного строительства осуществить ленинско-сталинскую программу построения социализма, – мы не выдержали бы напора немецко-фашистских извергов”, – говорилось в передовой журнала “Большевик”³, посвященной награждению Сталина вторым орденом “Победа”, званием Героя Советского Союза и Генералиссимуса.

Другой постулат послевоенного времени – возвышение статуса Вождя в обществе активно утверждался, причем все соответствовало науке. В статье Г. Гака⁴ автор наряду с активной, творческой ролью народа в социалистическом государстве, отмечал следующее:

“Возрастание роли народных масс в истории сопровождается возрастанием исторической роли великих вождей народов (выделено мной – А.Ш.).

Дело в том, что социалистическая революция...выдвигает такие колоссальные задачи, которые не по плечу были бы и самым выдающимся деятелям старого типа”⁵.

Великие вожди пролетариата отличаются, по мысли автора, не только гениальностью своего предвидения. Для величайших вождей найдется другое определение, достаточно экзотическое для современного человека, – “Ленин и Сталин – гениальные **прорицатели**”! И здесь же дополнено – “и непревзойденные по силе творческого гения организаторы”⁶. Идея гениального **предвидения**, великого **прорицателя** впоследствии сыграет злую шутку со многими представителями интеллигенции. Как предвидеть прорицание? Как совместить предвидение с научным фактом?

³ “Большевик”, № 13, 1945. С. 4.

⁴ “О роли личности и масс в истории”.

⁵ “Большевик”, № 14, 1945. С. 53.

⁶ Там же. С. 54.

Сами ученые, по устоявшейся традиции “политически правильно” завершая текст статей, нередко отмечают то главное, что характерно для науки первого послевоенного времени: “Теснее сплотились кадры специалистов, еще более укрепилась связь старшего поколения с младшим, еще теснее сблизились теоретическая работа с практической”⁷.

Эта идея единения всего народа во время Великой Отечественной войны красной нитью проходит через большинство публикаций первых послевоенных месяцев. Вкус общей великой победы пока не дает оснований для критики какой-то части народа-победителя. Интеллигенция, хотя и не ставится на первое место в почетном списке перечисления категорий советского народа (обычно называется после женщин и молодежи), рассматривается как достойная часть народа страны социализма.

Отношение власти к интеллигенции отчетливо прозвучало в докладе В.М. Молотова на торжественном заседании Московского совета 6 ноября 1945 года. Как рабочие и крестьяне “советская интеллигенция выполнила свой долг перед Родиной. Война наглядно показала, чем стала интеллигенция за годы советской власти. Уже не слышно разговоров о старой и новой интеллигенции... В подавляющем большинстве интеллигенция честно и успешно выполняет свои высокие обязанности в деле организации хозяйственной работы, в деле воспитания новых кадров специалистов, в деле охраны здоровья и повышения культурного уровня населения. С большим удовлетворением мы можем теперь сказать, что советская интеллигенция достойна своего народа и верно служит своей Родине”⁸.

Эта мысль Молотова будет активно повторяться другими авторами, писавшими о войне. Советская интеллигенция будет отныне считаться “слившейся со своим народом”⁹.

⁷ “Большевик”, № 13, 1945. С. 43 – акад. И.И. Мещанинов.

⁸ “Большевик”, № 21, ноябрь 1945. С. 9.

⁹ Там же. С. 51.

Вместе с тем даже при чтении панегириков советскому народу невозможно не заметить некоторых особенностей, которые современникам событий казались естественными и, вероятно, потому не замечались. Однако заинтересованный читатель раздела “Критика и библиография” журнала “Большевик”, прочитавший рецензию на сборник высказываний Горького о Родине, мог бы встретить не только знакомую идеологическую аксиому типа “Самый замечательный вклад в развитие русской и мировой культуры сделан Лениным и Сталиным – создателями теории победы социализма в одной стране, организаторами нашего советского государства, нашей социалистической культуры”¹⁰.

Нетривиальные слова подобрал рецензент для следующей характеристики величия пролетарского писателя, который “показал огромную роль русской культуры в развитии и обогащении культуры человечества, в его облагораживании, в призыве к творчеству, к дерзаниям, к борьбе”¹¹. Еще интереснее оказывается тот образ истинного русского ученого, который вырисовывает автор из подобранных высказываний писателя. Это новатор, вынужденный преодолевать рутину, косность, трудности; способный быть на уровне требований и задач, которые ставит жизнь.

И рядом – старая интеллигенция – страдальцы, стоически переживающие самые трудные дни, умирающие, но не прекращающие своих исследований.

Социалистическое общество, согласно утвердившейся точке зрения, “формирует личность с новым умственным кругозором и новой нравственностью”¹².

Именно с проявлениями и утверждением этой новой нравственности и предстояло столкнуться интеллигенции в самом скором времени.

Говоря о характере журнальных публикаций в целом,

¹⁰ “Большевик”, № 13, 1945. С. 58.

¹¹ Там же. С. 61.

¹² “Большевик”, № 21, 1945. С. 51.

приходится отметить, что период 1946–1950 годов недаром заставляет вспомнить о предшествующих десятилетиях “борьбы” с различными внутренними врагами, прерванных борьбой с врагом внешним. Язык, стиль, общая тональность журнальных и газетных публикаций, выступления деятелей партии и государства – все возвращает ко временам жестокой классовой борьбы двадцатых. Идея о том, что по мере продвижения к коммунизму борьба должна нарастать, реализуется и на практике, и в словах.

В двадцатые годы известный славист А.М. Селищев, чья судьба оказалась столь же трагичной, как и судьба всей старой школы российской славистики, написал работу о языке революционной эпохи, сравнивая изменения в русском языке после революции 1917 года с французским языком конца XVIII века¹³.

В частности, ученый отмечал грубоватость языковой манеры советских лидеров, в том числе самого Сталина, появление в языке печатных изданий слов из воровского жаргона, специфику языка коммунистической партии по отношению к политическим противникам:

“Три врага у русских коммунистов : активные представители других социалистических и демократических партий – “соглашатели”, русская эмиграция и дипломатия других государств. По их адресу направлены самые “крепкие” словечки коммунистических деятелей... Эти слова должны были выразить с особой силой всю непосредственность настроения коммуниста. Но вследствие частого употребления эмоциональная значимость некоторых из этих слов и выражений утрачена: они стали употребляться как обычные термины по отношению к тем или иным лицам и явлениям”¹⁴.

Тогда же ученый заметил, как много в языке советских

¹³ “Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926)”.

¹⁴ Там же. С. 83.

лидеров терминов военного происхождения: “Термины военной жизни, военного строя, режима стали употребляться часто не только для явлений военного значения, но и для явлений партийной, общественной и культурной жизни. Эти термины нашли себе широкое применение за пределами военщины”¹⁵.

Все вышеназванные, а также и многие другие особенности языка революционной эпохи получают второе дыхание в послевоенное время. Это был тот новый язык критики, язык спора с учеными оппонентами, наконец, язык самокритики, который предстояло усвоить советской интеллигенции.

2 сентября 1945 года капитулировала Япония. И в сентябрьском номере журнала “Большевик”¹⁶ передовая посвящена идейно-политической работе партийных организаций в современных условиях. Активизация идеологической работы объявлялась актуальной, во-первых, потому, что общество движется к коммунизму и, следовательно, необходимо коммунистическое воспитание масс.

Во-вторых, значительная часть страны была оккупирована во время войны, что означало не только возрождение пережитков капитализма в сознании людей, но и “влияние чуждой идеологии”.

Народу следовало напомнить о его священных обязанностях, таких как “укрепление и развитие советского социалистического строя”. Конец войны не означает наступления мира – таков основной тезис передовой. Впереди борьба, особенно для советских ученых, – “со всякими извращениями в области теории, с враждебной марксизму идеологией”¹⁷. В этой борьбе они должны показать свою принципиальность. Не забывая указания

¹⁵ Там же. С. 87.

¹⁶ “Большевик”, № 17–18, 1945.

¹⁷ Там же. С. 7–9.

Сталина о том, что “принципы побеждают, а не примиряются”¹⁸.

В этих послевоенных публикациях мысль о воспитании рабочего класса, крестьянства, членов партии, пополнивших ее ряды за время войны, получает все более активное воплощение.

Новая полоса исторического развития оживила имена “злых героев” партии – Троцкого и Бухарина¹⁹, а с весны 1946 перечисление врагов заставит вспомнить самые мрачные дни “великого террора”.

На страницах газет и журналов замелькают меньшевики, Троцкий, эсеры, троцкистско-бухаринские изверги и т.д.

“Враги народа устраивали саботаж и диверсии в народном хозяйстве, вредительство на фабриках, заводах, новостройках, на транспорте, в сельском хозяйстве. Они организовывали гнусные заговоры и злодейские террористические акты против руководителей партии и правительства. Изменники родины пошли на сговор с фашистами, продались иностранным разведкам... Товарищ Сталин разъяснил партии и народу, какую опасность представляет подрывная деятельность троцкистско-бухаринских бандитов, призвал к тому, чтобы всемерно поднять большевистскую бдительность и покончить с врагами народа. Троцкистско-бухаринская агентура фашизма была выловлена и раздавлена”²⁰.

Идея предвидения, о которой мы упоминали выше, казалась столь плодотворной, что вслед за отдельными высказываниями на эту тему, призванными подтвердить пра-

¹⁸ Там же. С. 9.

¹⁹ “Большевик”, № 17–18, 1945. С. 10.

²⁰ “Большевик”, № 9, 1946. С. 21. П. Федосеев “Борьба партии большевиков за превращение нашей страны в передовую, могучую державу”.

тельность теоретических построений классиков ленинизма²¹, начинают публиковаться статьи, посвященные предвидению²².

Главная идея, внедрявшаяся в сознание читателей – Партии известно куда идти, и все, что кажется случайностью, на самом деле продуманный план или, предвиденные и использованные по плану обстоятельства.

Марксистско-ленинская теория, – основа такого научного предвидения, обращенного как в прошлое так и в будущее. Марксизм-ленинизм позволяет не только вскрывать закономерности в развитии классов, но и предсказывать судьбы партий²³. “Гениальное предвидение” и “предсказания” Ленина и Сталина относительно судьбы “врагов рабочего класса” типа эсеров, меньшевиков, анархистов и др. “осуществились с исключительной точностью” (т.е. они “превратились, – как сказано в “Кратком курсе”, – “в агентов иностранных разведок, в банду шпионов, вредителей, диверсантов, убийц, изменников родины”²⁴).

Этих примеров гениального “предвидения” автор приводит достаточно много.

Почему для нас так важны эти рассуждения, когда мы говорим об интеллигенции конца сороковых? Они дают нам пример подхода к оценке событий и явлений со стороны официальной идеологии и идеологов советского государства. Позволяют увидеть, как на примере постановлений ЦК факты воровства с колхозных полей или расширение личного приусадебного хозяйства колхозников

²¹ Г.Ф. Александров в докладе 21 января 1946 на заседании, посвященном двадцать второй годовщине со дня смерти Ленина, повторял: “Развитие России пошло так, как учил ленинизм”, “Развитие советской республики пошло так, как учил ленинизм”, “Жизнь полностью подтвердила то, о чем говорили большевики”. “Большевик”, № 1, 1946. С. 3.

²² М. Леонов. “Марксистско-ленинская наука – основа научного предвидения”. “Большевик”, № 1, 1946.

²³ Там же. С. 32.

²⁴ Там же.

превращаются в “контрреволюционные безобразия”²⁵ с соответствующими мерами по их искоренению (за “колоски” в ГУЛАГе отсидело сколько!..).

Вряд ли был удивителен для читателя тех лет вывод о том, что в соответствии с теорией марксизма-ленинизма “будущее нужно не только предвидеть, но и завоевать”²⁶. Путь борьбы укажет партия, укажет и нового врага.

Новый этап, в который вступила страна после войны, провозглашенное состоявшимся единство советского народа, требовало детализации. Причем, в первую очередь, это коснулось именно интеллигенции, которой надо было окончательно разъяснить ее положение и задачи в обществе.

В январе 1946 года вместе с обращением ко всем избирателям голосовать за блок коммунистов и беспартийных (есть выбор?) в журнале публикуется статья²⁷, которая должна была обобщить все то новое, что было сказано об интеллигенции вождями за последние месяцы.

Интеллигенция является “равноправным членом общества, пользуется глубокими симпатиями народных масс и составляет предмет законной гордости народа”²⁸, – говорилось в официальной формулировке. Тем более, что в соответствии с закономерностями общественного развития роль интеллигенции в обществе все возрастает – от рабовладельческого (?), когда интеллигенции было мало (!), к социалистическому.

Социальный состав советской интеллигенции был более сложным вопросом, тем более что сформировался он не сразу. Опираясь на доклад Сталина на XVIII съезде, автор подчеркивал наличие трех групп старой интеллигенции. Наиболее квалифицированная часть пошла против советской власти, и “была разгромлена органами со-

²⁵ Там же. С. 37.

²⁶ Там же. С. 40.

²⁷ С. Ковалев “Интеллигенция в советском государстве”. “Большевик”, № 2, 1946.

²⁸ Там же. С. 27.

ветского государства”, частично перешла “к вредительству, став агентурой иностранных разведок”.

Другая часть старой интеллигенции, “менее квалифицированная, но более многочисленная” после колебаний “ужилась с советской властью, стала *служить* ей “(выделено мной – А.Ш.)

И, наконец, рядовая интеллигенция “доучилась при советской власти и честно *служила* рабочим и крестьянам”²⁹.

В составе интеллигенции выделялись самостоятельные группы, чье значение в обществе выстраивалось в 1946 году по следующему рангу: военная интеллигенция; конструкторы, в первую очередь, военной техники; сельская интеллигенция (агрономы, председатели, бригадиры!); советские ученые; медицинские работники; профессора и преподаватели вузов; учителя; работники литературы и искусства.

Роль новой интеллигенции в новом обществе – другая важная дефиниция. Интеллигенция нужна пролетарскому государству для политического воспитания народа³⁰, для повышения его социалистической сознательности. Она – рычаг в организационно-хозяйственной и культурно-воспитательной работе государства³¹.

Таким образом, замыкался круг всеобщего коммунистического воспитания : партия учит интеллигенцию, та воспитывает народ, выдвиженцы из народа, в свою очередь, пополняют ряды интеллигенции, придавая ей требуемый рабоче-крестьянский характер. А будучи выдвинуты на партийные должности выходцы из рабочего класса и интеллигенции, занимаются идейно-воспитательной работой, определяют направления, по которым должно идти развитие науки и культуры.

Каков же образ интеллигенции, созданный официальной

²⁹ Там же. С. 31.

³⁰ Там же. С. 27.

³¹ Там же. С. 28.

идеологией в первый послевоенный год?

Сталин на XVIII съезде сказал о том, что советская интеллигенция не знает эксплуатации, ненавидит эксплуататоров, готова служить народам СССР верой и правдой³². Это определение оставалось неизменным, получая лишь дальнейшую детализацию.

Так, например, примелькавшийся тезис о ненависти скоро обретет в образе интеллигента второе дыхание.

Интеллигенция в СССР противоположна буржуазной, а значит не имеет таких качеств как "рабская зависимость и угодничество" (перед буржуазией), индивидуализм, оторванность от народа и враждебность к нему. Она способна к дисциплине и организации, ей чужда интеллигентская дряблость и неустойчивость. Советская интеллигенция является носителем передовой науки: ей присущ дух новаторства; и передовой культуры, "драгоценное чувство нового". Она состоит из представителей рабочего класса и крестьянства. Наконец, патриотизм советской интеллигенции – есть подлинное служение родине, народу.

Все послевоенные иллюзии о мире и окончании борьбы с внутренними врагами, иллюзии, о разрушении которых написано и сказано так много, в определенной степени означали попытку отступления от сформированного образа "советского интеллигента", с возвращением к индивидуальности и индивидуализму.

Однако уже речь Сталина перед избирателями 9 февраля 1946 года содержала намек на перемены: "Победителей можно и нужно судить, можно и нужно критиковать и проверять. Это полезно не только для дела, но и для самих победителей..."³³. И хотя произнес вождь эти слова в адрес самой партии, вызвав смех и оживление в зале, но истинный смысл или "*предсказание*", заложенное в них, оказались гораздо масштабнее и страшнее.

³² Там же. С. 33.

³³ "Большевик", № 3, 1946. С. 10.

Тем временем к общим характеристикам интеллигенции, формирующим ее образ, добавляется характеристика героя. Продержится это определение по отношению к интеллигенции недолго, однако, в соответствии с официальной идеологией, частью героического народа становилась героическая интеллигенция³⁴.

С принятием пятилетнего плана на 1946–1950 годы, образ интеллигенции дополняется ее активным участием в социалистическом соревновании³⁵. “В советской стране деятельность работников науки и техники поставлена на службу не частным интересам,.. а на службу интересам социалистического общества... Принцип социалистического соревнования, говорящий: догоняй лучших и добейся общего подъема, – является руководящим принципом для каждого советского труженика, как в области хозяйства, так и в области культуры”.

Вместе с соревнованием оживает требование критики и самокритики, в том числе и для интеллигенции. Мир кончился, впереди – борьба. А значит, “мощный подъем всей идеологической работы”, “на новый уровень” подняты печать, пропаганда и агитация, наука, художественная литература и искусство, работа театров, кино и радио”³⁶.

Отныне развитие культуры должно идти в ногу с жизнью и откликаться на ее запросы. Отсюда – необходимость развития большевистской принципиальной критики, призванной направить на верный путь развитие советской науки, искусства, всей социалистической культуры. Советские критики должны следовать блестящим образцам большевистской литературной и публицистической критики, данным в трудах Ленина и Сталина”³⁷.

Главный упрек, который встречается в партийной прессе

³⁴ “Большевик”, № 4. 1946. С. 12.

³⁵ “Большевик”, № 7–8, 1946. С. 10.

³⁶ “Большевик”, № 9, 1946. С. 5. “Значение идеологической работы в современных условиях”.

³⁷ Там же. С. 11.

по отношению к деятелям науки и культуры в первое послевоенное время – это их интерес к прошлому, иногда – к далекому прошлому, “в ущерб актуальным вопросам современности”.

Кино, театр, наука – предпочитают говорить о прошлом. С одной стороны, потому что героическое прошлое было реабилитировано во время войны, с другой – оно прошло, а значит менее опасно, чем настоящее.

Поскольку в соответствии с теорией марксизма-ленинизма социализм является более высокой стадией общественного развития, чем капитализм, то духовная культура социализма изначально выше буржуазной, а наука при социализме больше приближена к жизни. Поэтому, например, пьеса Сомерсета Моэма, поставленная в театре Драмы – пошлость, а его же “Пенелопа” в театре Сатиры – “напрасно затраченные силы”³⁸.

И, главное, – *преимущества советского политического и общественного строя предоставляют возможность для создания умственного превосходства советских людей над людьми буржуазной цивилизации* (выделено мной – А.Ш.).

Сказанное означало, что отныне не было необходимости аргументированно спорить с буржуазными учеными. Зачем? Советские ученые априори правы. Эта убежденность в своей исключительности, правоте, была чрезвычайно важна с точки зрения политической при формировании образа советского интеллигента данного периода.

И, разумеется, эта правота развращала советскую интеллигенцию, которая теряла навыки академического доноса, но спора, умение дискутировать не только внутри своего сообщества, но и за его пределами.

По мере разрастания идеологической борьбы и воспитания в духе марксизма-ленинизма, от интеллигенции начинают требовать: “правильного политического, партийного подхода к любым общественным, идеологическим и

³⁸ Там же. С. 10.

научным вопросам, ибо только такой ...подход обеспечивает высшую научность в решении этих вопросов”³⁹.

Интеллигент был обязан вновь проявлять политическую бдительность и зоркость⁴⁰. Постановления и указания ЦК по идеологическим вопросам требовали от ученых, литераторов, работников искусств” боевой большевистской партийности и воинствующего патриотического духа”⁴¹. Твердая уверенность в полной победе коммунизма и забота об ускорении этой победы⁴² – дополняли новый образ интеллигенции.

“Идеальный представитель советской интеллигенции должен был отличаться творческим рвением, вдохновляться патриотическим стремлением двигать вперед науку и искусство”⁴³.

Современному читателю может показаться, что образ боевой, по-партийному самокритичной интеллигенции утвердился в обществе достаточно быстро и глубоко. Потому как слишком велика была сила идеологического “воздействия” на деятелей науки и культуры, велика была угроза их свободе и творчеству.

Однако современники даже за рубежом увидели другое – несмотря на “полицейские окрики” интеллигенция продолжала совершать “ошибки”, то есть отступать везде и всюду от предписанного ей образа и правил поведения. Постановления ЦК от 14 августа 1946 года о журналах “Звезда” и “Ленинград”, 10 февраля 1948 года об опере Мурадели “Великая дружба”, торжество лысенковщины на августовской сессии ВАСХНИЛ, организованные в наркоматах “суды чести”, подтверждали одно – общих критических замечаний теперь было уже недостаточно, понадобилось

³⁹ “Большевик”, № 1, 1949. С. 24. М. Митин. “О работе И.В. Сталина “О диалектическом и историческом материализме”.

⁴⁰ “Большевик”. № 5, 1949. С. 9.

⁴¹ Там же. С. 11.

⁴² Там же. С. 23.

⁴³ “Большевик”. № 6, 1949. С. 2.

обращение к каждому “культурному фронту”, его персональная чистка, то есть повторялась борьба с интеллигенцией на разных фронтах, как это было в конце двадцатых.

“Интеллигенция не может расстаться с теми иллюзиями проблесков свободы, которые им, как приманку, показала власть во время войны. Обаяние какой-то хотя бы весьма условной свободы оказалось так велико, что теперь его весьма трудно вытравить или уничтожить при помощи полицейской дубинки”⁴⁴.

Главные враги и антиподы истинной интеллигенции теперь были “безродные космополиты”, появляющиеся в разных сферах⁴⁵.

Истоками космополитизма или его “прародителями” объявлялись правящие классы дореволюционной России – помещики и капиталисты, которые “оптом и в розницу продавали Россию чужеземным грабителям”⁴⁶.

На фоне растущей критики всей интеллигенции проповедывалась новая мораль, которая требовала от деятеля науки и культуры быть правдивым и честным, в первую очередь, перед государством. Такие качества вырабатываются только с помощью критики и самокритики, а также “помощью” со стороны.

“Если ты сам не поднимаешься, я тебе помогу. Если нельзя за руку поднять, за волосы подниму. Я сделаю все, чтобы тебя исправить, но если ты, милый человек, не исправился, то пеняй на себя, тебе придется посторониться”⁴⁷.

Итог сороковых – советская интеллигенция – часть советского народа. Она “окружена заботой большевистской

⁴⁴ Д. Воскресенский. “Посев”. № 20, 1948 г.

⁴⁵ Например, книги А. Дживелегова, С Мокульского по истории западноевропейского театра явно выражают низкопоклонство перед иностранщиной, поскольку о русском театре там не упоминают. “Последыши буржуазных теорий в искусстве льют воду на мельницу наших врагов. Может ли наш народ терпеть атаку буржуазных эстетов на наше народное искусство?” (С. 43).

⁴⁶ “Большевик”, № 5, 1949. С. 6.

⁴⁷ Л. Слепов. О правдивости и честности. “Правда”, 23 июня 1947 г.

партии и правительства, оказывающих интеллигенции громадную помощь руководящими указаниями, материальным и моральным поощрением”⁴⁸.

Казалось, такая внимательная политика “кнута и пряника” должна была заставить интеллигенцию принять навязанные характеристики. Не стоит отрицать – было много сломленных, много искалеченных человеческих судеб.

Апогей конца сороковых – кампания борьбы против космополитизма, была знаменательна еще и тем, что открыто “культивировались, насаждались, поощрялись низменные черты, подлость, трусость...Безнравственность происходившего заключалось в том, что для большинства была очевидна надуманность и бездоказанность обвинений. Критика ...была демагогической по своей сути. Побуждения хулителей в основе своей были аморальными”, – таков взгляд очевидца событий⁴⁹.

Но интеллигенция не была бы сама собой, если бы полностью соответствовала этому жутковатому образу, всем “предъявляемым ожиданиям”, если бы не продолжала думать ни смотря ни на что, размышлять о происходивших событиях и их последствиях.

В 1950 году в журнале “Вопросы истории” византист Пигулевская опубликовала статью о разложении рабовладения на Ближнем Востоке. Тема – марксистская, цитаты из сочинений Сталина в начале и конце статьи, Маркса – в середине, революция рабов на переднем плане... И здесь же – цитата из раскритикованного буржуазного византиниста Ф.И. Успенского о правлении Юстиниана – для характеристики эпохи:

“Вся эта система держала в оцепенении население империи и, казалось, готова была задушить всякое проявление свободных идей”.

⁴⁸ “Большевик”, № 6, 1949.

⁴⁹ Ю.А. Поляков. Весна 1949 года. “Вопросы истории”, 1996, № 8.

Владимир Цуканихин

Третий Рим: извращение Христа

*Есть русская интеллигенция.
Вы думали – нет? Есть.*

А. Вознесенский.

Когда услышал вынесенные в эпиграф строки, от волнения даже вспотел: думал – нету, схоронили и панихиду справили, – ан есть!.. Хотя при трезвом взгляде на вещи видно: уже в то время не было.

“Интеллигенция”, – по Ожегову: “Люди умственного труда, обладающие образованием”. Но это, скорее, как Солженицын назвал, “образованщина”.

Интеллигенция да еще русская есть нечто неизмеримо объемнее и многозначнее, нежели производное интеллекта, знаний. В нем больше от духовного и, в частности, нравственного начал. Мы и привыкли расценивать это как *аристократию духа*, как непоработанное, внутренне свободное состояние.

Свободный человек не кинется строить или ломать, что-либо воспевать или порицать по первой команде власти предержащих – прежде соотнесет со своими принципами. Свобода как человека, так сословия определяется наличием у него принципов, и первейшего, высшего из них – достоинства и чести. Это, так сказать, первичные признаки русской интеллигенции.

В шестидесятые–семидесятые мне приходилось встречать людей интеллигентных. Образованная речь, культур-

ные манеры. Взращенный “вороньей слободкой”, я к ним тянулся как гадкий утенок к благородным лебедям. Может, прожил бы, считая их элитной породой, аристократами духа, но случай предоставил пробный камень для определения “who is who”.

В семьдесят четвертом я оказался в заключении. Фарцевал – хоть без особой выгоды, но сроком не обидели.

Население зоны разградировано на несколько слоев-сословий, одно из них – сотрудничающее с администрацией. Вступать в СВП (секцию внутреннего порядка), мягко скажем, непорядочно, а если откровенней, то позорно. Но выгодно, поскольку можно освободиться “до звонка”.

Кто, думаете, шел на стыдное содействие? Отбросы, в любом обществе именуемые люмпенами, и еще... те “лебеди” – с культурными манерами, приятным обхождением, начитанные и эрудированные.

Да, многие оставались все же людьми приличными, участие их было символическим – но! Факт падения состоялся, элитарность их уже не чиста. Элитарен офицер царской армии, для которого бесчестье пожать руку жандарму. Но не советский интеллигент, поступившийся принципом порядочности ради лишней свиданки или года свободы. Даже категория “мужиков”, состоявшая из безобидно-безответных работников, была больше уважаема, поскольку свободу физическую, внешнюю не выменивала на внутреннюю.

А кто относился к высшей касте? Блатные. Для них вопроса вступать – не вступать в секцию внутреннего порядка не стояло. Нет, ни при каких обстоятельствах, “западло”. Даже под угрозой смерти. Большинство их отличали грубая речь, агрессивные манеры, убогие мысли и примитивные чувства. Но принцип несотрудничества с администрацией для них был законом, и это возводило их в разряд аристократии.

Градация довольно четкая, но, разумеется, не абсолютная. Случался и интеллигент, которому “западло”.

“Людей умственного труда, обладающих образованием”, на зоне было немало; но слой интеллигентов чистой воды был настолько тонок, что они не могли оказать заметного влияния на поступившихся. И, как правило, в лагерном общежитии тяготели не к братьям по интеллекту, а к тем, в чей “тесный круг не каждый попадал”.

Нарушивший принцип блатной “опускался” тут же – иногда на дно, (чего и врагу не пожелаю), чаще на одну ступеньку. Таких встречалось мало. Блатной, “пацан”, как у нас их называли, во внутриклановых решениях вопросов чести на нож ползет, а в принципиальных конфликтах с администрацией любой пресс выдержит – пойдет в ШИЗО на пятнадцать суток, еще раз, выйдет почти дистрофиком, но – победителем! Глаза ввалившиеся, но в них достоинство.

Я видел блатной мир в перигее, в низшей точке его жизнеспособности, когда одним из принципов, надо признать, пришлось поступиться: заставили работать.

Но были у воровского сословия лучшие дни, расцвет его приходится на послевоенные сороковые. Они были свободны даже при Сталине – единственный не строящий коммунизм класс. Люди примитивные, грубые, жестокие, но не зараженные совковым идиотизмом. Государство в государстве, общество в обществе; ни моральных, ни гражданских законов которого, ни тем более идеологии, они не чтили.

С русской интеллигенцией, отстоящей от них, в общем, далеко, “отрицаловку” роднило одно существенное качество: неприятие власти. Не оппозиция, что принимает в целом, но противостоит по отдельным пунктам, отвечающим частным интересам, а именно – полное отрицание, вражда. Хотя природа неприятия у тех и этих разная.

Бандит есть патриот только своего желудка. Народ, власть, страна интересуют его в одном отношении – паразитического существования на них. “Если Родина в

опасности, // Значит всем идти на фронт” – заблуждение. Высоцкий ошибался, для бандита понятие “родина” не существует. Бандиту плевать – в опасности Родина или не в опасности. Лучше, когда истощена, тогда ему привольней.

Но есть еще одна веская причина, по которой не торопился на фронт истинный вор – ее можно назвать условно “идеологической”. К коммунистической власти у воровского мира была ревность. Из курса лекций, прочитанных мне в камере смоленской тюрьмы бывшим вором в законе Константином Васильевичем, я усвоил, что они чувствовали в большевиках родственную бандитскую душу.

Спустя несколько лет прочитаю “Архипелаг”, и узнаю о чудовищной несправедливости, которую не отобразил и Солженицын: такие же разбойники живут в Кремле, едят на золоте, тогда как мой “лектор” со товарищи вынуждены прятаться по “малинам”, отсиживать за неизмеримо меньшие преступления сроки по лагерям и тюрьмам.

У Константина Васильевича был сильный интеллект, все обосновывал личными наблюдениями и историческими выкладками, но еще больше убеждала его эмоциональность, когда разражался в адрес “тонкошеих вождей” страшной лагерной бранью. Она подавляла меня, убивала; изнемогая, я начинал молить: “Дядя Костя, пожалуйста, не надо...” Затихал, но не надолго – чувство попранной справедливости жгло его.

Особенные же презрения и ненависть горели в нем за то, что объявляли себя еще и благодетелями народа – за подлую лживость их, за лицемерие...

Не мог рваться истинный вор на фронт. Он и не рвался. Когда кто-то все же уходил, то сразу воровским миром объявлялся вне закона. Те, кто уходил на фронт – то ли польстившись на свободу ценой “первой крови”, то ли не выдержав лагерных условий военного времени, как, кстати, мой сокамерник, – объявлялись “суками”. Потом, при возможности, воры в законе вершили над ними суд и сразу же расправу.

Этим воспользовалась власть. С началом вражды, чтобы погасить усобицу, зоны разделили на “сучьи” и воровские. Но когда бандитизм, захлестнув страну, стал настоящим бедствием, а смертная казнь была отменена, их начали сталкивать намеренно.

В зону, где верховодили “суки”, запускался этап воров. Затем охрана запиралась на вышках и на вахте, и зона на несколько дней превращалась в арену гладиаторов. Когда воры полностью вырезали “сук” (или наоборот), на работу выходили оперативники, следователи, прокуроры, судьи – выясняли, кто там кого “замочил”. Рецидивисту, которому оставалось сидеть двадцать четыре года, назначали по новой двадцать пять лет.

Так воровской мир был ослаблен любимой тактикой всех тиранов, а большевиков в особенности: разделяй и властвуй.

Природа неприятия власти интеллигенцией сложна, с трехсотлетними корнями и имеет еще более роковой характер.

Мистические первоисточки процесса, точку, откуда идет детерминирование всех бед, побед, всех счастливых и несчастий российского этноса вообще и интеллигенции, в частности, Даниил Андреев относит к моменту крещения Руси – принятия эстафеты Православия от Византии и с ней “всемирной миссии некоторой высшей правды”.

Для исполнения этой миссии Россия была превращена “в великую евразийскую державу, заполняющую полое пространство между всеми тогда существующими культурами”. Оно должно было послужить ареной для творческих деяний сверхнарода, чьей культуре предстояло перерасти в интеркультуру. Произойти это могло от тесного соприкосновения со всеми культурами, путем их ассимиляции.

В решающий (на взгляд российского демиурга) момент, когда этнос для своей роли созрел и укрепился духовно, в России появилась личность, назначенная приступить к осуществлению сей миссии – Петр Алексеевич.

Вектор устремлений Петра имеет западное направление – “окно в Европу”: в Азию его прорубать нет нужды, Россия без того курилась духом Золотой Орды. Но на пути западноевропейского просвещения Петр шел упорно и до последних дней, преуспев в том много больше предшественников – Ивана IV, Бориса и Лжедмитрия.

Именно это родило проблему, о которую в дальнейшем российская власть ломала ноги, шею и не знала спокойного сна до самых девяностых годов двадцатого столетия.

В “окно” с Запада проникли к нам не только табакокурение, привычка чистить зубы и брить бороду. Западная Европа, оплодотворенная латинской культурой, а значит, римским правом, имела иной уровень личностных свобод, межсословных отношений и, что важно, властного управления – либерального, с уважением человеческого достоинства и права собственности. Всего этого захотелось научившейся носить парик русской аристократии.

Но могла ли себе позволить роскошь личностных и сословных свобод западного уровня власть в России? Там, где есть громадные пространства и нет традиций гражданской ответственности, гражданского долга, нет элементарной просвещенности, служащей основой первых? Где слабость коммуникаций можно компенсировать лишь жесткостью взыскующей центральной власти?..

Проблему эту лучше всех, а может, единственный осознал Петр Чаадаев; он понимал естественность тиранической власти в России и, более того, считал ее благотворной, оправдав деятельность даже проклятого в веках Ивана Грозного, “государя, чей кровавый топор в течение сорока лет не переставал рубить вокруг себя в интересах народа”.

В чем суть этого “интереса”? В том, по Чаадаеву, “чтобы положить конец бродячей жизни крестьянина, земледельца, немногочисленного населения, бродившего на пространстве между шестьдесят пятой и сорок пятой широтами на огромном протяжении империи”. То есть для того, чтобы племена – местные и пришедшие с Дуная –

разреженные на огромной территории, могли стать самостоятельным и определенно выраженным этносом, пережить процесс духовного созревания, сперва необходимо укротить и погасить энергию разброда этих племен. Начальная энергия была столь велика и потребность ее обуздания так сильна, что испытывалась самими племенами – свидетельство тому добровольное призвание варягов на княжение.

Через столетие после Ивана IV, первый российский Император вплотную приступает к осуществлению замыслов провиденциальных сил. Но заглядываясь через “окно” на соблазны западного обустройства и примеряя их для своего подворья, Петр закладывал мину под престол Романовых, и вряд ли подозревал, что взорвут ее те, кто был им и его реформами рожден – русской интеллигенцией, взявшей на себя при Петре и понесшей дальше миссию приобщения России к западноевропейской и мировой культуре, куда органически входит и функция освобождения.

В век золотой Екатерины она еще являет собой процесс скорее личностного освобождения. Духовная аристократия, представленная именами Дашковой, Фонвизина, братьев Паниных, “не выходит из круга монархических идей, оставаясь покорной и почтительной”.

Но уже наследника престола Никита Панин воспитывает так, чтобы по восшествии сей “русский Гамлет” сразу подмахнул Конституцию, написанную по шведской модели, где Никита провел благодарно поминаемую молодость. Невинная мечта об уютненькой такой “швеции”, омываемой с одной стороны Ледовитым океаном, с другой Тихим, где по окраинам бродят “дикие тунгусы и друзья степей”, да вольные казачки периодически шалят, питая смуты. Проект преобразований Панин пробует подsunуть еще Екатерине – не прошло. Мудра оказалась женщина, сказать не ложно.

Свобода шла в Россию, свобода зрела естественным своим путем, словно ребенок в материнском чреве. Еще для

Иванов III и IV, да и для Петра Великого все были Гришки, Ивашки, Алексашки, но при Екатерине II стали “Никита Иванович”, “Александр Васильевич” и т.д.

При ней юридически закрепляется принцип частной собственности. Указом о “дворянской вольности” Императрица запретила бить по лицу и пытаться. Уже правление в России можно назвать деспотией лишь отчасти, поскольку солидный слой населения имеет с достоинством сказать: не прикасайся ко мне, ибо я представитель свободного дворянства!

Но России не дано развиваться естественным, а значит, оптимальным путем. В силу геополитического положения страны, монарх стремится замуровать проклевывающуюся свободу обратно в скорлупу, “цыпленок” же рвется вылезти из нее раньше срока.

Не имея терпения и мудрости тонко управлять процессом, Павел, питомец “западника” Панина, сечет офицеров из дворян на глазах у солдат. Тем самым укоротив себе царствование, а вовсе не происками английской дипломатии – уверен, что это такая же ерунда, как подкуп большевиков немцами, а Горбачева – американцами. И немцы, и французы, и англичане влияли мощнейше на Россию, но не через шпионов, а посредством соблазнов своего общественного устройства, сословных прав, личностных свобод, да еще революционных идей и теорий.

Победа над Наполеоном с прогулкой русских по “европам” вызывает к жизни фанатов переустройства России по западному образцу. Они одержимы страстью загнать темный, несчастный народ, – а эта пресловутая несчастность с подачи Радищева обращается в безоговорочную данность, – в царство свободы и благоденствия. Самодержавию, как препятствию их устремлениям, объявляется война на уничтожение.

У Радищева констатация народного бесправия – только верхушка айсберга; в глубинной части его “Путешествия” найдешь и объяснение и предупреждение:

“Нужда, желание безопасности и сохранности создают царства; разрушают их несогласие и сила”.

У Радищева, однако, ищут лишь оправдания соблазну; одолев Наполеона, они начинают крушить то, чего не встретил на победном пути Батый, что положило конец ордынскому влиянию, и на чем сломал шею Бонапарт – монолит российского самодержавного образования.

Не все, разумеется, случались и трезвые головы, которые дилемму: самодержец – аристократическая конституция решали для себя в пользу первого. В числе их Пушкин – как веком раньше Дашкова, – он нес освобождение России внутренним освобождением себя. В “Заметках по русской истории XVIII века” еще юный Пушкин писал о вышепомянутых событиях: “К счастью... образ правления остался неприкосновенным. Это спасло нас от чудовищного феодализма”. Не дожив до освобождения крестьян, поэт различал его в недалеком будущем именно через посредство самодержавия.

Так думали, однако, единицы – в просвещенных сословиях набирает мощь движение, сомнительно названное “освободительным”. Не вполне понятно, кого и от чего освобождали все эти петрашевцы, нечаевцы, землевольцы и народовольцы... Народ? Но по их же признанию, они “в крестьянстве опору искали и не нашли” – мягко говоря; а откровеннее, этот народ вязал своих радетелей и сдавал уряднику. Фигнер объясняет это тем, что народ “далек от великих идей социализма и политической свободы”. Но дело, скорее, в том, что здравый смысл подсказывал крестьянину оптимальность существующего уклада, необходимость повиновения в противовес разброду.

История пестрит случаями барских зверств, разврата, мотовства – о них потому и известно, что они возмущали нравственное чувство, вопияли.

Но не вопиет о себе норма: суть ее в том, что барин (то же и монарх) есть гарант порядка и стабильности, высший авторитет в вопросах морального, гражданского и,

зачастую, уголовного прав в подвластном ему сообществе. Положение это не способствует бурному прогрессу, но оправдано и необходимо до тех пор, пока животное начало и дикие инстинкты в людской массе не будут погашены религией, образованием, всеобщим просвещением.

Для крестьянина его жизнь была естественна, он чувствовал несравненно большее родство с кормильцем-барином, с батюшкой-царем, нежели с нахватавшимися европейских верхушек в цюрихах студентами, с начитавшимися запрещенных книжек борцами за их счастье. Но “борцы” уже гнали коней, не разбирая дороги-бездорожья и не боясь сломать голову, тем самым освящая властebорческую традицию.

Последнее ужаснейшее обстоятельство привело к тому, что родившаяся вскоре профессия революционера – сиречь разрушителя государственности, становится престижнейшей из всех. В университетах уже непонятно, кого больше изучают: на парте Фурье Жана или Шарля Фурье под партой; сатанинский соблазн разрушения овладевает лучшими умами.

А.К. Кузнецов: “В декабре 1869 года я работал над диссертацией по низшим вредителям в сельском хозяйстве. Во время моей работы с микроскопом появился Сергей Нечаев. Он развернул передо мной картину революционного движения, охватившего в то время Россию, и осмел меня, предававшегося научным исследованиям, – он силой своего революционного убеждения покори́л меня”.

Лишь в ночь перед казнью Кибальчич берется за проект реактивной летательной машины, прежде было недосуг – бомбы изобретал цареубийцам.

Революционное движение притягивало к себе еще и людей, страдающих фрустрацией, вроде Засулич, Гриневицкого, Соловьева, Каплан. Крайне бедные жизнью в себе, они в силу психофизических причин были оттеснены с пира естественных радостей, и участие в освободительной борьбе явилось для них эффективным способом самоутвердиться.

В обществе, не больном крайней заразой революции, они были бы никем, либо им пришлось бы решать проблему личностной серости, лечить свои комплексы иным каким-то средством. А так – стрельнул в плохого градоначальника, и о тебе заговорила вся Россия. Без титанической работы вписался в ряд титанов.

Их вешали, гноили в Шлиссельбурге и в Сибири, и на виду просвещенных сословий они становились героями. Шедшие вслед за великомучениками считали, что им тоже самое Бог велел. И начисто было забыто, что Бог им велел другое.

Рванула мина – престол взлетел. И сразу мир убедился в горькой правоте Чаадаева: в народе высвободилась первобытная агрессия и энергия разброда на всем громадном пространстве между шестьдесят пятой и сорок пятой широтами.

Идет Мировая война, долженствующая, казалось бы, дисциплинировать все население, тем паче армию. Но вот выдержка из приказа военного министра, октябрь 1917 год: “Тыловые гарнизоны, потеряв воинский облик, разбивают военные склады. Устраивают погромы и бесчинства, убивают своих офицеров”.

Награбленное воители за веру–царя–отечество везут в крупные города для сбыта на толкучках. Крестьяне недолго позволяют проходить мимо их носа поездам с добром – экспроприируют экспроприаторов. Кому не достается, те растаскивают и жгут помещичьи усадьбы.

Короче, настал “России черный год, когда царей корона упадет”. Самодержавие было магнитным полем, выстраивавшим силовые линии религиозных, светских и деловых отношений в четкий рисунок. Как исчез рисунок этих линий в обществе с падением самодержавия рассказано в “Окаянных днях” Бунина. Полный маразм – вроде совершенно другой народ, чем при Пушкине, Тургеневе, Толстом.

Династия Романовых пала. Но не самодержавие! Феникс возродился в считанные месяцы, а к тридцать седьмому году так оперился, окреп и, главное, поумнел, что перво-наперво выкорчевал с непримиримостью своего “врага”, не сортируя: славянофилы – западники – всех! Неразрешимое-неразвязуемое разрубилось: нет сословия – нет проблемы.

Некогда просвещенные умы России или, как о них сказал министр юстиции граф Пален, отравленные “ядом бакунинских учений и демагогических стремлений, имели целью уничтожение и замену начал государственных”. На что? Как это представляли петрашевцы, подстрекавшие крестьян не платить податей? Как просчитывал “замену” Соловьев, гоняясь с револьвером за царем по Дворцовой площади? “Наше дело – расчистить место”, а что потом? Станет “как надо”. Стало так, что их самих не стало.

Кровавый топор, то бишь карающий меч революции в течение тридцати с половиной лет не переставал рубить вокруг себя... На благо? Я не так мудр, как Чаадаев – время покажет. Но дело свое новейшее самодержавие справило на совесть: истребило интеллигенцию как класс и воздвигло “железный занавес”, убив ее и функционально. Нет русской интеллигенции, “жертвою пала в борьбе роковой”.

Не вдруг, конечно... Грусть и тоска по свободному и незаурядному, Ницше сказал бы, “по всему хорошо уродившемуся, гордому, озорному и прекрасному” появилась в шестидесятые и четверть века боролась со страхом, с инстинктом самосохранения.

Еще четко работала чекистская мухобойка, с машинной заведенностью прихлопывая черту дозволенного преступивших; еще коль сегодня появлялась особь с первичными признаками интеллигента, то завтра такого Галича, Бродского, Буковского следовало искать либо в тюрьме, либо в дурдоме, в лучшем случае, за “бугром”. Но уже Высоцкому позволялось жить и петь – очень уж “гордый”, очень “озорной”, чтобы поднять на него руку.

И наконец, русское самодержавие, победившее на беспримерной дуэли, выбросило свою победу на свалку истории, как ребенок надоевшую игрушку.

Но одарив человечество богатейшим негативным опытом, испробовав на себе “яд бакунинских учений” и ленинских, иные мыслимые и немыслимые отравы, тем не менее мы совершенно не исчезли, как майя, скифы или кельты, как савроматы, хетты, тавры, как шумеры, трипольцы, этруски, инки, готы – им несть числа. И мы могли пополнить список сгинувших цивилизаций, исчезнуть, как исчезает любой этнос, в своем развитии недопустимо отклонившийся от оптимальной траектории.

Ведь что произошло? Русский народ был назван христианским. И справедливо, поскольку жил больше заветами Христа, нежели по закону Моисееву: “Просящему у тебя дай”, “Когда творишь милостыню – не труби перед собою”.

Но на социальную арену выходит русская интеллигенция и производит перестановку ценностей, перемену их местами.

Атеистическая декларативно, она была религиозной, но странно религиозной, поскольку Христовы заповеди существенно подредактировала.

Христос богатому юноше раздать имущество нищим лишь советует; интеллигенты в лице социалистов полагают, что нечего ждать от богатенького милости – задача взять их у него, таким образом приучая бедняка ненавидеть богатого.

Христос не возражает против уплаты податей: “отдавайте кесарю кесарево” – в этих словах ясное видение в государстве гаранта порядка, стабильности да и самого существования пророков, мессий, интеллигенции. Притесняемые властью, с крахом ее они первые подлежат истреблению. Социалисты стремятся к упразднению как податей, так самого “кесаря”.

В момент ареста, когда один из бывших с Ним извлек

меч, Христос сказал: “Возврати меч твой в его место”, после чего отдал Себя на суд и на распятие, апеллируя к совести, а не к силовым методам.

Землевольты-народовольцы, социал-революционеры и прочие “освободители”, отстаивая, казалось бы, приоритет нравственного, на практике предпочитают насилие. Получив по правой щеке, они не только не подставят левую, но стараются стереть обидчика в порошок.

И еще одна – вовсе губительная – перестановка: распределительному началу русская интеллигенция отдает приоритет перед делом.

Деловые качества первичны; за ними и их носителями – деловыми людьми, за столь презируемыми Герценом мещанами – приоритет. Это понимал Христос – Его установка на духовное развитие – “не хлебом единым” подразумевает первичным решение вопроса с хлебом. Это такая же данность, как любовь к себе в заповеди – “возлюби ближнего, как самого себя”.

Прекрасная, полная жертвенного энтузиазма русская интеллигенция, сократив заповеди на слова “единым” и “самого себя”, поставила себя святее не только папы Римского, но и самого Господа Бога. Она боролась за жизнь по совести в начале века, и в середине боролась. Ее, можно сказать, не было, но дух ее витал, боролся за справедливую дележку до самых девяностых. Теперь не борется. Потому что в России ценности встали на свои места – естественные.

Этим оптимистическим выводом хотелось бы, наконец, утешиться. Самодержавия нет, интеллигенции нет. Нет как самодостаточного сословия, “гравитационное поле” которого способно заставить прочие вращаться лунами вокруг себя или хотя бы влиять на их орбиты. Есть, разумеется, интеллигенты, и атавизм неприятия власти в них проявляться еще будет долго. Однако теперь у них нет сакрального права швырять в власть бомбами, поскольку появилось иное средство, если не исключющее вовсе бомбы, то ставящее их вне морального закона – выдвижение

на выборы собственной интеллигентной персоны с последующей демонстрацией “как надо”.

Короче, в России есть власть демократического формирования. И все бы хорошо – как эпохально выразился Горбачев: “Процесс пошел!” – да... ничего хорошего.

Параллельно с оздоровлением страны и экономики идут иные, обратные процессы – негативные. Они настолько значительны и очевидны, что голоса, пророчащие нам гибель, просто в хор сливаются, в оркестр, играющий уходящей из истории России “Прощанье славянки”.

Это трудно постичь здравым рассудком. Уже земля осела на могилке социалистической экстенсивной экономики, казалось бы, серьезных преград для очередного (крутого) витка развития капитализма в России не существует. Как некогда европейцам открылось громадное поле деятельности – американский континент, так перед капиталистами всего мира лежат целинные и залежные нивы российской экономики. Но не кидаются, отпихивая друг друга и толкаясь.

В чем дело? Почему не хлынули к нам деньги неудержимыми потоками? Почему происходит противоестественное, как течение рек вспять?..

В поисках ответа обращусь к параллельному предмету нашего исследования.

Мы оставили его на том, что воровской мир был сильно ослаблен политикой ужесточений и внутренних натравливаний. Все больше паханов выступали по лагерному радио, отказывались от звания вора в законе, обязались честным трудом... и так далее.

Но преступное сословие не было истреблено (как интеллигенция, от которой остались разрозненные кружки да особи). Потенция мира отрицаловки оказалась замороженной, кинетика заторможена на несколько десятилетий. Ненавидимая ими власть коммунистов и тут, считай, победила – эти “сверчки” смирились со своим шестком.

Однако в начале девяностых страна совершила невероятный кувырок и пока, потеряв координацию, вертелась, “шестки” сместились и оказались на других местах.

Страна приземлилась в рынке. Коммерция требует авантюриности и риска, предполагает в предпринимателе высокую степень внутренней свободы. Единственный, кто этим обладал в обществе с тотально-батраческой психологией – это криминальный элемент; он в коммерцию и хлынул.

Рынок объявить – акт принятия закона о собственности; рынок построить – дело десятилетий накопления опыта и традиций, создания свода сопутствующих, регулирующих коммерческие отношения законов, формирования особой, деловой этики, наконец.

В стране непрофессиональных законодателей, честный бизнес оказался весьма проблематичен, а для урок – непривычен и даже неприличен, их этике противоречащий. Отсюда между ними и властью, устанавливающей и контролирующей правила игры, стал необходим альянс по расчету – для установки правил, позволяющих им, как говорят шулера, “играть на одну руку”. Теперь на него пойти было возможно, не поступившись принципом несотрудничества с компартией, поскольку последняя утратила роль “руководящей”.

Словно попавший в благоприятную среду подсушенный клоп, быстро обретая силу, полнокровие, здоровую и жизненно для него необходимую агрессию – преступный мир в альянсе доминировал. Когда он расцвел во дни послевоенные, то оказал влияние на жизнь всего населения, внеся свои обычаи, нравы, лексику.

Ныне же, спустя полвека, войдя в тесное касанье с властью, он сообщил ей свое характернейшее качество, которое составляет не декорацию, а самую суть его и природу: использование страны, народа для паразитического на них существования.

Существование это возможно, естественно и прогрессирующе в том случае, когда у субъекта кровососания нет

чувствительных связей, которыми передавалась бы ему боль и страдания изнемогающей страны. Так волк, режущий стадо, порою не по необходимости даже, а из звериного азарта, не может сострадать гибнущим овцам и разоряемому пастуху, иначе он не волк; так же купленные бандитами милиционеры, прокуроры, депутаты, прочие чиновники, действующие с урками заодно и представляющие в своей духовной сущности единый хищнический организм, не могут чувствовать боль разоряемого ими народа.

В начале девяностых – в период немыслимой инфляции для развития производств были образованы льготные кредиты. Этот стартовый капитал постсоциалистической экономики был мгновенно разворован руководителями производств и материализован в плотные кольца особняков вокруг полуголодных городов России. Кто они, взявшие на гоп-стоп державу?

Законы же о налогах, творимые Думой, таковы, что неубыточная коммерция возможна лишь под покровительством бандитов, от налогов ограждающих. То есть переадресовывающих их себе и по ступеням выше, выше – законоохранителям и, очевидно же, до самих законодателей. Ясно, что без движения у них лежат проекты наиболее действенных законов о борьбе с коррупцией. Вывод? Там тоже “красивые люди”, которые на теневые налоги с теневой экономики “строят спортшколы”.

Им, разумеется, не достает профессионализма. Но законы их достаточно умны для того, чтобы не допустить в страну широкий поток инвестиций с Запада. Объясняется это патриотическими соображениями, либо капризами инвесторов.

Но истинная причина не в них, а совсем в другом. Когда у нас, как некогда в Японии, в Южной Корее, ныне в Китае, широким фронтом развернется иностранное предпринимательство, а русский работяга пойдет на завод к бельгийцу или англичанину и начнет, наконец, жить не

впроголодь, то сразу станет ясно: наши чиновник, администратор, депутат – отнюдь не пастухи и не хозяева, а волки. И если они примут законы, которые принять должно для расцвета экономики, то из России нельзя будет пить свободно кровь.

Бал правят дух и психология бандитов – свободные стали еще свободнее – беспредельно. Страна поделена на зоны влияния между администраторами, армейским генералитетом, милицией, пожарными, санэпидстанцией, собственно рэккетом – все озабочены одним: не упустить свою долю, высосать положенную каплю и наказать посягнувшего на свой участок. Попробуйте производить, торговать, играть в большой футбол, даже маленькую милостыню просить без “крыши”... Пожалуй, одно копанье в мусорных баках не подконтрольно мафии.

Процесс криминальной психологизации общества не только не затухает, но ширится и углубляется.

В таком состоянии страна, возможно, вступит в третье тысячелетие. Но возможно, что и не вступит, то есть вступит в иное состояние.

Вопрос стоит так: быть или не быть российской демократии. Демократия – это когда эффект от нее положительный. А если с минусом? Тогда мы ошиблись термином: демократия – это свобода созидания; свобода разрушения есть анархия. Последняя неизменно оборачивается смутным временем, и тогда свобода сворачивается.

Это исторически традиционно: после смутных времен в России всегда грядет реставрация самодержавия, его упрочнение, ужесточение. Благополучные варианты – это Михаил Романов, Александр III; кошмарные – Иван IV, Сталин.

Теоретически возможность возврата диктатуры не подлежит сомнению. А практически? Да делать нечего! Уже был случай – не возьму в толк, как он не реализовался. Кто после расстрела Белого дома мешал Ельцину прибрать

всю власть к рукам? Народ? Безмолвствовал! Вернее, наблюдал события с праздностью зеваки.

Возможно, тогда еще не созрел момент, недостаточно набралось “окаянных дней”? Наверное. Кто-то, включая самого Ельцина, еще питал иллюзии и жил надеждой. Да, наверное, первый президент России не взял на себя ответственность стать палачом демократии, могильщиком надежды. Но ее все меньше.

Ситуация переменялась – в смысле, бардак усугубился. “Региональные боссы преступных группировок контролируют таможенные склады на местах. Часто таможенные служащие находятся на содержании преступных групп. Пошлины платят только за тридцать пять из каждой тысячи импортируемых в страну легковых автомобилей.

Многие банки находятся или в собственности или под контролем преступных группировок и заняты отмывкой “грязных” денег. Организованные преступные группы сами не платят налоги, еще и довольно часто собирают их вместо государства. Присвоив приватизированное имущество, российская мафия контролирует сегодня около сорока процентов всей экономики. Новые собственники зачастую не заинтересованы в нормальном развитии предприятий; выкачивают ресурсы, переводят доходы за границу. Капитал утекает. А рабочие сидят без зарплаты”*.

Разночинные борцы-освободители сделали из Радищева для себя Магомета. Но читали его ровно столько, чтобы вскипеть эмоцией. А ведь и об этом в недрах “Путешествия” найдете – ну, при желании, конечно:

“Повиновение прервется, связь рушится, будет паки хаос, в начальных обществах обитающий. Земледелие умрет, орудия его сокрушатся, нива запустеет и бесплодным прорастет злаком. Города почувствуют властодержавную десницу разрушения. Чуждо будет гражданам ремесло, рукоделие скончает свое прилежание; законы затмятся и

* Луиза Шелли. “Экономический бюллетень Всемирного банка”.

прорастут недействительностью. Такое огромное сложение общества начнет валиться на части и издыхати в отдаленности своей от целого; тогда престол царский, где ныне опора, крепость и сопряжение общества зиждутся, обветшает и сокрушится... и общество узрит свою кончину”.

Слава Богу, это лишь предупреждение. Разгулявшееся воображение художника, мыслителя, даже великого – это одно, а жизнь – другое, и в реальности нашему обществу не доводилось узреть полную свою кончину.

Потому что в критический момент в России всегда возрождалось самодержавие – магнит, который мощным своим полем восстанавливал “сопряжение”, рисунок силовых линий в обществе. Не надо быть Кассандрой, чтобы предсказать недалекие события: в августе девяносто первого народ защищал демократию, в девяносто третьем маятник гражданского пафоса был близок к “мертвой точке”; ныне он все дальше отклоняется в сторону обратную и заряжается иной энергией – отнюдь не продемократической.

Пять лет назад Ельцину никто не мешал установить диктатуру. Если к победе капитализма мы будем двигаться по-прежнему с отрицательным ускорением, то следующему соискателю помогут, а то и... принудят. Самодержавие окажется востребованным новой исторической необходимостью.

К диктатуре он придет, скорее всего, демократическим путем. Победит на выборах, потом начнет обтесывать-обрубать лишние ветви власти. Оставляя видимость их, муляжи. Опустив бюллетени за потенциального диктатора, народ тем изберет способ образования диктатуры.

Кто бы он ни был, по инерции советских традиций сразу или постепенно разделяется с подельниками – в меру своей крутости. Не из кровожадности, а вынужденно.

Он захочет оставаться не злодеем, укравшим свободу, задушившим демократию, а благодетелем, спасителем, вождем. И ему понадобится сформировать себе харизму. А соратники-пodelьники будут мешать ему своею памятью и не обязательно о его криминальном прошлом.

Но показательные процессы над нынешними нуворишами, несомненно, загремят во всеуслышанье. Пооткрывали счета в Швейцарии, на Кипре, решив, что застраховались! Наивные... Достанет. Вернет все до рубля.

Сыскные агентства сейчас и прежде предлагали свои услуги. Их расследования, двести томов по сей день бесполезно пылятся в секретном архиве.

Но ничего, придет “лучший друг физкультурников”, лежать забудут! Смахнут с них пыль, отколют и новые заведут. Вернут все, что награбили, а если потребуется, то западные власти и их связанными передадут, чтобы не портить отношений с главой супердержавы в перспективе богатого с нею сотрудничества. Прецедент был: в сорок пятом Сталину выдали невинных беженцев режима, неужто завтра пожалеют жуликов?

Не думаю, что при Отце-Учителе мы, пролетарии, будем изнывать от благоденствия. Чрезмерно не зажиреем, но будем сыты, одеты и обуты; еще он даст нам уверенность в завтрашнем дне... лишив этой уверенности остальное человечество.

Пока мы перебирали проблемы чисто российские, внутрисемейные. Но проследите, господа, закономерность: любой рожденный социальным кризисом спаситель отечества втягивает в круг претензий на “спасение” соседние народы, а то и весь мир, держит в напряжении и заставляет дорого платить за бывшую индифферентность, за брезгливую отстраненность и даже за запоздалые меры. Саддам, Пол Пот, Кастро, Мао, Муссолини, Гитлер, Сталин...

Обратимся к перспективе для всего мира гибели демократии в России начала следующего века. Не сказать, что мировое сообщество к нам равнодушно. Мне кажется, политики ведущих стран настроены по отношению к происходящему в России радостно и, я даже сказал бы, восторженно-оптимистично: слабая страна вот-вот ослабнет окончательно. Монстр скатится в пределы по всем параметрам немощного мира, тем сняв головную боль у “золотого миллиарда”.

Радуются, забыв о непредсказуемости России, и напрасно — для непредсказуемых скачков уже шар тесен. За ухмылчивое выжидание, когда большевистская Россия ослабнет и издохнет, мир заплатил Второй мировой войной; за сладкие надежды на очередное наше издыхание заплатит...

Нет смысла обсуждать историю в сослагательном наклонении. Но мы здесь еще, в XX веке, и говорить об этом в перспективе нам есть смысл.

Итак, возможны ли еще варианты и есть ли выход?
Есть.

В 1776 году Новый свет получил независимость и стал самостоятельным государством. Когда через одиннадцать лет им была принята самая свободная в мире Конституция, предоставляющая для личности небывалые возможности, в Америку хлынул авантюрный элемент, инициативный и предприимчивый порой настолько, что по многим плакала тюрьма. У нас голову подняло родное, замороженное, а там лихие людишки слетелись со всех концов земли. И было то же: авторитеты-гангстеры с влиянием государственного уровня, рэкет, как на работу выходящий на сбор дани; мафия со щупальцами по всему миру.

Что же сделало американское правительство для спасения страны от скатывания в тотальную преступность? Но тут надо заметить, что оно воровским духом так не прониклось, не пало до низменного стремления вцепиться в свой кусок и рвать рыча-урча. Вероятно, потому, что слишком велика тогда была Божественная энергия "Декларации прав человека", высоким духом личностных свобод были осенены и отцы-основатели, и лучшие умы Америки.

Так вот, чтобы справиться с взрывом преступности, правительство увеличило ассигнования на культуру в несколько раз, а поскольку наполнение континента шло многие десятилетия, то и процесс интенсивного окультуривания длился столетие и больше.

Да, бандит – это животное, но он же и человек, то есть имеет рудименты Божественной природы. Задача культуры их востребовать, развить, реализовать.

Ситуация США начала XIX века и России конца XX, конечно, сильно различаются. Кто будет принимать у нас решение об увеличении отчислений на культуру? “Невежественная и подлая, неумелая и преступная жадная олигархия”? Да они школьным учителям их жалкие гроши не платят по полгода.

В чем спасение? Кто этих волков очеловечит? Денег на культуру нет, доброй воли отцов-основателей нет, надежд все меньше. Что же есть?

Русская интеллигенция. Самоотверженная, высокодуховная, которая не за мзду, но токмо ради служения Отечеству и своему народу...

Ее, как мы убедительно здесь доказали, тоже нет. Тем не менее, настал звездный час для ее подвига, если хотите, для искупления ее грехов.

Есть интеллигенты и их мало. Но если вернемся к носителям духа разрушения, то всех этих активных нечаевых-желябовых-ульяновых ведь тоже счесть по пальцам. Количественно их было куда как меньше, нежели сельских учителей, врачей, юристов – кропотливых тружеников земства, несущих невспышливый, но постоянный свет.

Однако соотношение масс все ж было в пользу разрушителей. Сила их морального влияния на просвещенные сословия оказалась такова, что даже теоретик непротивленчества Толстой сказал о терроре: “И все-таки... это целесообразно”. Такие властелины дум, как Чернышевский, Писарев, Нечаев, Добролюбов нужны сейчас России – только с обратным знаком, с созидательным, вернувшиеся к учению Христа, Которого сто лет назад предшественники их извратили.

Есть, наконец, русские интеллигенты, раскиданные по всему миру. Десятилетиями используя западные радиостанции, как рупор, они подтачивали коммунистический

режим. Может, он рухнул бы сам собою, но – подтачивали. Ради чего? Из принципа свободолюбия, народного блага ради – это сомнению не подлежало.

Режим пал, однако, народ ввергнут в иную, худшую не-свободу. Что же интеллигенты? Устранились? Тогда принцип их резко меняет качество; я даже назвал бы это переменной знака – обретением значения низости, предательства и подлости, все тем же прислужьем сатане.

Впрочем, возможно, те господа опять через “голоса” будут стараться для народа? Теперь это никому не нужно. Нужно другое – присутствие их здесь, сейчас, немедленно.

Причисляющие себя к духовной аристократии России могут собраться у колыбели нашей демократии, чтобы послужить ей капельницей и кислородною подушкой. Реанимировать мертворожденное дитя, дать ему дыхание и наполнить жизнью созданием ауры порядочности и благородства.

В возможности интеллигенции привнести на Родину власть света с правилами стран цивилизованных, где шкурничество непрестижно. Тогда рвачи и кровососы будут не выпятив грудь ходить, хвалясь мерзостью душ своих, а начнут себя стесняться, уйдут на темные задворки общества.

Боюсь, своих сил в стране для этого маловато. В Израиль со всего мира вернулись иудеи для возрождения Земли обетованной; развеянная по лицу земли русская интеллигенция может вернуться на историческую родину для воскресения России.

Бог дал человеку свободу выбора.

В чем? Купить бритву или штаны в том супермаркете либо в этом? Поехать в отпуск в Африку или на Кипр? Нет.

Взять на себя боль и заботы изнемогающей страны или остаться равнодушным наблюдателем – этим, видимо, будут нагружать чаши весов на Страшном Суде.

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

Ася Пекуровская

Довлатов (плюс-минус) миф. Исповедь*

23. Улыбаться белыми зубами

...то деланно, скорбно мрачня, но в меру, конечно, то широко, жестко улыбаться белыми зубами, бесплатно починенными у русской докторши, покровительствующей эмигрантской поэзии... Как будто за ним стояла невеста какая удача, уверенность, положение в жизни, и она была у него, ибо это была удача презрения к удаче, атлетическое безумие наглого высокомерия, смеющегося над жизнью, положением в жизни, уверенностью...

Борис Поплавский

Еще три года назад мысль о том, что я стану извлекать из собственной памяти куски и лоскутки нашего с Сереей зыбкого шатра, не возникала даже в моем подсознании, так далека я, казалось, была от моей юности и геогра-

* Окончание. Начало в № 187, 189 – 191.

Copyright © 1996, Asya Pekurovskaya.

фически, и хронологически, и по жизненному мироощущению.

Припоминаю, что в первые годы эмиграции, когда стала обрывать новыми друзьями “на жизнь”, моя ближайшая подруга Аня Моталыго-Крос, которая совершала бесчисленные перелеты в Россию и обратно, пользуясь льготами советского гражданства, потребовала Сережиных координат, чтобы познакомиться с моим прошлым из одного из первоисточников.

Кажется, тогда Сережа ее ошарашил категорическим заявлением. “Об Асе, – сказал он, с широким гостеприимством распахнув двери, – мне сказать нечего, кроме того, что она причинила мне много зла.”

Памятуя о Сережином театре, я пропустила это заявление мимо ушей, как впоследствии игнорировала саркастические нити, вплетенные в мое имя создателем автобиографического волокна Довлатовым.

Если в каких-либо скрижалях еще сохранилось разделение мемуаров на увеселительные, типа историй Штелина о Петре Первом, и, наоборот, серьезные, типа сказаний протопопы Аввакума, то мои, пожалуй, не принадлежат ни к одной из этих категорий. Мои воспоминания не основаны на дневниковых и иного рода регулярных записях, типа мемуаров Лидии Корнеевны Чуковской об Анне Ахматовой. Мемуаристом я стала случайно и вопреки.

В апреле 1996 года мне позвонил незнакомый человек, Григорий Поллак и, на языке, на котором мне не привелось вести беседы с незнакомыми людьми более двадцати лет, предложил написать воспоминания о Сереже. Он готовил альманах и назвал имена участников в нем: Аксенов, Битов, Бобышев, Попов и другие.

Первое побуждение – отказаться, что я тут же и сделала. В моем распорядке дня не было места для мыслей о нашей молодости.

Однако, чтобы как-то смягчить свой отказ, я предложила Григорию Поллаку ответить на его вопросы, если таковые

окажутся, которые он незамедлительно прислал.

Через два дня у меня было написано больше двадцати страниц, а через две недели – больше шестидесяти. В июле 1997 я уже твердо знала, что пишу книгу.

Примерно к тому времени, когда Поллак загубил идею альманаха, я закончила первую версию, копию которой подарила Пете Немировскому и Инне Грушко, дружбой с которой была награждена на более поздних ступенях эмигрантского существования.

Прочтя и похвалив мое творение, они через своего техасского друга познакомили меня с Наташей Белинковой-Яблоковой, которая щедро распорядилась судьбой рукописи, собственноручно отправив ее Виктору Перельману, редактору “Время и мы”.

На правах замечательного редактора и менее замечательного автора Перельман опубликовал разрозненные части рукописи с собственными вкраплениями.

Что же изменилось в моем сознании? Что понесло на ниву мемуарной публицистики?

Ну, разумеется, вдруг возникшее сознание долга перед Машей, у которой никогда уже не будет возможности узнать что-либо о собственном отце от него самого, равно как и страх упустить шанс поведать ей нечто, что исходило бы не от других людей, а от меня лично.

Однако уже на ранних стадиях работы возник и собственный интерес. Впервые знакомясь с Довлатовскими текстами, до которых ранее не доходили руки, я сделала первое открытие о конфликте между первичным и вторичным в его творческом процессе. Сережа, будучи способным на качественный отбор материала, к литературе принадлежащего, был начисто лишен фантазии, в связи с чем находился в трогательной и беспомощной зависимости от тех, над кем потешался.

С одной стороны, тексты типа “Соло на Ундервуде” или “Невидимой Книги”, явились продуктом коллективного творчества, и Сереже, как таковому, не принадлежа-

ли. В то время как тексты типа “Зоны”, оплата по дивидендам которых принадлежала лично Сереже, заслуживали признания в контексте его неизменного круга, квадрата и параллелепипеда. Было сделано и наблюдение о собственной роли в том, что представлено как предмет Сережиной фантазии.

Некоторые формалисты, – писала я в своих черновых записях – например, Виктор Борисович Шкловский, чтобы как-то начать разговор о литературе с нуля, сводили историю мировой литературы к наличию нескольких устойчивых и повторяющихся сюжетов.

Моя роль в Сережиной литературной охоте ближе всего повторяла сюжет “Поединка” Пушкина.

Будучи привилегированным зрителем на многих Сережиных поединках жизни и сама являясь живой мишенью некоторых из них, я занялась восстановлением тех контекстов, которые им предшествовали. Вслед за контекстами отыскивались скрытые мотивы.

Здесь речь может пойти о дуэли, как некоем пожизненном состоянии, достаточно неудобном и неприемлемом для жизни двух друг с другом не связанных людей, слив их воедино вопреки их воле. Один человек имел неосторожность, говоря абстрактно и опустив детали и условности того времени, пожалеть другого человека, чего другой человек не смог ему простить до конца своих дней.

Расставшись с Сережей в начале шестидесятых и прожив несколько жизней при ином атмосферном давлении, с горечью поняла, что все мои попытки “искупить” свою воображаемую вину не растопили Сережиного хронического недуга.

Однако Сережа, со свойственным ему непостоянством, отдался своему ожесточению только наполовину. В одной руке он продолжал нести свое сердце, щедро расплачивающееся сердечностью за сердечность, в то время как другую руку, с маузером на прицеле, он держал в кармане своего единственного твидового пиджака, верша возмездие

за жалость, которая была проявлена к нему в молодости и за которой Сережа тогда же разглядел скрытое равнодушие.

24. Ореол элитарности

Существует много определений того, что такое литература: преодоление горестей, и желание скрыть правду о себе, и что-то связанное с полом, если верить несчастному Фрейду... Это еще и способ убить время, это почетное хобби, рычаг достижения власти и так далее...

Сергей Довлатов

У Александра Жолковского вышла статья со скромным названием: “Анна Ахматова – пятьдесят лет спустя”, где с присущим автору блеском демонстрируется закулисная драма жизни одного мифотворца.

Не будучи в центре эмигрантской жизни, узнала о существовании этой статьи по силе взрывной волны, которая докатилась даже до нашего провинциального городка. Соборная эмигрантская толпа, равно как и соборная толпа отечественных интеллектуалов, злопыхательствовала в адрес автора, осмелившегося посягнуть на святая святых авторитет мифотворца, кавалера прогрессивной премии Этна-Таормина и получательницы Оксфордской мантии доктора философии.

У Жолковского речь идет об авторитете Анны Андреевны Ахматовой.

Однако я полагаю, тут речь может пойти об авторитете всех наших героев-мучеников. О Пушкине, декабристах, Достоевском, Солженицыне, Пастернаке, Бродском и, представьте себе, даже Довлатове, вслед за которым вышагивает многострадальная русская интеллигенция как в

эмиграции, так и в собственном отечестве.

Шествие продолжает многострадальный русский народ и заключает пострадавший от красного террора монархический престол. Всех их объединяет ореол элитарности и ореол тайны. Все создавали свои “институты” в согласии с устоявшимися клише христианской соборности, где бедность есть в сущности богатство, где “я” есть одновременно и “мы”, где за “стоическим самоотрешением” проглядывает “нарциссистское самолюбование”, где проповедь индивидуальности всегда и неожиданно оборачивается подавлением той же индивидуальности.

Казалось бы, становится понятным, почему на Жолковского набросились решительно все. Он посягнул на элитарность и избранность не только объекта своего исследования, но и всех и каждого из своих читателей, занятых созданием собственных мифов по образцу мифотворчества их кумиров.

Но и тут возникают некоторые тонкости.

Первое. Жолковский отказался от пафоса поляризованных абстракций, влитого не одним поколением наших религиозных философов прямо в кровь каждому российскому интеллектуалу, заменив его эффектом “стокгольмского синдрома”, согласно которому “жертвам свойственно принимать точку зрения своих властителей...”.

Таким образом, “жизнетворческий перформанс”, неотделимый от ритуала оценки такого “перформанса” господами номенклатурной свиты, неизменно присутствующей при создании мифа, будь то Ахматовской, будь то свиты господ советской партократии – и есть начало история культа, культа Ахматовского, культа монархического, культа генералиссимуса и даже культа анонимного, на который вот-вот и вскочит вчера малоизвестный, а сегодня довлеющий над всеми умами охотник до человеков, Сережа Довлатов.

Вторая тонкость заключается в том, что “сила господствующих мнений не в их аргументированности, а в их принятости”, как говорит пророк – Жолковский, сам

оказавшийся жертвой своего пророчества. “Ритуально-мифологическое” мышление, являясь общепринятым, не допускает никакого другого мышления.

Сегодняшний читатель убежден, что Ахматова была вдовой Гумилева, и тот факт, что Гумилев, разведясь с Ахматовой, женился на Энгельгардт, для большинства читателей означает пренебрежительно малую поправку, которая лишний раз доказывает преимущество мифа перед фактом.

Продолжая аналогию, отмечу, что до сегодняшнего дня лица, ломающие перья над глубинами довлатовского вымысла, включая гостившего у меня в ноябре 1997 Андрея Арьева, не поинтересовались, что творится в моей голове, из единственного опасения, что моя информация может разрушить созданный Сережей и подхваченный его свитой миф.

25. Если верить Фрейду

Я лично пишу для детей, чтобы они после моей смерти все это прочитали и поняли, какой у них был золотой папаша, и вот тогда, наконец, запоздалые слезы раскаяния хлынут из их бесстыжих американских глаз.

Сергей Довлатов

Меня опять упрекнут в дислокации и передислокации, то бишь в подмене Божьего дара яичницей. А посему, загрузив apples and oranges в одну американскую кошелку, решила никого ни с кем не сравнивать и ни о чем не судить сгоряча.

И что получается? Ахматова, к примеру, в первую очередь, создавала историю русской поэзии, а в свободное от этой работы время – миф о себе.

Другое дело, Довлатов. Сам ни в поэзии, ни в истории не был замешан, а между тем ваятелем был, причем, ваяте-

лем собственного мифа. Ну, и дальше-то что? Оказалось, что у Довлатова, помимо проблемы ваяния, была проблема того, что сказать, с чем повременить и о чем подумать в сугубом одиночестве.

И дело тут не только в подробностях его женитьб. Дело-то с этими женами.

Как, рассуждал он в ночные часы вселенского бдения, следует относиться чувствительному ваятелю собственно-го мифа к теме отцовства?

Сказать, что Сережа избегал самой темы отцовства, было бы несправедливым. Некоторым образом, он бессознательно стремился к ней. А те темы, к которым Сережа бессознательно стремился, как уже было однажды замечено, попадали у него под самую что ни на есть стремительную рубрику, а именно, в раздел Предисловий, Преамбул, Пролого-мен, Введений и Интродукций.

Вот Сережа и вызвался заполнить свою стремительную рубрику в виде Предисловия к одной восхитительной книжке под названием "Илюшины разговоры". Вызвался Сережа написать Предисловие, возможно, ввиду того, что книга была написана давнишней подругой юности, Диной Виньковецкой, а, возможно, что ее персонажи, Дина и Илюша, оказались достойными объектами для размышления на тему отцовства.

Предисловие было озаглавлено двусмысленно: "Устами младенца", позволив автору, самому причастному к теме отцовства, как бы причаститься и к тем устам, которые, согласно народной мудрости, глаголят истину, и к той истине, которую эти уста глаголят.

Факт Сережиного отцовства противоречил самому безыскусному Евангельскому слову, не говоря уже о тщательно выписанному автором литературному имиджу.

Катя, дочь Сережи с Леной, как было упомянуто выше, родилась до того, как Сережа получил развод со мной. Маша, наша дочь с Сережей, родилась после моего с Сережей развода. Коля, сын Сережи и Лены, родился после

их развода. Существует, по дошедшим до меня слухам, еще один ребенок, подведший итоги плодотворного таллинского периода.

Свою философию отцовства Сережа не преминул почерпнуть из отечественной литературы. Однажды установив канон, Сережа свято следовал ему во всех случаях жизни. Например, на манер героя “Подростка”, он предпочитал перепоручить заботу о детях их матерям, и так поступал со всеми детьми.

И тут сама собой напрашивается аналогия с Ахматовой.

Остракизм был один из немногих – и потому излюбленных – реальных орудий власти, доступных Ахматовой, – пишет Александр Жолковский, предпосылая это замечание рассказу о реакции Ахматовой на то, как В.Г. Гаршин прямо на перроне Московского вокзала в Ленинграде (май 1944 года) объявил, что передумал на ней жениться.

За разрывом с Гаршиным... “последовало ...уничтожение ею их переписки, запрещение знакомым упоминать о нем, снятие посвящений ему в “Поэме без героя”...” т.д.

Не исключено, что Ахматовский остракизм был взят на вооружение Сережиным подсознанием, ибо вслед за Анной Андреевной и, возможно, в назидание опрометчивому Орфею, который, как известно, не удержался от рокового соблазна оглянуться назад, Сережа прожил почти половину своей жизни, оставшись верным одному воздержанию. Еще до рождения Маши Сережа сказал, узнав о моей беременности: “Если вернешься ко мне, будет отец у ребенка. Если не вернешься – ребенок будет твоим и винить ему будет некого, кроме тебя”.

Известно, что Анна Андреевна до конца своих дней не простила Гаршина, вычеркнув его из своей жизни. Аналогично, но еще более изощренно, поступил Сережа, отказавшись от того, чтобы однажды лицеизреть своего собственного ребенка, Машу.

Как всегда, Сережин расчет был безупречен. Он победил мое равнодушие той же логикой и тем же простым расчетом, каким завоевал и веру кондуктора, учтившего его в проезде без билета, и веру каждого читателя, который поверил в Сережину исключительность и Сережины фантазии.

“Что угодно может выдумать человек, но добровольно стать Альтшулером – уж извините”, – звучит оригинальная формула. “Можно мстить женщине чем угодно, но заставить ее равнодушно взирать на то, как наказывают ее ребенка – вряд ли возможно”, – звучит Сережина формула в усовершенствованной версии.

Если учесть, что Маша родилась 5 ноября 1970 года, а Сережа умер 24 августа 1990, то оказывается, что за двадцать лет довольно-таки разухабистой жизни в Сережинном сознании не наступило момента, когда бы он, усомнившись в однажды принятой мести, вдруг спонтанно или в каком-либо порыве нарушил свой обет отторжения собственной дочери. При этом Сереже удалось удержать за собой репутацию человека вспыльчивого, но отходчивого.

Полагая, что репутации относятся больше к сфере мифа, нежели реальности, делаю допущение, что “отходчивость” Сережи была заключена в тиски такого временного регламента, при котором исключалась какая бы то ни было волевая деятельность, в то время как для проявления “вспыльчивости” были раздвинуты границы вечности.

Как бы то ни было, но миф вспыльчивого, но отходчивого, а, стало быть, беззлобного человека был прочно закреплен за Сережей благодарными потомками. Виктор Ерофеев даже назвал свое интервью с Сережей “Даром органического беззлобия”, хотя не ясно, из каких таких источников черпал Ерофеев свое название.

Что происходило в сознании Сережи по части отцовства за эти двадцать лет – узнать невозможно, и оснований к тому, что у Сережи никогда не возникало моментов “отходчивости” у меня нет.

Однажды, во время моего Нью-Йоркского визита к ним, Нора Сергеевна нарушила негласный обет обходить опасную тему молчанием. Зазвав меня к себе в комнату, она спросила о Маше и, выслушав мой ответ, сказала растерянно: “А я боюсь ее увидеть... Боюсь полюбить”.

Что касается меня, памятуя о Сережином отцовском вкладе в воспитание своей старшей дочери, Кати, ограничивавшееся тем, что отец иногда приносил Катю в сумке в пивную, поручая и сумку, и Катю, произволу гардероба без гардеробщиков, я была далека от того, чтобы пожалеть о несостоявшейся заботе Сережи о Маше. Когда Маша подросла, я заняла другую позицию, и в июле 1988, в мой очередной визит в Нью-Йорк, за два года до Сережиной смерти, предложила Сереже начать с Машей переписку, на что он согласился с присущим ему рыцарским бряцанием доспехов.

Помню, как сидя в многолюдном кафе на 42-й улице, куда мы забрели после прогулки, и жуя какой-то бутерброд с вытекающими из него последствиями американского образца, я спросила Сережу: “А не настал ли момент познакомиться с дочерью?” – “Давно настал”, – сказал Сережа, почему-то вскочив. – “Всене непременно”.

Однако по какому-то наитию, я решила пощадить Машу, освободив ее от томительного ожидания обещанного контакта, что оказалось разумным решением.

В письме, помеченном 22 сентября 1988 года, Сережа поспешно и бесповоротно отменил свой рыцарский порыв, заменив его многословным послесловием:

Милая Ася! Я дважды пытался написать Маше письмо, но ничего из этого не вышло. Все это предприятие мне кажется довольно-таки искусственным. Нет таких слов, чтобы объяснить, почему человек восемнадцать лет не интересовался девочкой, а затем вдруг решил представиться: “Говорят, я ваш папа”, и так далее. Все это выглядело бы фальшиво.

Как это ни дико звучит, но Маша явилась в результате случайной встречи, когда не только с твоей, но и с моей-то стороны не могло быть и речи о каких-либо чувствах, если не считать твоего равнодушия и моих обид.

Много лет, до и после этого события, я считал себя жертвой, а тебя – соответственно – преступницей, пока не узнал, что ни жертв, ни преступников в таких делах не бывает, но к тому времени мои недобрые чувства к тебе переросли в безразличие, которое распространилось на ни в чем не повинную и, по всем имеющимся сведениям, прелестную девочку Машу.

Так или иначе, я не в силах написать ей ничего такого, что не казалось бы мне заведомо фальшивым, глупым и даже пошлым.

Кроме того, не желая обижать тебя я все-таки скажу, что как-то органически не верю в свое отцовство – уж слишком плохо ты ко мне относишься. Что-то во мне бессознательно твердит, что для рождения ребенка необходим хоть какой-то, самый минимальный энтузиазм.

Возможно, тебя огорчит это письмо, но мне хотелось бы быть абсолютно правдивым. Разумеется, ты предоставишь Маше такую информацию, какую сочтешь нужным. Надеюсь также, что мы когда-нибудь все-таки увидимся с ней в любой более или менее естественной обстановке. Всего доброго.

С. Довлатов.

От наблюдательного читателя, возможно, не ускользнул такой факт, что фраза "... для рождения ребенка несобхдим хоть какой-то, самый минимальный энтузиазм" составляет цитату из документа, каким было Сережино письмо к отцу армейского периода, сочиненное в контексте его авантюрного приключения с объектом "Светлана", в то время как оборот "увидимся... в другой обстановке", заимствован из, так

сказать, “художественного” текста “Компромисса”:

– *Надо же русскому диссиденту опохмелиться, как по-твоему?!.. Академик Сахаров тебя за это не похвалит...*

И через минуту:

– *Вера, дай одеколону! Дай хотя бы одеколону со знаком качества...*

Я спросил:

– *А где пакет с деньгами? Тсс... На чердаке, – ответил Марков и громко добавил:*

– *Пошли! Не стоит ждать милостей от природы. Взять их – наша задача!..*

Я сказал:

– *Вера, извините, что так получилось. Надеюсь, мы еще увидимся... в другой обстановке...*

Несмотря на отсутствие оригинальности, письмо Сережи оказалось пророческим. Маша увиделась с ним в другой, более не менее, естественной обстановке, разумеется, естественной не для Маши, а для пророка Сережи – на его собственных похоронах.

В ночь накануне похорон Маша, впервые сподобившись услышать откровение об отце, как бы повторила опыт первых слушателей Евангельской притчи. И ей, как и им, предстояло решить, хочет ли она запечатлеть в своей памяти нерукотворный образ, которого увидеть при жизни ей не довелось.

Была ли тому виной Божественная прихоть или разреженный высокогорный воздух Кавказа, но двадцать лет фиксации на одной идее мести сами собой переросли в документ сродни истории болезни.

Согласно этому документу, месть, изобретенная Сережей, выходя за рамки тривиальных, воплотила в себе наиболее ценные для Сережи литературные качества, если верить, что простота, изящество и остроумие занимали самую высокую позицию на его шкале ценностей.

В мести Сережи не было ничего от реальной мести и даже отсутствовал неотъемлемый ее элемент: намерение причинить зло. То есть изначально такое намерение, возможно, и существовало, но сценарий мести был построен на простом расчете, что никакие представления о намерении не способны выдержать испытания временем, которым измерялся срок действия, больший, чем жизнь.

В реальном мире все шло своим чередом, происходили события, в которых даже отдаленная мысль о мести выходила за границы правдоподобия.

Мы дружили. Сережа бряцал рыцарскими доспехами, пил, пописывал. Месть жила своей жизнью, совершала перелеты через океан, гуляла то в мундире статского советника, то в облатке коммивояжера. Одним словом, месть производила свое действие, как прививка с неограниченным сроком действия, освобождая мстителя от дальнейшей ответственности и участия.

Однажды введя вакцину и умыв руки, Сережа мог занять ложе благосклонного франкмасона или, вняв зову предков и судьбы, предаться бытописанию земли и дней минувших анекдотов.

На самом деле, контакты с Машей, или их отсутствие, не сильно отличались от контактов с другими детьми, к которым понятие "отсутствие контактов" было не применимо.

Убедиться в этой мысли мне довелось, читая посмертное интервью о Сереже под убийственным названием: "Он мечтал о домике, шортах и своем огороде", датированное 22 августа 1995 года и взятое у Кати Довлатовой.

На самый первый заданный ей вопрос (*Как складывались в детстве ваши отношения?*), поступил ответ, поразивший меня своей предопределенностью, как бы исключая спонтанность живого воспоминания.

Со слепотой человека, не разглядевшего отцовского участия в ее жизни, скорее всего, за отсутствием прецен-

та участия, Катя проявляет дочернюю готовность оправдать отца, оградить его от возможных обвинений до того, как они поступят, и, если понадобится, защитить от будущих нападок.

Ее защита, в которой слышится хрестоматийная монотонность стандартного мышления, заканчивается хрестоматийной же ссылкой на авторитет отца, дававшего когда-то интервью Ерофееву о своем даре органического беззлобия. За каждым словом, произнесенным Катей в защиту отцовской “любви”, – по Фрейду вопиет обделенность любовью и отрицание всего, что может посягнуть на пустующие пазухи памяти о живом контакте с отцом.

Когда я родилась, папа был еще очень молодой – тогда писательство было для него важнее всего. И хотя у меня нет никаких сомнений в том, что он меня очень любил, ему все же было только двадцать пять лет (мне сейчас – двадцать девять, у меня нет семьи, и я еще не готова к тому, чтобы ее создавать); а для человека, который хочет чего-то добиться в жизни, тем более в творчестве, это еще слишком мало.

Гораздо позже, в 1990 году, давая интервью Виктору Ерофееву, с течением времени “на передний план выдвинулись какие-то странные вещи: выяснилось, что у меня есть семья... что дети – это не капиталовложение, не объект для твоих сентенций и не приниженные существа, которых ты почему-то должен воспитывать, будучи сам черт знает кем, а что это какие-то Божьи создания, от которых ты зависишь, которые тебя критикуют и с которыми ты любой ценой должен сохранить нормальные человеческие отношения...

На следующий вопрос: – А вы помните, чтобы он читал вам какие-то книжки, и хотел ли, чтобы вы полюбили те из них, которые любил в детстве он сам? – в

арсенале дочери нет достойного ответа кроме того, что ее подзащитный отец не прочел ни единой книги своему тогда единственному ребенку.

Интуитивно почувствовав слабое место защиты, Катя обрушивает вину на самого “ребенка”, наделив этого ребенка, себя, неспособностью, якобы присущей ему от рождения.

Не иначе как задавшись целью представить отца в наилучшем свете правдами и неправдами, Катя даже умудряется приписать отцу такие намерения, которые ни по каким критериям не совместимы с Довлатовским стандартом. Он, видите ли, “наверное, просто хотел, чтобы я была хорошим, порядочным человеком и была счастлива”.

Поступает вопрос:

Кажется, что произведения Довлатова автобиографичны... Насколько, по-вашему, этот образ совпадает с Довлатовым – реальным человеком?

... Сейчас, когда я перечитываю папины вещи, – стойко держится своих позиций Катя, – очень чувствую, что в его героях проявляются черты его личности – порядочность, справедливость, щедрость, доброта. Но они бывают и мрачными, и пьют – все это тоже его черты. Ведь он никогда себя не приукрашивал. Еще теперь я часто убеждаюсь, что у нас похожие взгляды на жизнь, сходные душевные ценности; я “прочитываю” это в его “лирическом герое”.

Убежденность Кати, разделяемая многими критиками, в том, что ее отец “никогда себя не приукрашал”, сосуществует бок о бок с неспособностью увидеть в его характере ничего, кроме набора ходульных добродетелей, отрицать которые не имеет смысла хотя бы потому, что они, как все ходульные истины, смысла не имеют.

Был Довлатов порядочным? В каком-то смысле, был. Был справедливым? Не без того. Был щедрым? Случалось и такое. Был добрым? А как же без доброты?

И тут прямо-таки напрашивается довлатовское завершение по известной формуле. Вот посмотри, Катя, отец твой был порядочным, справедливым, щедрым и добрым человеком, и был пессимистом. А ты – такая неспособная, в прошлом “приниженное существо”, ничего еще не добившееся в жизни, – и ты такой оптимист. Не ввели ли тебе, на манер Сережиного героя, писателя Наровчатова, вакцину доктринерства?

И последний вопрос. Из области фантазий. Если бы... он жил бы в России, как вы думаете, как сложилась бы его творческая судьба? В отсутствие идеологической конъюнктуры, но при конъюнктуре рынка, которая хоть и меньшее (по Довлатову), но тоже зло. Он сам признавался, что в Америке вряд ли стал бы писать “Заповедник” – шансов издать его по-английски было мало...

Однажды, – отвечает Катя с повинной за то, что осмелилась напомнить отцу об его основном долге перед семьей, – *по глупости лет в четырнадцать я сказала папе: “Ну почему бы тебе не написать что-нибудь такое, чтобы стать богатым и знаменитым, чтобы и у нас была другая жизнь?” Он страшно оскорбился. Наверное, несмотря на ту фразу о “Заповеднике”, он все равно писал бы то, что писал.*

В “Истории одного города” у Салтыкова-Щедрина есть герой, который всю свою жизнь не знал ничего лучше, чем подчинение избитым истинам. За каждым поступком он находил вольнодумную глупость и предосудительность. Дело дошло до того, что он не осмеливался утереть себе нос, если в законе отцов не было сформулировано ясно, что всякий, имеющий склонность утереть себе нос, да утер его.

Древо доктринерства, какими бы цветками не было осыпано, всегда приносит одни и те же плоды.

26. Смотри, сломаешь мне ногу

Древние смеялись над христианами, – говорил Аполлон Безобразов.

Вы преувеличиваете жертву своей жизнью и любите театральные кровавые слезы. Посмотрите, как римские солдаты умирают. Конечно, Христос был еврей и книжник, но когда Эпиктетов хозяин завинтил его в специальный станок, чтобы насильно посредством блоков растянуть его хромую ногу, философ, с некоторой даже заботой о его коммерческом благе, только сказал ему: “Смотри, сломаешь мне ногу”. А когда тот, действительно, разорвал ему последние связки, прибавил назидательно: “Видишь! Вот и сломал”.

Борис Поплавский.

Сережа не был ни в числе провожающих меня друзей, ни в числе людей, одобрявших мой отъезд. Приняв решение эмигрировать довольно импульсивно, то есть отнесясь к эмиграции как к приключению, я мгновенно оказалась в положении человека, висящего по обе стороны Берлинской стены.

С одной стороны, со мной повело фантастическую войну мое начальство, которое, опередив меня по части знакомства с моим заграничным вызовом, требовало немедленной и добровольной сдачи их территории. С другой – в моем арсенале появились новые темы, переложению которых пылко и восторженно внимало мое аполитичное окружение.

В частности, я развлекала слушателей рассказом о том, как моя начальница СКБ, где я числилась переводчицей, совершила нападение на мою сумку, в которой находилось

письменное обязательство конторы оплатить мои переводы, сделанные на полгода вперед.

В шоке от нападения, я вцепилась в свою сумку мертвой хваткой, в результате чего самопроизвольно возникла борьба, стоившая моей начальнице утраченных и разбитых очков, их подобрал мой замечательный друг, Саша Корнилов, при этом присутствовавший.

Очки вернулись к моей начальнице на следующее утро. Расторопный Саша сфотографировал некую модель, согласившуюся на демонстрацию тех очков, которых их бывшая владелица не насчитывалась. Наскоро облачив портрет в рамку, Саша закрепил его на стене присутственного учреждения, что носило имя моей начальницы, за час до ее ритуального в нем появления.

О чем размышляла она, заведя свой обрамленный портрет вкупе с утраченными во вчерашней схватке очками, сказать затрудняюсь, особенно учитывая тот факт, что в качестве модели для портрета Саша выбрал своего бульдога, отличавшегося, как и владелица очков, преданной службой своему хозяину.

В связи с актуальностью темы и непредсказуемостью моего, вернее, нашего, российского будущего, на мою одиссею собиралась толпа слушателей. Однажды оказался и Сережа, позволив себе не разделить всеобщего восторга моей храбростью и занять уникальную позицию:

Она все думала, что начальники созданы для того, чтобы заботиться о своих подопечных, что к ней отнесутся с материнской теплотой, и будут охранять ее так, как в мечте у Обломова:

Илья Ильич придет на работу, начальник поприветствует его с порога и заботливо спросит, хорошо ли он спал ночью, отчего у него такие мутные глаза и не болит ли у него голова.

Впоследствии перечитав Обломова в процессе преподавания русской литературы американским студентам, я

убедилась в том, что Сережа почти дословно цитировал любимого им автора.

В числе встречавших Сережу в эмиграции меня тоже не было, хотя, узнав о его приезде, с радостью и неоднократно с ним встречалась.

...Под белым осенним солнцем Лос Анжелеса, на фоне многоречивых возгласов участников славянской конференции, моя с Сережей встреча была довольно сумбурной.

Сережа, приехавший туда с журналистским заданием, был поглощен чувством ответственности. У меня же завершалась очередная война с начальством. Подобно Сереже в день нашего знакомства в ленинградском университете, я находилась под давлением уже сложившихся тяжелых обстоятельств, в число которых входила тяжба со Стэнфордским университетом, вернее, одним из его профессоров, отказавшимся подписать мою диссертацию, что грозило потерей уже предложенного мне профессорского места в Йельском университете.

Профессор Браун, чья подпись росла в цене на моем рынке пуще акций Микрософта декадой позже, присутствовал на этой конференции, равно как и мой друг, Томас Венцлова, уже преподававший в Йеле и занявший враждебную мне позицию по ему одному известным мотивам.

Встреча с Сережей была уже не первой нашей встречей в эмиграции. С момента его приезда в Штаты, когда он прислал мне короткое письмо с экземпляром изданного Карлом Проффером "Компромисса", виделась с ним в каждый свой приезд в Нью-Йорк, считая своим долгом оповещать его о своем прибытии.

Он всегда реагировал с энтузиазмом на мои звонки, включал меня в свое расписание свободного от каких бы то ни было обязанностей человека и, в заключение, приглашал в гости, куда я неоднократно отправлялась либо в сопровождении моей подруги, Нины Перлиной, либо одна.

Наши отношения были сердечными, почти братскими, однако, и это особенно чувствовалось в присутствии Сережиной новой свиты, каких-то сослуживцев по Радио “Свобода”, у Сережи проскальзывала высокомерная пренебрежительность, которая исчезала так же мгновенно, как и появлялась, но не бесследно.

Нечто аналогичное произошло и в Лос Анжелесе.

Сережа возник передо мной в обществе Димы Бобышева, который, в отличие от Сережи и меня, нес свои неполных полвека без больших потерь и показался мне вышедшим из далекой детской сказки.

Помню заснеженный двор и нас с Сережей, поднимающихся по лестнице в квартиру хозяина – Бобышева, который открывает нам дверь, оказавшись в атмосфере домашнего тепла не по-русски хрупким юношей, с бархатом темно-карих глаз и нежно очерченной припухлостью губ.

Они с женой хлебосольно нас принимают, кормят по-русски домашними вареньями и печеньями, и Дима читает свои вдохновенно-воздушные стихи, посвященные своей красавице-жене, Наталье, которая сидит рядом и вторит его чтению легким покачиванием головы. И нам всем тогда кажется, что ничто не сможет нарушить гармонии этого вечера.

Дима встретил меня ласково, со словами, в которых звучала готовность принять желаемое за действительное: “Красавица ты наша”, и в нас во всех чудом вселилось ощущение безопасности, свойственное ушедшей молодости то ли по причине одиночества, которое эмигранты несут в себе с болезненностью людей, одиночества не выбиравших; то ли от сильного желания что-то вернуть из необратимого прошлого.

Нищий и сильно постаревший Сережа, облачившись в старый кавказский камзол, повел всех кормить, категорически отказавшись от моего предложения о принятии расходов на себя. Просчитав дважды свои ресурсы, он купил всем по порции мороженого, по формуле которого

стал таять энтузиазм нашей встречи.

То ли годы разлуки давали о себе знать, то ли реальность американской жизни, где каждый, занятый одним делом, уже планирует окончание другого, но так или иначе, все вскорости стали разбредаться в разные стороны.

Условившись о встрече вследствие какой-то инерции, нежели по желанию, мы с Сережей отправились по своим делам и продолжали видеться каждый день до конца конференции, хотя у меня, по логике абсурда, всегда связанной только с Сережей, возникло приключение с молодым юношей, не оставленное Сережей, обвинившем меня в дурном тоне, без внимания.

В последний день конференции помню едущих в одной машине Синявских, Сережу, предложившего довезти меня до аэропорта, и, кажется, Роберта Хьюза, с которым я затеяла нелепый разговор о литературе при полном неучастии остальных сторон.

К счастью, эта встреча с Сережей не была последней.

27. Без человеческого лукавства

А внизу, четыреста метров под ними, рос столетний лес и, протянувшись ниточкой, по дороге весь превращаясь в пену и хрустальную пыль, однообразно грохотал лоток, непрерывный, водяной фейерверк, не подчинившийся еще человеческому лукавству.

Борис Поплавский.

В июле 1966 года умер Гена Шмаков, который долгие годы был моим единственным другом.

Наше сближение началось с откровенной вражды и закончилось такой дружбой и такой близостью, которая едва ли возможна между людьми разного пола с постфрейдовским сознанием и подсознанием. Останавливаясь

у Гены в каждый мой визит в Нью-Йорк и получая в избытке все, чего мне не хватало ни до, ни после Нью-Йорка: сумасшедших походов, человеческого тепла, острого разговора, совершенного понимания с полу- и без слова – с его утратой я почувствовала себя вычеркнутой из жизни. При этом вспоминались какие-то совсем нелепые эпизоды.

Например, Гена рассказывает мне, как к ним приехала чья-то бабушка из Костромы. Гена показывает ей город. Долго гуляли и вышли к Неве. Гена подвел гостью к набережной.

– Вот, бабушка, это Нева.

– Что вдруг? – поступил лаконичный вопрос.

В Нью-Йорке оказался Женя Рейн, который впоследствии посвятил Гене главу стихов в память Михаила Алексеевича Кузмина, которого оба любили:

*Я рассказать хочу тебе, учитель,
о том, как это было, как случилось,
но не могу понять всего, что знаю...
Ты более, я думаю, поймешь.
Как он любил балетные ужимки,
как он варил сибирские пельмени,
как шли ему вельветовые куртки
и усики холеные "пандан"...
Был крематорий пуст, и горстку пепла
рассыпали по улицам Нью-Йорка,
он сам придумал это, приказал.
Тут что-то древнеримское, учитель,
сказать "александрийское", учитель,
пожалуй, и покажется манерно...
Но все это детали. В них ли суть?
Он все искал последней вашей книги
рассыпанные милые страницы
и, наконец, я думаю, нашел.*

С Сережей мы встретились после похороң.

– Поди на мои похороны ты бы не примчалась с такой поспешностью, – заявил он мне вместо приветствия.

– А твои похороны, возможно, и не будут такими поспешными, – ответила я, имея в виду нечто вроде того, что Сережа попадет в число бальзамируемых пророков или экспонатов кунсткамер.

Сережа, поняв мое высказывание иначе, в смысле ссылки на реальный срок его смерти, тут же поведал мне о запоях последнего года с неизменно комической развязкой.

Он рассказывал о том, как врач поставил ему диагноз (как потом мне говорили – преднамеренно фальшивый) – цирроз печени, положив ему жить не более трех недель в случае, если пьянство не прекратится.

– А если с пьянством будет покончено, – читал свой приговор Сережа – помру ровно через три недели. – Так что особого выхода у меня нет, – он сопровождал свое повествование хохотом с попеременным прикрытием живота и подхватыванием какой-то папки, которая норовила выскользнуть из его рук.

Из истории следовало, что доктор в процессе диагностирования запускал иглу в дотоле безжизненную половую принадлежность Сережи и, будучи осведомленным о его причастности к литературному труду, одновременно почитывал из Сережиной книги в надежде получить автограф в благоприятный для себя и пациента момент, который тут же представился.

Результат осмотра показал, что летального исхода не предвидится. Продемонстрировав свою осведомленность по части российской словесности и воздав Сереже должное как ее достойному представителю, доктор все же выполнил свою миссию, добившись оживления необходимой половой принадлежности, которая составляла предмет его непосредственного наблюдения.

Погибая от смеха, я все же умудрилась процитировать Доната: “Боль адовая?” Моментально оценив аналогию,

Сережа согнулся пополам от смеха и стога, и в такой позе стал искать места, куда можно было бы присесть, и сел на урну.

Все это происходило в предланчевом Нью-Йорке, на Сорок Второй улице, где разношерстная людская масса движется с плотностью, равновеликой плотности вязкой жидкости, но которая, при виде Сережи и как бы поняв значительность его монолога о жизни и смерти, вдруг расступалась, с любопытством его разглядывая.

Позднее тот приезд в Нью-Йорк был классифицирован хроникером Сережей как нашествие “советских граждан”:

По Нью-Йорку бродят в неисчислимом количестве советские граждане, причем, это выглядит так естественно, что я уже несколько раз слышал восклицания: “Где же Гордин?”, “Где Валерий Попов?”, как будто Бродвей – самое подходящее место для них.

Здесь Женя Рейн, дня за три до него прилетел Толя Найман. Первого октября прилетает Кушнер. Из Калифорнии на похороны Генки Шмакова явилась Ася Пекуровская. Бродский по тому же грустному поводу (Шмаков умер от СПИДа) вернулся из Лондона, в общем – сошлась вся улица Рубинштейна...

Сергей Довлатов.

Из письма Юлии Губаревой.

Почему члены нашего анклава, случайно сойдясь на Бродвее, оказались причисленными Сережей к категории “советских граждан”? Что заставило чувствительного к слову Сережу занести товарищей своей юности в грубо сколоченную клетку, никому не бывшую в пору? – спрашиваю я себя без надежды получить вразумительный ответ.

28. Жизнь, построенная на успехе

Подумай только... Выдержал бы твой дух иную судьбу, иную жизнь построенную... на знаменитости, счастье, деньгах и власти... Не рано ли тебе об этом думать, тебе, столько раз моментально предававшему свой золотой город за одно движение ярких розовых губ, за одно жирное сияние красивой, надушенной головы.

Борис Поплавский.

На первый взгляд, в который справедливость требует включить многочисленные взгляды, брошенные в сторону литературного опыта Сережи его наивным читателем, почитателем и критиком, авторский рассказ, как и сам рассказчик, просты, незамысловаты, доступны каждому, и, как кто-то где-то подметил, понятны и смешны даже детям.

Таким образом, на первый взгляд, Сережин читатель видит мыслительный процесс писателя Довлатова так, как автор хотел ему представить, то есть как процесс сознательный, включающий в себя подлинные мысли, чувства и желания рассказчика. Разумеется, в формировании такого первого взгляда читателю помог сам автор, и помог в какой-то степени просто и бескорыстно.

Всякая литературная материя, – писал он, – делится на три сферы – на то, что автор хотел выразить, то, что он сумел выразил и то, что он выразил, сам того не желая.

Третья сфера наиболее интересная.

Если взять за образец Сережину модель, признав им предложенное бескорыстное деление “литературной материи” исчерпывающим, то за пределами понимания литературного процесса окажутся существенные моменты,

начиная от желания и способности автора контролировать процесс самовыражения и кончая читательским интересом к неосознанным желаниям и инстинктам автора.

Автоматически будет вынесена за скобки та сфера “литературной материи”, кстати, Сереже известная больше других, в которой автор пожелал что-то скрыть от своего читателя. Короче, за пределами Сережиного “деления”, скромного, как и задумал ему быть автор, оказались такие “сферы”: то, что автор хотел скрыть, но не сумел; то, что автор хотел и сумел скрыть; то, что автор скрыл, сам того не желая.

Литературная деятельность – это попытка преодолеть собственные комплексы, изжить или ослабить трагизм существования, – провозглашал Сережа в те моменты, когда был свободен от личного расчета или создания литературных теорий.

Таким образом, Сережин опыт анализа “литературной материи”, по всем внешним признакам не чуждый способности автора к самоанализу, заключал в себе, по образцу его же опыта саморекламы, всего один подвох, подмену того, что он сумел (не сумел скрыть, тем, что выражено) не выражено его псевдодокументальным текстом.

Мне возразят, что в моих запутанных раскладках нет резона, и в еще меньшей мере присутствует справедливый учет Сережиных бесспорных достоинств.

Зачем, – спросят меня, – понадобилось вам оттеснить нашего нового пророка от того необходимого и того неотъемлемого, без чего ему так трудно дышать горным воздухом чистой литературы, открывшимся ему на диком Западе?

Зачем понадобилось вам подвергнуть Сережину всеподкупающую простоту и скромность, ту тихую гавань всех его талантов, без которой нет ему пристанища, проверке на патентную чистоту?

Почему бы не прислушаться, – попрекают меня Довлатовские почитатели, – к многоголосому хору, воздавшие

му ему, скромному и простому, за ту ясность, без которой нет приюта ни скромности, ни простоте?

... Мне кажется, тут и лежит разгадка Довлатовского творчества... литература его проста, но эта простота обманчива. Хотя проза его прозрачна, эффект, который она производит на читателя, загадочен, – пишет Александр Генис, тот самый автор из Довлатовской свиты, который уже подал заявку на бессмертие серией неповторимых афоризмов.

Сергей Довлатов выработал свой почерк, который никогда не спутаешь ни с чьим. Он пишет просто и целомудренно, – пишет Фазиль Искандер.

Рассказчик, писатель Д., – простодушен. Но стиль Сергея Довлатова не так прост, как может показаться, – пишет Игорь Сухих.

О себе он всегда отзывался с исключительной и необычной для, так называемой, писательской братии скромностью, но читатели и слушатели ставили его гораздо выше, чем он ставил себя... – пишет Владимир Войнович.

Репутация человека, склонного скорее занижить свои возможности, нежели наоборот, – пытаюсь я защитить свой островок здравого смысла, – создавалась Сережей если не в надежде, что потомство ему воздаст за скромность (хотя исключить такую возможность было бы делом предосудительным), то для того, чтобы обезопасить себя от упреков в завышенной самооценке.

У Чехова всю жизнь была проблема, кто он – рассказчик или писатель?, – пишет Сережа, притворно озадаченный проблемами Антона Павловича. – Во времена Чехова еще существовала эта грань... "(Читай – в наше время ее уже не существует – А.П.), – продолжает сетовать он, сам теряя равновесие, спотыкаясь и путаясь в том, писатель он или рассказчик.

Создание репутации, работающей на занижение своих возможностей, как это видно на примере работы любой коммерческой биржи, является тем же расчетом, известным под названием стратегии “медведя”, что и расчет на завышение своих акций (стратегия “быка”). И те, и другие стратеги имеют в виду умножение своего капитала.

У стеснительного, но расчетливого Сережи обе стратегии всегда были наготове, что говорит о незаурядном таланте к расчету:

Не думайте, что я кокетничаю, но я не думаю, что считаю себя писателем. Я хотел бы считать себя рассказчиком. Это не одно и то же. Писатель занят серьезными проблемами. Он пишет о том, во имя чего живут люди. А рассказчик пишет о том, как живут люди.

Талант Сережи к расчету был не только талантом от Бога, но и благоприобретенным, так сказать, человеческим свойством, подлежащим усовершенствованию по мере возможности:

Главный поэт Ленинграда... (он же городской сумасшедший) избрал новую тактику. Он восклицает: “Я – посредственный советский литератор! Отчего бы меня не издать?” Правда, иногда он забывается и невнятно говорит: “Очередное заседание Пенклуба посвящено мне”.

Расчет “городского сумасшедшего”, принявший установку на занижение собственного таланта, при этом не позабыв о возможной поправке в сторону завышения, как нельзя более подходил Сереже, который использовал систему поправок, оговорок и аналогий с целью приведения в баланс стратегий “быков” и “медведей”.

Подавая себя в облатке то неприметного рассказчика, то знаменитого писателя, ожидающего от литературы заработков, славы и признания, а порой – непризнанного

гения, которого “литературная профессия выбрала сама”, Сережа оставлял за собой право подать хвастовство в обертке самоуничтожения.

В молодости он повторял с восторгом и надеждой: “Если бы я мог написать один рассказ как Куприн!” В другой раз он говорил о своем сверстнике, поэте, моем тогдашнем друге: “Мне позвонил Н. Представляете себе? Это как если бы Вам позвонил Николай Угодник”.

Анатолий Найман.

Вы не знаете всех степеней низости ленинградской литературы. Вообразите, есть люди, которые, как я уважаю вас, уважают меня.

Анатолий Найман.

Написал мстительный рассказ о журналистах “Высокие мужчины”. Ну, и кукольную пьесу с лживым названием “Не хочу быть знаменитым”.

С. Довлатов. Из переписки с Еленой Скульской.

Расчету, как таланту, не обучаются.

В Сережин расчет входили, как было замечено, соображения мести, саморекламы, мифотворчества, и, полагаю, многого другого, исключая, пожалуй, то, что получалось само собой, что, говоря языком Сережи, автор выразил, сам того не желая (“...сфера – наиболее интересная”), и на что Сережа потратил свое драгоценное время, свободное от соображений мести, саморекламы, мифотворчества, и многого другого.

Сергей Донатович, видите ли, считал, что художник, творя свою вторую художественную реальность, в подсознании освобождает себя от законов первой реальности, которые оказываются для него как бы неписанными...

Игорь Смирнов-Охтин.

Согласно Фрейду, между нашей мыслительной деятельностью и нашим сознанием невозможен знак равенства, ибо существуют неосознанные желания и подсознательные мысли, частным случаем которых служит, по Фрейду, класс явлений, включающий в себя оговорки, описки, опечатки, оплошности слуха, зрения, памяти и так далее, и называемый “парапраксисом”.

В противовес общепринятому мнению, согласно которому явления парапраксиса, будучи явлениями случайными и единичными, объясняются нарушением внимания в моменты рассеянности, возбуждения или, наоборот, усталости, Фрейд видел причину и цель за каждой оговоркой, каждым провалом памяти, каждой опиской.

Хотя так никогда и не воздав Фрейду за психоаналитический багаж, которым он постоянно пользовался, Сережа был непримирим по части оговорок, ляпсусов, описок, опечаток, оплошностей слуха, зрения, памяти и так далее, а также всего, что могло подпасть под понятия “парапраксиса”. При этом именно этим явлением можно объяснить многие сквозные темы Сережиного творчества.

Помню как-то, провожая меня в Москву, Сережа, для большей интимности, вскочил на подножку моего вагона, что было интерпретировано суровой проводницей как попытка к проезду без билета.

“А ну-ка, проваливай, верзила”, – грубо сказала она.

Сережа, так никогда и не научившийся быстро реагировать на отчаянную грубость, хотя спускаться нагрубившему тоже не входило в его правила, подчинился окрику, прыгнул с подножки и замолк на минуту-другую. После чего приблизился к проводнице, которая начисто забыла о его существовании, с отменно вежливым вопросом:

– Товарищ проводник. Разрешите нашу дилемму. Моя жена утверждает, что вы боретесь с несовершенством существующего мира, а я стою на том, что у вас оклад слишком маленький.

Казалось бы, ничего особенного не произошло. Случайная

проводница решила отвести случайного пассажира, назвав его случайным именем и отведя ему случайное место. Однако есть основания предположить, что этот случайный эпизод преследовал Сережу не один десяток лет. “Верзилой”, как бы рассуждает Сережино подсознание, меня называли неспроста. Проводница была не случайным человеком, а тем несчастным существом с маленьким окладом, которое своим несчастным нутром признало во мне человека того же порядка.

Годы и годы спустя диалог с проводницей, которая сумела разглядеть то, что скрывал Сережа весь свой век в полной убежденности, что скрывал удачно, просачивается через прозрачную ткань автобиографического нарратива.

Редактор наш был добродушный человек. Имея большую зарплату, можно позволить себе такую роскошь, как добродушие...

Майор без улыбки кивнул. Видимо, его угнетало несовершенство окружающего мира.

Сергей Довлатов.

“Приличный двубортный костюм”.

— А ты — дерьмо, Гурьяныч! Дерьмо, невежда и подлец! И вечно будешь подлецом, даже если тебя назначат старшим лейтенантом... Знаешь, почему ты стучишь? Потому что тебя не любят женщины...

Сергей Довлатов.

“Заповедник”.

Роль рассказчика во всех этих эпизодах заключается в деконструкции закомплексованных персонажей (редактора, майора, Гурьяныча, проводницы), которые либо не подозревают о своих “комплексах”, либо, подозревая, отказываются их признать.

Характерно, что в число их “комплексов” попадают именно те, которыми в изрядной мере был наделен сам рассказчик и стоящий за ним автор.

С Наймановским афоризмом о том, что Сережа “прикрывался литературой, как ширмой”, как уже было показано, связано наше открытие о том, что Сережа прикрывался литературой для выявления у других того, что знал за собой, чего опасался и что оберегал в самых сокровенных тайниках своего вымысла.

Комплекс проводницы с маленьким окладом принадлежит к числу таких стыдливых моментов, в существовании которых Сережа вряд ли бы согласился кому-нибудь признаться.

Применительно к миру взрослых, у Фрейда есть понятие “фантазии”, которое по всем показателям сродни тому, что у детей называется “игрой”.

По аналогии с тем, как понятию “игры” противостоит понятие “реального мира”, а не серьезной, неигровой, деятельности, “фантазия” строится на отрицании законов реального мира, сопряженном с незащищенностью самых интимных сторон жизни взрослого человека.

Взрослые, в отличие от детей, чьи игры не представляют секрета для прочего мира, стыдятся своих “фантазий”, пряча их как можно дальше от сторонних взглядов людей.

Известно, что человек скорее готов признаться в смертных грехах, чем рассказать о том, что украл из вазы яблоко.

Являясь центральной темой нарратива о Шемякине, тема “проводницы с маленьким окладом” оказалась ни чем иным как тайной “фантазией” Довлатова.

Когда-то отозвавшись болезненно на строгий окрик проводницы (“Проваливай, верзила!”), распознавшей его через бросающийся в глаза исполинский рост, Сережа повторяет уже знакомый цикл болезненных восприятий, реагируя на реплику Шемякина: “Какой вы огромный!”, как на цитату из своего травматического прошлого.

В рамках запретного фантазирования “верзила” есть несчастное существо с обманчивой внешностью, презираемое даже проводницей с мизерным окладом. В рамках Довлатовского фантазирования Шемякинское восхищение

его ростом является тайным оскорблением.

За ширмой фантазирования, не исключающего возможность шуточного отступления, скрывается идея реванша над проводницей с маленьким окладом, причем, реванша не только в собственных глазах, но и в глазах оскорбившей его проводницы.

Последующий за этим фиктивный обмен “заработков” на “талант” как бы реально отменяет ненавистный комплекс проводницы, делая прецедент исчерпанным.

Сережа оказывается утвержденным в своей талантливости, а несчастная “проводница” поверженной за грубость, то есть оба помещены на два не подлежащих пересечению полюса, что и требовалось доказать.

29. В другой стране

И вот то, что готовилось, случилось наконец. С утра, уже привыкший к дождю, я проснулся как бы в другой стране, а в раскрытом окне небо было чисто, прозрачно-лазурно, и все было отчетливо видно, даже на дальней итальянской стороне. Ярко вдали виднелись свежекрашенные крыши дач, с улицы слышались голоса, и все было так чисто и отчетливо, что мне стало ясно, что пришла осень.

Борис Поплавский.

Нина Перлина, периодически встречавшаяся с Сережей в его Нью-Йоркский период, однажды, встретив его похудевшим до неузнаваемости, фунтов на тридцать, попросила его открыть ей секрет метаморфозы. Нине хотелось помочь подруге, Жене Беркович, которая, страдая от чрезмерной полноты, нуждалась в хорошей диете.

Выслушав Нину, Сережа отвечал уклончиво, что, дес-

кать, ввиду сложности диеты и возможности ее искажения в процессе передачи из одного источника в другой, нужен непосредственный контакт. Женя, которой был выдан Сережин телефон, прошла через детальное телефонное интервью, по окончании которого осталась совершенно довольной и Сережей, и диетой.

Позвонив Сереже с благодарностью об услуге и настроившись услышать ответную благодарность, Нина была поражена Сережиной реакцией.

– Боюсь, что у вашей подруги ничего с диетой не выйдет. Случай, так сказать, совершенно ненадежный, – начал разговор Сережа.

– Да почему же, Сереженька? – спрашивает Нина.

– У нее нет основного, без чего даже самая магическая диета помочь не в состоянии. У нее совершенно отсутствует ненависть к себе. Пока я ей рассказывал жизненно важные подробности своего воздержания, она отчаянно со мной кокетничала.

Возможно, самым главным человеческим пороком Сережа считал отсутствие ненависти к себе, с которой связывал завышенную самооценку. На том, что Сережа презирал людей с завышенной самооценкой, сходится большинство критиков Довлатова, ибо это неприятие хорошо сочетается с идеей скромности, простоты и демократичности Довлатовского стиля, пленившей многих.

Порок заключался не в завышенной самооценке как таковой, равно как и не в заниженной, а в такой самооценке, которая подается, так сказать, “без божества, без вдохновенья”, то есть, как товар без нужной рекламы или подарок без обертки.

Свою заниженную самооценку Сережа предлагал своим сверстникам или наставникам предшествующего поколения, в то время как завышенная самооценка припасалась для более молодого. При этом результат такого расчета, построенного на таком отборе и такой мутации, ока-

зывался подчас неожиданным.

Те, кому предназначался Довлатовский герой и победитель Голиафа, не могли не увидеть в гарцующем двойнике Довлатова – неудачника.

– Однако себе – герою, себе – авторскому персонажу, Довлатов был не то что не равен, не мог даже приблизиться, – пишет Петр Вайль, представитель более молодого поколения. – Как-то не то я, не то Саша Генис сказал ему: “Единственный недостаток твоего лирического героя – излишняя душевная щедрость”. Довлатов обиделся.

Те же, перед кем Сережа лицедействовал как комплексующий неудачник, не замедлили восполнить недостающий в авторской самооценке соль-диез мажор и воздали Довлатову за скромность.

Поэза поэта – с неизбежно завышенной внутренней самооценкой – Сергею была чужда, – пишет друг и современник Довлатова, Андрей Арьев, – как никому из знакомых мне литераторов. Я бы сказал, что отличительная черта писателя Довлатова – эта поразительная корректность самоидентификации. Уровень самооценки им был даже занижен...

Разделяя в этом вопросе позицию Вайля, я все же не могу не признать за людьми, хорошо знавшими Сережу, типа Андрея Арьева, знание такого материала, которого не знают хорошо его раскусившие представители более молодого поколения.

Возможно, в памяти Арьева может всплыть, если уже не всплыла в преддверии его оценок такая подробность Сережиной биографии. Сущий пустяк, а немаловажный.

Оказавшись вхожим в ресторан Союза литераторов, а позднее начав посещать его открытые заседания, Сережа сделал наблюдение, на которое был способен лишь человек, болезненно чувствительный к успеху и находящийся

от него на недостижимом расстоянии, то есть человек с “заниженной” самооценкой.

Какой-то Остапенко придет, рассядется, выматерит советскую власть, – жаловался Сережа полушутя, – наплюет вокруг себя, всем нахамит и с достоинством уйдет, в то время как Довлатов, интеллигент, нервный, чувствительный к слову, всем услужит, каждого рассмешит, поразит вниманием, предупредительностью, и уйдет оплеванным, после чего еще поймает краем чуткого уха слух о том, что с Довлатовым надо быть поосторожнее, ибо он какой-то не свой.

30. Бог Троицу любит

Наконец, раздался последний взрыв, беспорядочный, как расставание человека со сном, и уже ясно стало слышно пение труб..., взвизгивание кларнетов и частый, как похоронный звон, удар цимбал. Теперь небо было синим, вода черной,... и наши лица темно-серыми.

Борис Поплавский.

Завещание, как сообщает нам наблюдательный Арьев, висело у Сережи над его письменным столом. Арьев поначалу усмотрел в такой демонстрации артистическую позу.

Надпись на конверте: “Вскрыть после моей смерти” показалась мне жутковатой аффектацией, – пишет Андрей.

Однако поразмыслив, тот же автор истолковал Сережино завещание как “демонстрацию той последней, высшей степени точности и аккуратности, что диктуется... нравственной потребностью”.

Учитывая то, с какой точностью и аккуратностью Сере-

жа создавал себе фальшивый литературный имидж при жизни, нет сомнения, что то, что Андрей называет “нравственной потребностью”, было потребностью заполучить для себя посмертный пропуск в историю, которая, как значилось в его записных книжках, начинается “после смерти”.

“... Я пришел в этот мир, чтобы говорить”, – пишет живой Сережа, уверовавший в свой талант, перед смертью и вдогонку мертвому.

Главной страстью Довлатова была страсть к талантливому, в искусстве, в людях, в отношениях, в себе. Талантливое всегда неповторимо и непредсказуемо... Или: “Все неповторимое и непредсказуемое – талантливо”. А чуть проступит где-то рутинa, повтор, узнаваемость – можно зачеркнуть и отбросить...

Игорь Ефимов.

Если согласиться с Ефимовым в том, что главной страстью Довлатова была страсть к талантливому, что представляется мне делом очевидным, его (Довлатова) смертельным страхом было непризнание его таланта.

Довлатову была свойственна острая рефлексия и одновременно боязнь обнаружить ее. Он удивительно болезненно реагировал на любой отзыв приятелей, написанном им...

...Вернувшийся из Таллина общий наш приятель передал Сережину фразу, мне кажется, очень Довлатовскую фразу: “Скажи им там всем, что у меня книжка выходит”.

Борис Рохлин.

И если было орудие, способное сразить Сережу наповал, таким орудием было равнодушие к его талантливости. Не исключено, что за литературу Сережа взялся только для того, чтобы убедить всех в своей талантливости и

упрекнуть тех, кто не был в этом убежден, в отсутствии умения распознать литературный талант.

Что касается автодекларации по поводу моих рассказов, то запомни раз и навсегда. Литература цели не имеет. Вернее, к ней применима любая цель... Для меня литература – выражение порядочности, совести, свободы и душевной боли”, – пишет Сережа Люде Штерн, очевидно, оставившей без внимания первые проявления его литературного таланта.

Бог Троицу любит. И Троица всегда была у христиан первым догматом. Не чуждый учению о Троице, Сережа делил литературу на три части. О том, как делил, я уже писала в главе “Жизнь, построенная на успехе”.

В результате дележа “литературной материи” выходило, что Довлатова его профессия сама выбрала. И выбрала она его, прельстившись не ростом, как могут подумать его злоумышленники, а чем-то более значительным, например, талантом, склонившим даже знаменитого Шемякина на неравноценный торг.

Но даже если история о Шемякине слегка присочинена, это вовсе не значит, что талантом Сережа не обладал. А уж всем, чем он обладал, он обладал, как известно, в избытке. Он обладал талантом насмешить ближнего. Талантом насмешить, умерщвляя. Талантом романтического увлечения и романтической расчетливости. Талантом к деторождению. Нарциссистским талантом. Талантом к фанатизированию в терминах Фрейда.

Короче, литература была его кумиром, не то что у других. Другие цеплялись за литературу из корысти. Тянули из нее деньги, тыкали ею в нос своей родне, мол, дескать, смотри, с кем дело имеешь. Хами-хами, да не забывайся.

А Довлатова литература сама заприметила, сама в люди вывела и, позволим себе такую вольность, одарила всем, чем была богата, как женщина.

– А при чем тут женщина? – спросят меня, раздражаясь, любители чистого таланта. – То-то и оно, – скажу я им, перекрестясь. – Люди цеплялись за женщин из корысти. Тянули из них деньги, тыкали ими в нос своей родне, мол, дескать, смотри, с кем дело имеешь. Хами-хами, да не забывайся. А Довлатова женщина сама заприметила, сама в люди вывела и, позволим себе такую вольность, одарила всем, чем была богата, как литература.

Три вещи может сделать женщина для русского писателя. Она может кормить его. Она может искренно поверить в его гениальность. И наконец, женщина может оставить тебя в покое. Кстати, третье не исключает второго и первого.

Сергей Довлатов.

Так созрело, возможно, самое стремительное (центростремительное) признание такого псевдодокументалиста Довлатова.

Чем бы вы думали, представлена литература в нашем, в российском лексиконе, как не ею, не женщиной? От литературы, как и от женщины, скромный Сережа многого не требует, а то, чего требует, не требует категорически.

– Ну, уж литературе-то Сережа служил до конца, можно сказать, до последнего дыхания, так что ваша аналогия: “женщина” – “литература” трещит по всем швам, распадается при первом же дуновении северного ветра, – радуется недремлющий наследник Довлатовского богатства.

– Так то ж при первом дуновении, – отвечаю ему я, – а оно, первое дуновение, может вполне быть в обманчивую сторону. Ведь не следует забывать, что литературой Сережа прикрывался, как ширмой, а ширма, как и женщина, даже еще в большей степени, чем женщина, есть предмет ограниченного пользования. Когда приспичит, защитился или, наоборот, напал, так сказать, пустил в оборот в борьбе с собратом по перу, а потом взял ее да и отставил. До лучших времен. Пока снова не приспичит.

Вообще, если бы так случилось, что я заработал бы большие деньги, – пишет Сережа, оставив ширму про запас, – я бы, наверное... литературную деятельность... прекратил. Я бы прекратил всяческое творчество.

Довлатов часто говорил, что цель его жизни – это то, чтобы его внук... мог бы снять с полки книгу и сказать: “Вот эту книгу... написал, сочинил, придумал... мой дед, Сергей Донатович Довлатов!”

Мечта моралиста скроить человека по единому стандарту есть миф, ежедневно разрушаемый каждым моралистом.

Сам факт служения литературе был для Сережи и дилеммой, разрешаемой эстетическим чутьем, и орудием для создания легенды, и способом самоистребления.

Например, ему, как воздух, нужна была аудитория восхищенных зрителей или восхищенных слушателей, так сказать, свита. Наличие свиты было само по себе мерой Сережиного успеха, того успеха в облатке, без которого он не мыслил литературы.

Параллельно с пристрастием к свите как атрибуту успеха, его позиция по части успеха всегда была окрашена противоречиями. Успех он обожал, с мыслью о нем просыпался, к нему тщетно и стремительно летел в ночных сновидениях, его презирал и о его превратностях терялся в догадках.

Вот и умер при свите и под барабан успеха... Говорят, человек умирает, когда сам осознал, что свою функцию выполнил, так сказать, произнес последнее слово. Если это так, то смерть Довлатова будучи его последним словом, ему зачем-то понадобилась.

На языке нашего апокалиптического мышления она, возможно, понадобилась ему для того, чтобы кого-то в чем-то убедить, причем, убедить так, чтобы сомнений не осталось.

Однако в лексике дородовых понятий, из которой вышло наше апокалиптическое мышление, а следом за ним и Довлатовский пафос – его смех и слезы – нет понятия “последнего слова”.

СЛОВО двуедино. Оно включает в себе начало и конец, Функцию “славы”, то есть, вечно живого слова (у греков понятие “быть” и “говорить” выражается одним и тем же словом).

СЛОВО также включает в себе хтоническую функцию “проклятия” и “умирания”.

В своих двух функциях СЛОВО есть молитва, причем, молитва в ее дорелигиозном понимании (“молиться” – значит “молить”, “молотить”, “умерщвлять”). Сережа оставил нам и себе СЛОВО. Пора говорить (быть?).

Едва закончив свою миссию и поставив точку, вернее, вопрос и скобки, слышу заботливый голос моего критика Сергея Шаца:

– *А что же Маша?* – спрашивает он.

– *А что Маша? Ее интерес к моему сочинению весьма и весьма умерен, – даю мысленный ответ, еще не решаясь на громогласное признание.*

– *Чем же она так занята?* – *подхватывает мои мысли другой читатель, пожелавший остаться анонимным.*

– *Все тем же. Пишет кинорекламы в Голливуде.*

– *Ее отец, говорят, тоже что-то туда писал...*

– *И что же?*

– *Что что же?*

– *Что из этого вышло?*

– *Разве вы не знаете?*

– *Нет, не знаю.*

– *Не притворяйтесь. Он же умер.*

Американские поэты и прозаики

Валентина Синкевич

Мир Джека Лондона

Океан. Его видишь, его чувствуешь, о нем думаешь, попав в Сан-Франциско. Туман, а чаще солнце и ветер. Дома цвета ракушек и песка. Волнами – крутые улицы, иные кажутся чуть ли не с девятым вал.

Есть в этой части Калифорнии что-то непостоянное, рискованное, как домики, стоящие над обрывами, держащиеся на тонких сваях и на прихоти обитателей, не думающих о землетрясениях – бывших и будущих, должно быть любящих опасную крутизну, на которой они взгромодили свои жилища. Риск? Игра в опасность? А может просто экономические соображения: кусок земли над обрывом дешевле. Всё может быть...

Известно, что многое гибло здесь от землетрясений, пожаров, да и вообще недолговечны деревянные постройки домиков, часто сколоченных на скорую руку, рассчитанных на одно поколение жильцов.

Не осталось ничего и от сан-францисского дома, в котором в 1876 году родился младенец, будущий знаменитый американский писатель Джек Лондон. Он всю жизнь подвергал себя опасностям, ставшими неотъемлемой частью его быта.

Дом не восстановили. В городе нет ничего существенного, связанного с именем этого писателя, заявившего о себе в печати еще до рождения.

Дело в том, что его неуравновешенная мать-спиритка Флора Уэлтон симулировала самоубийство, поссорившись из-за еще неродившегося младенца с его отцом, своим другом Джоном Гриффитом, астрологом, именовавшим себя профессором. О ссоре и “самоубийстве” с пикантными подробностями она рассказала на страницах местной газеты.

Эта история, возможно, способствовала тому, что Джеку Лондону не суждено было носить имя родного отца: “профессор” бежал из Сан-Франциско, спасаясь от подруги и их будущего отпрыска. Он остался инкогнито даже тогда, когда сын превратился в легенду, когда появились двойники Джека Лондона, выступавшие с лекциями в доверчивых университетах и появилось много “отцов” разнообразных возрастов и сомнительных профессий.

Наличие “отцов” объясняется мучительными поисками сына найти исчезнувшего родителя. Стать отцом богатого и знаменитого писателя – перспектива весьма заманчивая для искателей выгодных приключений.

В сущности, и город уступил своего сына другим. То, что можно назвать “миром Джека Лондона” находится в двух местах Калифорнии, где жил писатель. Окленд – здесь прошли его детство и юность, и Лунная Долина – с этими калифорнийскими местами связана биография Джека Лондона.

Окленд сумел извлечь для себя максимум пользы из имени писателя. Соорудили множество коммерческих предприятий, рассчитанных для развлечения туристов. Рестораны и мотели названы его именем. Якоря у въезда на автомобильные стоянки, некрашенные доски построек и пристроек к магазинчикам, бойко торгующими “лондонскими” сувенирами. Для вящей убедительности стоит товарный вагон. И всё это именуется “Деревней Джека Лондона”.

Существует в Окленде и бар с заманчивым названием “Первый и последний шанс”. Бар, действительно, стар.

Некогда его склотили из остатков китобойного судна. И некогда в нем, действительно, крепко пил Джек Лондон.

Сейчас бар искривлен и перекошен до такой степени, что в нем можно почувствовать себя пьяным, не выпив ни одной рюмки. Стены этого дряхлого, но знаменитого питейного заведения, обвешаны визитными карточками и фотографиями именитых посетителей со всего мира. Веселый розовощекий бартендер уверенно и бойко рассказывает биографию Лондона, время от времени освещая электрическим фонариком ту или иную, прокопченную до темно-коричневого цвета, фотографию на липкой стене. “Первый и последний шанс” погружен в полумрак густого табачного дыма и слабо освещается газовыми рожками. Так, по крайней мере, было до нынешней яростной американской антитабачной кампании.

Но в Окленде одно здание хотелось бы назвать именем Джека Лондона. Это городская библиотека, пусть даже находящаяся сейчас в другом помещении, в ней лишь комната, носящая имя писателя.

А когда-то открыл дверь в эту библиотеку бедный десятилетний мальчик Джонни, бедный не только потому, что был почти нищ, бедным был и духовный мир, в котором рос этот ребенок. Книги в его мире попадались случайно – случайные. И вдруг – настоящая библиотека, в которой работала Ина Кульберт, малоизвестная калифорнийская поэтесса. Она сразу заметила в мальчике нечто необыкновенное и постепенно – умело и крепко привила ему пожизненную любовь к чтению. Мне кажется, что именно ей мы обязаны рождением писателя Джека Лондона.

С семнадцати лет стоял Джек у руля шхуны в открытом море, а ночью, прячась от товарищей, чтобы те не смеялись над ним, читал “Анну Каренину” или “Мадам Бовари”. (Известно, что в дальнейшем он был под большим влиянием творчества Горького.)

Ине Кульберт нужно бы поставить памятник в Окленде. И рядом – почти неграмотной негритянке Дженни,

своим молоком вскормившей младенца ирландского происхождения, любимого ею всю жизнь. Флора Уэлтон ни кормить, ни воспитывать своего сына не умела. Когда Джеку понадобились деньги на покупку лодки, Дженни, не задумываясь, отдала ему все скудные сбережения своей семьи. Впоследствии знаменитый Лондон не забывал свою кормилицу. Сохранились даже книги с трогательными дарственными надписями...

В конце семидесятых годов я просмотрела в Окленде телепрограмму, посвященную Джеку Лондону.

Помнится, как удивила меня воркующая в микрофон девушка: "Многие из вас, может быть, уже не знают, кто такой Джек Лондон". Произнесла несколько слов пожилая дочь писателя — седая, полная дама, консервативно одетая и причесанная. Весь ее облик говорил о том, что образ жизни отца был ей чужд.

Затем выступил Расс Кингмен, известный лондоновед Западного побережья США. Он сообщил телезрителям, что в биографии писателя "Моряк в седле"* (так хотел назвать свою автобиографию сам Лондон), написанной популярным биографом Ирвингом Стоуном (его перу принадлежат беллетризованные жизнеописания Ван Гога, Микеланджело, Фрейда, Дарвина и др.), найдены триста фактических ошибок.

Это сообщение явилось для многих неожиданным. Популярнейшая биография цитировалась в печати довольно часто. Как известно, все книги коренного калифорнийца Стоуна написаны увлекательно и доброжелательно.

Через несколько дней после телепередачи мне удалось встретиться с Рассом Кингменом.

По дороге в Лунную Долину он построил своеобразный лондонский музей под названием "Мир Джека Лондона". (Не знаю, существует ли он по сей день: основатель

* И. Стоун. "Моряк в седле". 1938. Русский перевод 1960.

музея мистер Кингмен производил впечатление уже пожилого человека.)

Он собрал в своем музее интереснейшую лондониаду: редкие издания книг писателя и книги о нем на многих иностранных языках, рукописи, вещи писателя, включая “орудия производства” – его пишущую машинку и ручку.

В музее тогда было более двухсот иноязычных изданий “Зова предков”. И драгоценная картотека: около сорока тысяч карточек, дающих биографические и библиографические данные о Лондоне. Назовите год, месяц, день – и картотека даст сведения: чем в это время был занят писатель – с кем встречался, над чем работал... В картотеку занесены фамилии авторов даже небольших о нем очерков. В докомпьютерные времена такая картотека, несомненно, являлась настоящим кладом.

Кингмен особенно был благодарен русским – они не забывают, они любят и ценят *его* писателя. В этом он совершенно прав. А девушка с микрофоном, конечно, ошиблась. Не знать о Лондоне, да еще в Окленде – невозможно.

Но между знать и ценить, знать и любить – разница. В новом издании “Моряка в седле”, – сказал Кингмен, – Стоун исправил сто ошибок. Но как могли они попасть в таком количестве в его книгу? Беседы Стоуна со многими “очевидцами” и недостаточно серьезное изучение документальных материалов, – считает мистер Кингмен. Также нельзя было слишком опираться на автобиографичность “Мартина Идена”. От этого произошла путаница с историей первой любви Лондона. На Мейбел, сестре своего друга, он не собирался жениться, сохранив с ней дружеские отношения на всю жизнь.

В библиотеке Стэнфордского университета, среди одиннадцати писем Лондона, каким-то образом исчезнувших из отдела редких рукописей, некогда было и его письмо на шести страницах к Мейбел, в котором он сообщал о своем втором браке. Нужно сказать, что библиотекари приняли меры по сохранению редких материалов: между

мной и ящичком с письмами Лондона сидела библиотечная служащая, следившая за каждым моим движением.

В 1979 году Расс Кингмен издал “Иллюстрированную биографию Джека Лондона”, использовав множество фотографий писателя из своей коллекции. Кингмен, как и многие пристрастные, доброжелательные биографы, хотел видеть своего любимого автора безо всяких недостатков характера или погрешностей в образе жизни. Этот биограф отрицает, что Лондон злоупотреблял алкоголем, не верит он и в версию самоубийства.

Да, Лондон употреблял морфий, но как лекарство, а не наркотик. Кингмен отрицает, что была последняя смертельная доза наркотика. Вторая жена писателя – Шармейн, тоже отрицала версию самоубийства. Против нее, по словам Кингмена, был предубежден Ирвинг Стоун.

Трудно сказать, сумел ли Расс Кингмен убедить читателей. Всё же, многие могут спросить: отчего же так рано, в сорок лет, умер всемирно известный писатель? Приходит на ум простой ответ: Лондон легче переносил бедность и тяготы трудного и даже опасного образа жизни, а славу – тяжелее. Кстати, в автобиографическом романе Лондона “Мартин Иден” (1909), писатель, ставший известным и материально обеспеченным, кончает жизнь самоубийством.

Так или иначе, но можно согласиться с Кингменом, что биограф Стоун был не совсем справедлив к Шармейн Лондон. Именно в ней обрел Джек Лондон свой почти недосягаемый идеал спутницы жизни. Она, а не первая жена Бэсси Меддерн, бросала ради него любой быт, любой комфорт, идя на смертельную опасность – просто так, риска ради, как делал это он. Вместе с ним она прожила целую неделю на острове прокаженных, тесно общаясь с ними, пустилась в безрассудное путешествие вокруг света на суденышке “Снарк”, без опытных рук, кроме рук ее мужа, задумавшего это безумие лишь для саморекламы, сенсации.

Мучительное морское путешествие длилось долгих двадцать семь месяцев, не выдержал его, наконец, сам Лондон.

Джек Лондон поехал в Клондайк только за золотом. Вернулся он с пустыми руками, но его аляскинские рассказы – драгоценный металл. Бродяжничество – холодное и голодное, дорожная тряска в товарных поездах, где ничтожный просчет – смерть, были не созданием «поэмы из личности». Это была настоящая жестокая жизнь, благодаря которой впоследствии создавались книги.

“Отказ принять осторожный совет – создал меня”, – говорил писатель. Однако, когда он начинал искусственно творить из своей жизни легенду, – настоящее творчество отходило на второй план.

В Северной Калифорнии среди холмов в Лунной Долине стоит “Дом счастливых стен”, названный так Шармейн в память писателя (она пережила своего мужа на сорок лет). Дом превращен в музей Джека Лондона. В одной из комнат на стене прикреплена надпись с характерным изречением писателя: “Настоящая функция человека – жить, а не существовать. Я не буду тратить свои дни, пытаясь продлить их”.

Это не голословное утверждение. Лондон, добившись головокружительного успеха, умер рано. За какие-то семнадцать лет он написал почти пятьдесят книг.

Далеко не все его желания осуществились. Он страстно хотел узнать своего настоящего отца (Лондон – фамилия отчима, разорившегося неудачника-фермера) – не исполнилось. Хотел иметь сына – увы! И, наконец, мечтал жить в собственном, большом каменном – Волчьем Доме, как называл он свое будущее жилище.

Но страстное желание стать знаменитым писателем еще при жизни – исполнилось. Смерть, обычная помощница в деле славы, руку к славе Джека Лондона не приложила.

“Весь мир расступается перед человеком, который зна-

ет, куда он идет”, – гласит американская пословица.

В семнадцать лет сел за кухонный стол паренек не слишком умудренный в грамматике родного английского языка. Он описал морской шторм, выдержанный шхуной, у руля которой стоял он сам.

Рассказ “Отступник” неизвестного автора Джека Лондона получил первый приз. В детстве я его читала под названием “Джонни на фабрике”.

Второй и третий присудили профессорам калифорнийских университетов.

До и после этого события была изнурительная физическая работа. Были тщетные попытки разбогатеть, найдя золотые россыпи на Аляске.

Однако Лондон не терял надежды стать настоящим писателем. Долго молодой автор получал отказы редакций. Одно из таких “отказных” писем хранится в музее мистера Кингмена.

Наконец, сан-францисский журнал “Сухопутный ежемесячник” предложил Лондону пять долларов за рассказ, который тот писал несколько лихорадочных бессонных ночей. Рассказ напечатали, но редакция забыла прислать обещанный гонорар и не подумала даже об авторском экземпляре. А у автора не было десяти центов на покупку журнала – он их одолжил.

Но рассказ имел неожиданный успех. Редакция, не заплатив за первый рассказ, пообещала семь с полтиной за следующий. Лондон послал “Белое безмолвие” и о нем заговорили. Он взбудоражил воображение читателей, привыкших к бледным журнальным рассказикам со счастливым идиллическим концом. Рассказы Лондона вырывали обывателя из обыденной обстановки, мягкого кресла и теплой кровати в четырех стенах, хорошо защищенных от сквозняка и холода. Что-то тревожило, раздражало, пугало, и всё-таки звало куда-то вдаль, навстречу опасности – пусть даже воображаемой.

Пожалуй, самый лучший из аляскинских рассказов Лондона – “Зов предков”. В нем типичный лондонский Север, пронизанный морозом, в котором гибнет слабый и отвоевывает себя у смерти сильный. Мир дикого зверя прост: в борьбе за жизнь прав и клык, и рог, и копыто. Мир человека сложнее: мускул прав лишь тогда, когда рука благородна.

В “Зове” тема Маугли и покорившая весь читающий мир собака-волк Бак (в русских переводах Бэк).

“Волк” – особенное слово у Лондона. Так называл он себя и было в его творчестве много доброжелательных оттенков этого слова.

Бак Лондона околдовывает и покоряет читателя от начала: “Бак не читал газет и потому не знал, что надвигается беда...” и до конца повести: “...во всё свое могучее горло поет песнь тех времен, когда мир был юн”. От Бака читатель часто ощущает комок в горле. Ассоциативно можно вспомнить гибель вожака волчьей стаи Акелы в “Книге джунглей” Киплинга или страшную героиню “Верного Руслана” Владимова.

Так же популярен во всем мире лондонский “Белый клык”.

“Читайте классиков, но не забывайте современников... Нужно принять во внимание форму. И, если искусство вечно, форма рождается поколением”. Так верно сказано человеком, который еще недавно развешивал по стенам бумажки со словами, чтобы не тратя времени запомнить, как они пишутся.

Школу, в которой уже переростком учился Джек Лондон, а после занятий убирал ее, он не закончил. В Калифорнийском университете, к которому подготовил себя сам, проучился два месяца: на учебу не хватало времени, нужно было зарабатывать на хлеб насущный. И всё же, впоследствии Лондон стал начитанным, всесторонне образованным и одним из самых популярных писателей не только в Америке и не только для юношества.

Смогла ли я представить себе в тот сентябрьский день в Лунной Долине, залитой горячим солнцем, мир Джека Лондона с его Севером, морем, бродяжничеством, некогда стоившим ему месяца тюремного заключения, мир с множеством неразрешимых социальных вопросов, волновавших писателя всю его сознательную недолгую жизнь?

Нет. Вокруг стояла жесткая жестяная зелень калифорнийских деревьев с артрическими суставами веток. Вдали – просящая воды желтая трава, сеном растущая по холмам, похожим на песчаные насыпи. Под ногами рыжие пыльные дорожки, по бокам дорожек надписи: “Осторожно – ядовитый дуб”, “Осторожно – гремучие змеи”, “Третью мили до могилы”, “Полмили до Волчьего Дома”. И сухая, адская жара...

Среди тонких, готических деревьев до сих пор виднеются руины двадцатишестикомнатного Волчьего дома. Дом, мечта писателя, таинственно сгорел перед самым въездом в него счастливого домовладельца. По замыслу Джека Лондона, он строился из огромных камней вулканического происхождения, строился монументально, “чтобы стоял тысячу лет”, – говорил он.

А за простой деревянной оградой, покрытый мхом могильный камень без дат.

На нём высечены простые буквы: **Jack London.**

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Владимир Коробов

“И белой бабочки паренье...”

СРУБЛЕННОЕ ДЕРЕВО

Как часто дереву случалось,
Когда придет его пора,
Цвести в саду.
Но оборвалась
Жизнь от удара топора.
С тех пор прошло и лет немало,
И сад зарос давным-давно.
Но я запомнил, как лежало
И мертвое цвело оно...

ЛАСТОЧКА

Вот опять она летает
Над беседкою в саду,
Домик сломанный латает,
Воду черпая в пруду.

И пока шумят народы,
Грозно спорят кто про что, –
С чувством счастья и свободы
Лепит ласточка гнездо.

БАБОЧКА

Как будто вырезана, сшита
Перстами легкими, она
Спешит присесть на куст самшита,
Благословляя жизнь. Весна!

Господнее благодаренье –
Благоухающий овраг.
И белой бабочки паренье,
Когда она вступает в брак.

Белянка? Бархатница? Кто ты?
Как безупречен твой узор!
Спеши! Заполнит скоро соты
Июль. И пожелтеет бор.

Лишь только лист земли коснется,
Свой волен замысел стереть Творец.
И значит – остается
В небытие перелететь.

ЗВЕЗДА ИЗМИРА

Сквозь дымку призрачных завес
Другого мира,
Глядит в глаза мои с небес
Звезда Измира.

Она мерцала здесь всегда,
Крупница пыли.
Сменялись царства, города,
Легенды, были.

И вот среди эгейских волн,
Бродя по свету,
И я, лучом ее пронзен,
Отправляюсь в Лету.

С погоста древнего планет
Над бренным миром
Струит, струит свой мертвый свет
Звезда Измира.

* * *

Дерево к ночи – подобье гнезда,
Тихий приют, примиривший собою
Птиц, утомившихся в небе, когда
Сердце пресытится вдруг высотой.
Те, что устали, найдут на земле
Отдых и кров. Значит, время гнездиться.
Пусть в обессиленном ветром крыле
Жажда по небу до срока таится.
Горлицы спят... И хранит темнота
Хрупкий союз, что задумали двое.
О, как целебно мерцает звезда
В час этот поздний над кроной сквозною!

* * *

Вот и осень... Конец навигации,
Вот и время дождей, наконец.
На ветвях у церковной акации
Почернел золоченый венец...
И над садом, над ржавой оградой,
Надо всем, где царит пустота, –
С неба птицей подстреленной падает
Распростертая тень от креста.

Платон Набоков

Стихи из кукольных голов*

Долго ещё буду вспоминать и Киев, и Пушу, и даже, при случае, наезжать туда, якобы по делу, а на самом деле – в поисках утраченного единства. Но даже осознав, что подобное невозможно, – слишком долго закаляли “сталь”, она и перегорела, так и не став оружием справедливости, – большинство из моего поколения всё ещё готово было следовать на зов дудочки “всеобщего счастья”, пока не убедилось, что на дудочке той играет обыкновенный крысолов с убогим пролетарским сознанием.

...А тогда, по возвращении в Москву, находился в Яузской туберкулезной больнице после удачной операции дяди “Панча” и отлеживался. Шура, навестил меня под Новый год и принес с собой журнал “Молодая гвардия”, где была напечатана повесть “Как закалялась сталь”. Усмехаясь, сказал:

– Книга примитивная, в отличие от судьбы автора. Несчастный малый – ослеп, прикован к постели, диктует честно свои воспоминания, а приставленные к нему литераторы во главе с Пешковым поспешно правят его жизнь и вносят в неё свою идеологию. Вот и получился роман, а не биографическая повесть. Роман с динамитным зарядом под наше с тобой будущее. Уже и продолжение знаю. Скоро выйдет.

* Окончание. Начало в № 191.

А ты знаешь, кто печатать разрешил? Бо-ольшой человек...

Фамилии он не назвал. Я обиделся:

– Это по-твоему. А по-моему, Николая Островского надо боевым орденом наградить.

– Вот тебя услышат и наградят. Половина Москвы зачитывается. Выздоровливай! Панталоша...

На какое-то время холодок пробежал между нами. Шура раньше стал отличать книжную правду от вымысла, а дорогу себе уже определил – будет военным летчиком.

После больницы какое-то время Григорий Анисимович, мама и я помыкались в крошечной комнатухе старинного дома на Майском Просеке Сокольников, пока не переехали в “свой”, четырехкомнатный, светлый, весь “с иголочки”, среди гущи леса Поперечного Просека.

Пока что “все удобства” находились во дворе, но телефон уже был, ведь домик выстроен на свои деньги в черте Москвы по личному разрешению Никиты Хрущева, но с условием – передать его потом в собственность государству.

По весне, когда лес и земля вдруг задышали под переливчатые, торжествующие голоса зябликов, а на освобожденном от снега пространстве все еще таяли под теплыми лучами утоптаные следы от лыж, мы с мамой, по рекомендации профессора Панченко, впервые отправились к Черному морю.

До Туапсе добирались поездом, а оттуда на пароходе “Абхазия” в Сухум. Там обрела, наконец, своё “постоянное” местожительство младшая из четырех сестёр – тётя Вера. На руках у неё была маленькая Юленька, и одряхлевшая бабушка Мария. Она всё на свете забывала, даже год своего рождения, и не потому ли постоянно пряталась от солнца и от разговоров о прошлом. Муж тётя Веры находился где-то в горах у своих стариков. Тётя говорила, что он князь и не хочет в городе попасть на глаза Лаврентию. Впрочем, на Кавказе каждый второй

почему-то “князь”...

Вскоре, тем же путём прибыла и тётя Оля, а следом, без предупреждения, выхлопотав, наконец, себе двухнедельный отпуск, примчался и Григорий Анисимович с подарками и чемоданом продуктов.

На гору, где в предпоследнем по пути к небу старинном доме, тётя Вера снимала второй этаж с верандой, его доставила, случайно подвернувшаяся в порту, машина директора санатория “Азра”. Но не успели мы радостно доахать и сесть к столу, как машина вернулась уже с самим директором всесоюзной здравницы и тот стал слёзно упрашивать Григория Анисимовича выручить его из беды: в санатории сгорела динамо-машина, здравница оказалась без электричества.

– Лаврентий, пах-пах, пообещал голову мне снять, а другой – нэт!

Григорий Анисимович зачертыхался, обругал собственную словоохотливость с водителем, который вез его сюда, и отбыл в санаторий.

Он пропадал там оставшийся день и всю ночь, перебирая “обмотку якорей” в свете керосиновых ламп, но к рассвету спас голову директора. Надо ли объяснять, что нам были предоставлены в белоснежной “Азре” лучшие апартаменты и любой вид транспорта хоть в горы, хоть на море. Когда же отчим заикнулся об оплате, директор выпучил на него и без того выпученные глаза:

– Пах-пах, какие дэнги? Ай, друг, дёшево ценишь мою золотую голову!

Он даже обиделся.

И всё же тётя Оля и я остались на прежнем месте, тут было “роднее”, вольготнее. По вечерам, когда пряный запах олеандр и магнолий, а ещё и горной лилии, что приносил ветер, завораживали и заставляли мечтать, тётки мои подолгу беседовали и вовсе не о ценах на рынке и социальных проблемах, и даже не о своём будущем, их интересовала “страна души”.

Я устраивался на раскладушке, смотрел сквозь стекла террасы на яркие звёзды и вслушивался в разговор.

Нет, я ничего не понял о Блаватской, кроме того, что она родилась в Екатеринославе, но зато узнал, что на дне залива покоится древний город и тут, наверняка, останавливались аргонавты, ведь Колхида рядом, и ещё остались башни на берегу, вечные стены от них уходят глубоко под воду, словно бы продолжая хранить тайну золотого руна. До сих пор море “золотое”, и если зачерпнуть его в ладонь, можно увидеть золотые блёстки, но это всего лишь слоинки пирита.

Ах, как были обмануты аргонавты! Хотя нет, в своих скитаниях они постигли самое главное: истинной непроходящей ценностью является лишь чистота помыслов, чистота души.

И ещё я услышал, что предки наши – братья Григорий и Осип Азариевичи Криштофовичи посвятили жизнь морю Чёрному, ходили и сражались под парусами: старший дослужился до чина капитан-лейтенант; младший начал службу кадетом Черноморского Корпуса, на фрегате “Счастливый” перешел из Николаева к острову Занте, крейсировал на фрегате “Крепкий” в Архипелаге, на “Панагии” перешёл из Севастополя в Корфу, подружившись на том судне с мичманом Набоковым, имя и отчество которого забылось...

Не то сон, не то и впрямь слышу чьи-то насмешливые, подвывающие голоса. Это шакалы спустились с гор.

Потом засыпаю, а пробуждаюсь от их пронзительного завывания. Собаки во дворах заходятся в истерике, гремят цепями, а стая всё возносит свою заунывную песню к народившемуся серпику луны.

Удивительное племя – не волки, и не собаки. Тётя Вера убеждена, что при встрече с человеком они поджимают хвосты и стыдливо исчезают.

Однажды вечером, зная уже дорогу, я отправился в соседствующее с домом ущелье, где в пещере вместе с козами

доживала свой век “козья дворянка”, так её тут называли.

Тётя Вера брала у неё молоко для Юленьки и рассказывала, что внутри жилья на самодельной полке стоят все шесть томов Брема.

Седая старуха с девичьими голубыми глазами взяла от меня тару и деньги и попросила подождать снаружи...

Обратно, уже в полном сумраке, я осторожно нёс стеклянную банку, боясь расплескать целебное молоко, ориентируясь лишь по просвету меж стенами ущелья. И тут увидел впереди неподвижные, желто-зелёные огоньки. Оглянулся – позади, как в зеркале, то же самое. Страх неведомого пронзил меня, но встревоженно заблеяли козы, скрипнула деревянная дверь, пронёсся двупалый свист, и я услышал насмешливый голос старухи:

– Иди спокойно, юноша. Они наглые и нападают только на отступающих.

Когда дома спросил тётю Веру, почему “козья дворянка” избрала себе такое пещерное существование, тетя, помедлив, ответила:

– Тринадцать лет назад в ущельи расстреляли двух её сыновей...

– За что? – выкрикнул я.

– Они были в гимназической форме...

Не знаю, из каких уж соображений, но я с тех пор стал носить на поясе кривой абхазский нож в чехле – подарок Григория Анисимовича, такие ножи были тут узаконены, как элемент национальной одежды.

Однако он оказал мне однажды добрую службу. Захотелось прогуляться по кромке над ущельем. Попал на осыпь, заскользил вниз, и если бы не нож, который по рукоятку вогнал в почву, погиб бы.

Почти каждое утро с мамой и отчимом отправлялись в путешествие – побывали в обезьяньем питомнике, где шимпанзе плевал в нашу сторону и закрывался листом фанеры, а мы смеялись; забирались на старый маяк – и голова кружилась от ощущения полёта; ослепленные

и оглушенные, бродили по базару, как будто из “Тысяча и одной ночи”; выходили в море на фелюге под парусом.

Но чаще всего – весело спускались к стенке городского пляжа и, растянув тент, устраивались там до вечера. Окреп, загорел, плавал и нырял не хуже дельфинов. Солёная вода поддерживала тело и я, раскинув руки, мог подолгу отлёживаться на поверхности, утопая в голубизне неба и радоваться жизни.

Наш деревянный домик всё так же, особняком, стоит в глубине односторонней улицы Поперечный Просек, что воедино связал все Лучевые старинной рощи Сокольников. Петром Великим прочерчен был план порубки, а дачи понастроили уже в прошлом веке.

Мать определила меня в школу-новостройку, что находится в четырёх километрах от дома, на кривой улочке Малая Остроумовская. Вот и хожу в любое время года и в свет и в темь почти через весь парк.

Иногда отчим подбрасывает меня попутно на служебном автомобиле – зимой на крытом “Форде”, летом на “ГАЗе” с откидным верхом, но я стараюсь сойти пораньше, на улице Короленко, чтобы одноклассники меня не заметили и не говорили потом о “барских замашках некоторых пионеров”. Они и так прилепили мне кличку “жиртрест”.

Вновь начал гонять на своём подростковом велосипеде. Он хотя и старенький, и не швейцарский, и без всяких штучек-финтифлюшек сверкающих, но крепкий, а главное – никто не позарится, когда оставляю его на берегу пруда и перемахиваю сажёнками на другую сторону, где начинается таинственный “лабиринт”. На прудах и золотых карасей начал ловить.

В Москве голодно. Надо засветло занимать очередь за хлебом у единственного на Поперечном Просеке магазинчика, и при любой погоде.

Глядишь, и не достоинься, всем – не достанется, но

разговоров всяких наслушаешься. Хлебушек, конечно, не пропадёт, ещё подвезут лошадьми на крытой фуре, он ведь, как и остальные продукты и одежда, строго распределён по карточкам, но если очередь свою потеряешь – приходится снова выстаивать.

Правда, делами этими у нас занимается домработница, она деревенская, “рязаночка”, девка сметливая, дружит с дворником-татарином. Рассказывала, будто его предки Шерефединовы были в родстве с Пушкиным, их тут – целый клан, а ещё они корову держат. Мы у них молоко покупаем.

Нет, мы всё-таки, какие-то не такие. Григорий Анисимович прикреплён к особому закрытому распределителю на Мясницкой улице. Как никак – главный инженер-механик Метростроя. В определённые дни с мамой приезжаем туда, а там чего только нет!

Конечно, все по списку расписано пофамильно.

Зашла как-то к нам школьная учительница русского языка Мария Федоровна. Хорошая учительница. Не знаю, о чём была беседа, а когда с гостьей прощались, мама, извинившись, насыпала ей в сумку шоколадных конфет. Мария Федоровна чуть не расплакалась. На следующий день в школе мы глаза друг от друга отводили. Мне стыдно было.

В столице только и слышно о героизме подземных строителей и еще летчиков. О том же говорят и в школе, особенно о несравненной красоте будущих подземных дворцов, а школа наша находится в километре от уже обозначенной станции “Сокольники”.

“От нас начнёт свой путь лучшее в мире метро!” – восклицает на митинге главный пионервожатый района Лида Зимина, а мы и не в первый раз это слышим, когда на воскресниках вместе со старшими убираем прилегающую к шахте территорию.

Дома, прислушиваясь к разговорам взрослых при закрытых дверях, узнаю, что первая в мире подземка, прав-

да, ещё с локомотивом, построена в Лондоне в тот год, когда в России только отменили крепостное право. В Москве метрополитен собирались строить в конце прошлого века. Почему об этом молчат? И почему отчим теперь не распространяется о подземках и эстакадах Старого и Нового Света?

А вот это, действительно, секрет – для облицовки станций “Комсомольская”, “Дворец Советов” и других пойдёт мрамор старинных кладбищенских надгробий и Храма Христа Спасителя. Интересно, где же прятали его памятные мраморные доски с именами героев 1812 года? Ну уж не лицевой же стороной их уложат в подземных дворцах...

Конечно, глупо, но об этом я спросил отчима, когда он взял меня с собой показать строительство. Ответил:

– Не задуривай себе голову. Лучше пристальнее наблюдай.

Я и сам увидел “как осуществляется” работа в бешеной гонке, люди вкалывают сверх сил, они, как механизмы, а у самих-то в помощь лишь топор да кирка, лопата да тачка по досточке; пыль и дым, запах свежего цемента и горелой солянки; грохот и скрежет перемещения материалов. Ухают долбяки и “пулемётная” очередь отбойного молотка.

Осень, холодно, а некоторые в майках, потому что на десятом поту! На дощатых стенках раздевалок призывы, плакаты с цифрами “обязательств и выполнения”, фамилии передовиков. Выше, на зданиях, лозунги: “Пятилетку – в четыре года!”, “Слава героям труда!”; портреты Сталина и Кагановича, Кагановича и Сталина. Кого-то понесли на носилках. И всё это похоже на войну...

Да и дома вижу, на каком пределе сил привозят иногда Григория Анисимовича в грязном комбинезоне, в облепленных глиной резиновых сапогах, с носовым, а то и горловым кровотечением. Хрипло говорит маме:

– В кессоне пересидел. Плавуны – непредсказуемы...

Дай отлежаться.

И в чём приехал – валится на пол, на ковёр в углу, что завален свежей антоновкой.

Потом мама отмывает его на кухне у горячей плиты в большой гремющей цинковой ванне. Наконец, кормит. Голова его неожиданно опускается на мощные руки, сжатые в кулаки. Спит.

Болеет он редко. Но когда заболевает, отлёживаться ему не дают и телефонные звонки, и сотрудники Управления Метростроя. Нужна его подпись. Случались и какие-то экстренные совещания. В нашей большой гостиной раздвигается стол, на нём раскладываются чёрно-белые и цветные чертежи и планы, секретные кальки. Григорий Анисимович достаёт из сафьянового чехла свою американскую тригонометрическую счётную линейку (ни у кого такой нет!), гости рассаживаются. Двери на нашу половину закрываются. Мама носит им чай с печеньем и меняет пепельницу...

Из всех подобных “гостей”, кто побывал у нас, запомнил одного: широкоплечий, бородатенький, в плаще и шляпе. Открывал ему дверь на звонок. Подросла мама:

– Проходите пожалуйста... Вы к Григорию Анисимовичу?

Он снял шляпу и представился:

– Образцов Владимир Николаевич¹. Вы уж меня извините, я чуть раньше, да вот пешком, но с огромным удовольствием.

Снимая плащ и цепляя его на вешалку, продолжал:

– Я ведь на Большой Бахрушенской и Четвертом Полевом, можно сказать, лучшие годы прожил. Даже чуть было не сгорел соседний дом дотла. И трагикомично это – такой пожар был неподалёку от знаменитой Сокольнической каланчи! Ещё и деревянную “Кедровку” помню и отца Иоанна...

¹ См.: БСЭ. Образцов В.Н. (1874–1949), учёный, академик АН СССР. Участвовал в проектировании Московского метрополитена.

Тут он обратил на меня внимание:

– А тебя как величать?

– Платон.

– Ну, дай Бог! – и он последовал маминему приглашению в гостиную, продолжая:

– Да, так вот, шел я Пятым Просеком, а он такой же, каким был и раньше, как на полотне Левитана полвека тому, даже точно такую фигурку женскую увидел. И тоже в “осенний день”. Хотя, фигурку-то на полотне пририсовал Левитану Николай Чехов, брат Антона Павловича.

Гость перешел к одному из окон гостиной и, любуясь осенним цветом деревьев, продолжал:

– Жаль, не успел дальше пройти по Пятому, в сторону Яузы, там был загородный дом фон Мекков. Предполагаю, что и Чайковский захаживал туда. Да, судьба. Вот и последний фон Мекк канул в преисподнюю. А какой был специалист по проблемам железных дорог! Наехали...

Он глянул вниз, на цветник под окнами:

– Хризантемы! Какая прелесть...

И вдруг заметил за шторой на подоконнике моего Петрушку:

– Ишь ты!.. Тоже... Нет, с таким носом? Пожалуй, на тебя не наедешь, – он оглянулся на меня:

– Ну-ну...

Появился Григорий Анисимович. Кто-то настойчиво затрезвонил у дверей.

Зима. В домике нашем пол оказался холодным. Привыкая к валенкам. Мама извлекла ботинки на меху, что были куплены для тёти Паолы. Всплакнула. Носит дома. Когда теряет их, то спрашивает:

– Куда ушли Паолины черевички?

Вздрагиваю и всякий раз вспоминаю Киев. Заклеенную бумажными полосками дверь. И голубые, нет – синие печати на полосках. Может быть, из-за этого я так и не написал друзьям по Пуща-Водице, а собирался.

На день Ангела – первого декабря получил в подарок настоящий фотоаппарат – за первый “хор”, разумеется, по русскому языку. Однако этот желанный подарок воспринял, как некое отстранение своей личности от приглушенных скрытных разговоров дома, которые нет-нет, да и возникали.

И ещё предупредили – стоишь в очереди за хлебом, так со всяким встречным поперечным...

– Не болтай на Поперечном! – подхватил я в рифму.

Мама и тётя Зина рассмеялись:

– То-то!

Об истинной причине озабоченности взрослых догадался в школе, когда на общем собрании-митинге учащихся и педагогов, а спортзал был переполнен, услышал выступление завуча:

– Первого декабря в Ленинграде враги народа убили славного ленинца, верного сподвижника товарища Сталина – Кирова Сергея Мироновича... Но наши славные чекисты-дзержинцы...

За что убили Кирова? Кто? Как это произошло?

Толком никто не знает. Газеты “кричали”, но не разъясняли. По траурно-чёрной тарелке репродуктора транслируются митинги, истерический женский голос выкрикивает: “Смерть врагам народа! Пригвоздим к ответу наёмных убийц!”. И ещё: “Слава советским чекистам!”, “Слава великому Сталину!”. Все повторялись и повторялись надсадные возгласы.

А ещё зачастили к нам соседи из других дворов с просьбой позвонить “по телефончику” и, будто невзначай, спрашивали: “Ну и как она – жизнь?”. Мама таким отвечала: “У нас, как и у всех – хорошо!”, да в глазах ее появлялась усмешка и про себя она, наверное, добавляла “Да – тошно!” Подобное я уже засекал у взрослых...

Вольно или невольно их раздвоенность и подозрительность друг к другу передаются и мне. И ещё усиливается тем, что и близкие намеренно устраниают меня из своего круга. Обидно.

Вот ведь и в школе поприкусил язык. А может, и вправду молчание – лучшая защита?

Ухожу один в лес, торю свою лыжню. Останавливаюсь. Вершины в синеве покачиваются. Всматриваюсь, вслушиваюсь. Тюкают в зелёных елках синички, скрипят на тёмно-коричневом ясене красногрудые снегири, скользит по пунцовой, осиянной солнцем коре сосны, юркий крошка поползень. Жизнь! Какое чудо! И всё это “под голубыми небесами – великолепными коврами...” Снег переливается всеми цветами радуги...

Жаль, что под Новый год не было у нас елки, а больше всего обидно, что взрослые что-то скрывают.

Я уже слышал, что “набат” митингов вызвал суды-пересуды и стал причиной арестов не только в Ленинграде, но и в Москве. Аресты производились ночью. А самого Кирова грохнули днём. Но за что?!

Кто-то из знакомых тёти Зины по Ленинграду приехал на ноябрьские праздники в Москву и сообщил, что из лагеря, мест не столь отдаленных, возвратился Африкан Николаевич Криштафович² и интересуется: живы ли его четыре племянницы? Сестры всполошились и мама уже собиралась поехать со мной в Ленинград, чтобы и меня познакомить с легендарным двоюродным дедом...

А я ведь уже наслышался: он не только уголь открыл на Игрене близ Екатеринослава, но и с 1909 по 1923 годы объездил всю Европу, Китай, Египет, трижды побывал в Японии, оттуда и жену привёз раскосенькую. Работал в экспедиции на Филиппинских островах, ещё какую-то вершину на Тянь-Шане назвали его именем. А я даже не бывал в Ленинграде, не видел “Авроры” и “Медного всадника”, и...

Не знаю, что тогда сестрам помешало, ведь решили поехать сразу после Нового года. Вот и дождались!

² См.: Криштафович А.Н. (1885–1953), БСЭ, т. 23, с. 444; СЭС, 1987 г., с. 675.

– Слава богу, что не поехали, – сказала тётя Зина. – Там могли и угодить под общий каток “хозяина”. “Зачем приехали? К кому? Ах, к бывшему репрессированному Криштафовичу?” А Костриков уже просто мешал “хозяину” своей славой, вот его и уложили при свете дня. Соперник...

В начале февраля в Колонном Зале Дома Союзов, – точнее в одном из его охраняемых помещений, куда Шура и я прошли вместе с Василием Алексеевичем, – экспонировалась продукция отечественной авиационной промышленности.

Десятка два учёных мужей и управленцы застыли в напряженных позах, ожидая чего-то сверхнеобычайного. Только дети, вроде нас, порывались к стендам, крутили головами, разглядывая пропеллеры (один был “великанским”, другой – четырехлопастным!); двигатели (их будет представлять Сталину Василий Алексеевич); модели пассажирских и военных самолетов, их вооружение, и конечно же, глазели на знаменитых “засекреченных специалистов”.

Некоторых я уже видел и на дачах в “Северянине”, и в доме у Патриаршего пруда. Однако тут все они будто оцепенели и почему-то напомнили кукол, подвешенных за кулисами на гвоздиках, а такое я наблюдал в кукольном театре на Тверской во время экскурсии туда всем классом.

Так тихо. Нет, чуть слышный шепоток колыхнулся над неподвижным выстаиванием избранных, эхо от высокого потолка срезонировало и повторило слова:

– А сам хозяин... аин-аин, он будет?.. удит-удит. А?.. а...

И никто не решился ответить. Вопрос повис в воздухе. И вдруг...

Откуда-то, как будто бы извергшиеся из-за дубовой панели стены, сразу возникли одутловатый Орджоникидзе с обвислыми грустными усами, а рядом, не очень похожий

на свои портреты, низкорослый Сталин.

“Величайший” был пониже меня. Рябоватое лицо кофейно-синюшного цвета, рыжевато-зелёные волосы под стать френчу, узкий, высотой в два пальца, будто вдавленный лоб, подозрительный прищур тигриных глаз и... вы можете мне не поверить, но я на какое-то время увидел, что непомерно крупные кисти его сцепленных на животе рук устроены иначе, чем у нас – там, где у людей большой палец, у него был мизинец, и наоборот – на месте мизинца находился большой палец. Он словно защищался от нас перевёрнутыми ладонями.

Наваждение? Аберрация? Мельком глянул на свои руки – нет, у него по-другому.

В эту секунду ощутил на себе его пронзающий взгляд, – будто спрашивал: “И ты выдыш это?” Казалось, он знает всё, про всех и про меня тоже и ныне и впредь.

Дети зачастую видят невидимое взрослым. Ведь я тоже стал в ту секунду другим и, наверное, смог бы выкрикнуть подобострастно-улыбчивым “куклам”: “Да вы разве ещё не догадались, кто возник перед вами?! Это – гипнотизёр!..”

Ничего подобного я, конечно, не мог выкрикнуть. Уже потом я его ещё несколько раз видел на трибуне, утаптывающим ленинский саркофаг. Он даже улыбался проходящим людским колоннам, оскаливая зубы, и всё же первоначальное впечатление, вблизи, осталось во мне навсегда.

Где-то в первой декаде апреля Григорий Анисимович пригласил нас проехаться под Москвой “правительственным рейсом”. От Ермолаевых примчался только Шура.

Было торжественно. Начиная с первых ступенек станции “Сокольники” всюду торчала охрана. На платформе играл духовой оркестр. На путях стояли два новеньких сверкающих вагона.

Мы попали в “главный”, где было начальство, но я узнал только Хрущева, его круглое курносое лицо отсве-

чивало, как розовая галоша. Уже в пути, заметив отчима, он поманил его пальчиком. Наблюдал, как они пытались разговаривать под громкий перестук колёс: Григорий Анисимович отвечал на вопросы обстоятельно, но всё же, как проштрафившийся ученик перед строгим учителем, горбился и старался быть пониже ростом. Не получалось. Тогда они присели рядом...

Новенькие станции, одна цветастее другой, мелькали перед нами в коротких остановках. Каганович вошел с охраной на неприметной по украшениям "Дзержинской". Тотчас сел. Горделивый, неподступный, только с Хрущевым поздоровался, стал надменно принимать поздравления. Ещё бы, метро отныне и во веки веков "имени Лазаря Кагановича"! Лицо его лоснилось, как у сытого кота...

Под Москвой мне не понравилось. Отовсюду тянуло проникающей сыростью, сквозило холодом, даже "родной" запах цемента отдавал вонью масляной краски казённых помещений.

Но конечная станция "Дворец Советов" нам с Шурой показалась великолепной. Ровный свет, исходивший от алебастровых светильников, напоминавших чаши белых садовых лилий, умиротворял и возвышал душу...

Расширяющиеся кверху колонны по обеим сторонам платформы, несли храмовый свет. И не случайно мы вспомнили о взорванном Храме Христа Спасителя, что некогда возвышался неподалёку. А на его беломраморных памятных досках, которыми облицована станция, значились имена победителей наполеоновских войск. Там были имена и наших предков.

За что же их вот так – "лицом" к стенке?

До конечной станции с Шурой не доехали, вышли по ступенькам на поверхность и отправились в Музей изящных искусств...

То утро обещало солнечный и тёплый день. В Сокольники чуть свет прикатали Ермолаевы, а тётя Оля уже

неделю как гостила у нас. Собрались, чтобы к назначенному времени отправиться на аэродром, кажется, в Измайлово и полетать *над* Москвой на восьмимоторном, самом крупном в мире самолете “Максим Горький”! Два автомобиля ожидали нас на Поперечном Просеке...

Понесли завтрак шофёрам. Так полагалось. Они отнекивались, а всё же взяли и бутерброды, и термос. На обратном пути сообщил брату, что “наш-то”, не только привозит мне читать золотообрезные тома “Графа Монте-Кристо”, но и как бы вскользь спрашивает, о чём мы по вечерам разговариваем, ему это страшно интересно, ведь он такого человека возит...

Шура рассмеялся:

— А наш шофер сам попросил, чтобы при нем не распространялись. Мы его даже зауважали. Ну, а домработница — это уж известно — штатный сексот в доме.

Он сплюнул.

— Ты летом куда поедешь?

— В пионерлагерь. Во вторую смену. Назначили пионервожатым малышни, да и фотографировать обязали для стенгазеты.

— А я в Крым, в Коктебель. Сам Королёв будет учить летать на планере. Может, и полечу...

— Шура, а помнишь, как я у вас на Гороховской полетел со старинного шкафа?

— Помню. Тебе четыре года было. Зачем ты туда полез?

— Знал, что там коробка с ёлочными игрушками, хотелось посмотреть, да увидел настоящую шпагу, завернутую в газету...

— А-а, отцовская. Он ведь закончил “Императорское Техническое Училище”, ну, нынешнее имени Баумана, а тогда всем, кто получал высшее образование, полагалось дворянское звание и шпага к тому. Мама выбросила её куда-то...

— И у моего отца была шпага. Только он её упрятал в трость...

Когда мы вернулись в дом, там шёл спор, куда пойти прогуляться – до отъезда на аэродром оставалось ещё полтора часа. Мама предлагала к “Чёртову мосту”. Железный виадук, возведённый меж двух “гор”, сложенных из корней вековых деревьев, открывал великолепный вид на цепочку прудов и вершины леса...

– Декорация, – возразил Григорий Анисимович. – Предлагаю пройтись на Шестой Просек. Там, на даче, принадлежавшей известному купцу Лямину, в восемнадцатом-девятнадцатом годах подолгу проживала Крупская. Лечилась от базедовой болезни. Воздух целебный. Ленин приезжал, молоко привозил, однажды чуть не погиб, кажется, во время мятежа левых эсеров.

Обратно пойдём, на углу Шестого и Поперечного – старинная кирка, теперь жильцами набитая. Вблизи, через дорогу, тоже дом любопытный – в октябре семнадцатого в нем располагался штаб Белой гвардии. Интересно? Всё рядом...

– Нет уж, – заявил Василий Алексеевич, – по мне, так лучше на “Чёртов мост”.

Они ушли, а нам с Шурой наказали дежурить у телефона, и, если вдруг распорядитель полётов позвонит и поторопит, тотчас сообщить. Путь следования мы оговорили, а я в лесу каждую тропку знал.

Василий Алексеевич – как в воду смотрел. Минут через пятнадцать позвонили. Разговаривал Шура. Поблагодарив распорядителя, опустил трубку и сказал:

– Растяпы! Так и опоздать можно. Бежим.

Шура волновался, и тогда я предложил пойти наискосок через лес, так быстрее.

Он согласился, мы торопливо пошли и... неожиданно вышли к Пятому Просеку. Ничего понять не мог – прямо наваждение какое-то! Бросились обратно, опять плутали, потеряли минут двадцать, и только у пруда встретили наших. Перебивая друг друга, стали торопливо объяснять. Василий Алексеевич глянул на часы:

– Гнать машины не будем. Дорога скверная. Успокойтесь. Я договорюсь. Полетим вторым рейсом. Так даже лучше, спокойнее, пассажиров будет поменьше...

Ещё погуляли. Вернулись в дом. Василий Алексеевич снял трубку телефона, назвал номер, попросил дежурного распорядителя, назвал себя и... голубые глаза его заledenели, лицо вытянулось и побелело: "Максим Горький" разбился!..

Пройдет какое-то время, и Шура скажет:

– Сгорел, как Данко. А вот болтают, будто одним из двух истребителей, что были в эскorte "Горького", управлял затаившийся в лётном составе бывший дворянин, белый офицер. Его ястребок и врезался в крыло самолета на мёртвой петле.

Я промолчал. Нет, мы тогда счастливо заплутали в Сокольниках. И как тут не поверить в судьбу?

В самом начале июня, когда тетя Оля, гостившая в Москве, уже собралась отбывать в Днепропетровск, сестры вдруг всполошились и устроили "закрытое совещание".

А причина тому была следующая. Четвертая сестра, "младшенькая", Вера Евгеньевна Криштафович перестала отвечать на письма. Не ответила она и на телеграмму с оплаченным ответом и просьбой срочно сообщить "о здоровье мамы" – бабушки Марии.

Попросить у своих мужей совета, а тем более содействия в столь загадочных обстоятельствах, при тогдашних слухах о бесследном исчезновении людей у "самого синего моря", сестры не посчитали возможным. Они знали, что в Сухуме, как и по всей Грузии судьбы людей вершит "Лаврентий", ставленник Сталина, а его в народе называют "мясник". Не приведи, Господи!

И сестры пришли к решению. Ольга вернется в Днепропетровск, оттуда с командировкой от спирто-водочного завода, где главным бухгалтером был её муж, Иван Семёнович Еремченко, отправится в Сухум, а там уж Господь

укажет. Мама моя поедет в Ленинград, к Африкану Николаевичу, ведь только он, самый близкий по родству, уже прошедший огонь и воду, может дать верный совет в направлении поисков; а Зина, как старшая из сестёр, остаётся в Москве координатором и связующей нитью. Был даже пароль придуман: “Козье молоко – целебное”, – мало ли что!

Естественно, что ни мужа, ни мы, дети, не догадывались об истинных причинах столь поспешного отъезда сестер.

По прибытии в Сухум, тётя Оля отметила командировку в местном виносовхозе и отправилась на “Гору”. Но в знакомом доме не нашла никого, кто бы мог объяснить, куда подевались её родные. Не пускали даже на порог, ведь через Сухум прокатилась повальная холера и повторная угроза пандемии ещё витала над городом.

И тогда тётя Оля отправилась в ближнее с домом ущелье и постучала в дверь жилища “козьей дворянки”. Седая старуха с пронзительными глазами признала тётку и, без каких бы то ни было расспросов, впустила в пещеру, оставив ночевать на козьих шкурах.

Благодаря своей многочисленной клиентуре, поверившей в оздоравливающее действие козьего молока, куда старуха ещё подмешивала разнообразные настои горных трав, она была осведомлена обо всех событиях в округе. Вот такой у них состоялся ночью разговор:

– Знаю, что меня тут называют “козьей дворянкой”. Но я не сумасшедшая и не “старуха-скакуха”, это козы меня научили с любой высоты приземляться на четыре точки. Вот и не боюсь с рогатыми по ущельям ходить...

Вашу сестру арестовали “дети Лаврентия” и, конечно, она погибла. И если вы сами не хотите попасть туда же, да и меня увлечь за собой, завтра же уезжайте, пока людоловы ещё в замешательстве и спасаются от холеры спирт-ным.

Могилку своей мамы не вздумайте искать, закидана землёй да галькой. Где она – вам только шакалы могут рассказать...

– Но ребёнок? Девочка?

– Не надо кричать. Тут эхо. Девочка в детдоме. И я помогу вам её выкрасть. Нет-нет, денег от вас не возьму. У меня своё “золотое руно”, – и она погладила пузатую козу, которая, как собака, положила ей голову на колени.

– Сейчас уйду и запру за собой дверь. Ложитесь спать, ни на чей голос не откликайтесь. А если “горный дух” захохочет, так это – ветер бунтует в пещере, она ведь тянется до “Золотого берега”. Были обвалы, вот ветер и скандалит. К утру вернусь.

Пройдут сутки. На третий день, ещё до восхода солнца, перед пещерой остановится двухколесная крытая колымажка об одной лошади. Возница – абхаз и “козья дворянка” войдут в пещеру и вынесут оттуда спелёнутую козу с перевязанной мордой. Они осторожно уложат её на сено в поддоне возка. Оттуда выглянет абхазка с полузакрытым шалью лицом и покажет спящую на её руках девочку...

– Не волнуйтесь, – скажет спокойно тете хозяйка. – При ней и документ из детдома, и билеты на пароход. Вы узнали девочку?.. Хорошо. Почему крепко спит?.. Ей в молоко заболтали щепотку толчёного мака. Это не повредит. До Пицунды спать будет.

Возница и “козья дворянка” перемолвились о чём-то на абхазском, и он, вскарабкавшись на своё место, развернул лошадку...

– Я вам по гроб обязана, – шептала тётя Оля. – Назовите своё настоящее имя, чтобы я... Почему вы помогли?..

– Всё, всё, – перебила старая женщина, подсаживая тётку на колымажку. – Но я хочу, чтобы вы знали, почему. Матушка Екатерина Великая своим рескриптом уравнила казацкую старшину Малороссии с российским дворянством. А я из Петербурга. С Богом!

Она издала странный горловой звук “Гей-хей!”, двухколка медленно тронулась, защелкали голыши из-под колёс...

Лишь на палубе пароходика “Вест”, а море было спо-

койным, тётя Оля сбросила напряжение.

Девочка спала спокойно.

Из Туапсе они благополучно доберутся до Днепропетровска. Чета Еремченко удочерит Юленьку и даст ей свою фамилию.

В то время, когда тётя Оля сходила на берег в Сухуме, еще надеясь на то, что Вера с дочкой и матерью просто-напросто сменили местожительство, моя мама плутала по Большой Морской Ленинграда. Криштафовичи и петербургские Набоковы жили когда-то на этой улице неподалёку друг от друга и, вероятно, общались. Но с того времени всё изменилось.

Однако возвратившегося из заключения Африкана Николаевича она обязана разыскать! И вот пойдут они... белой ночью вдоль розовой Невы, вспоминая бывшее, когда она и Зина приехали однажды сюда на пару дней и, после посещений музеев и выставок, нашли дядю в Ботаническом саду.

Он пригласил их тогда домой на Большую Морскую, где квартира была большой, с реликвиями и коллекциями, которые он привозил из дальних путешествий, а у двери бессменно стоял, как живой, неподвижный самурай в боевых доспехах...

Наконец, она отыскала и дом и полторы комнатки уплотнённых Криштафовичей, и всё оказалось вовсе не так, как это она себе представляла. Родной дядя признал племянницу, но особой радости на его сером, пепельном лице не появилось.

Он привел маму на кухню, которая служила и кабинетом и библиотекой, налил густой заварки в фарфоровые просвечивающиеся чашки, отчего цветные рисунки на них, изображавшие самураев, похожих на женщин, которые несли за широкими поясами по два меча в бамбуковых ножнах, — мгновенно оживились...

— Печенье берите. Ну, и рассказывайте, что привело

вас к Африкану Криштафовичу, а точнее, к оставшейся от него оболочке. Отец ваш, кажется, жив? А вы по мужу ещё и Набокова?.. Букет. Ими тоже интересовались на Гороховой...

И чем больше мама рассказывала о пропавшей в Сухуме "младшенькой", которую он в Павлограде в имении Евгения Николаевича на руках носил, тем сильнее крепла в ней уверенность, что приехала она сюда впустую.

Исповедь дядюшки была достаточно длинной, заполошной и утомительной, – вспоминала мама уже в Москве, – но мне показалось, что вскоре он даже обрадовался моему посещению. До того он никому ещё из близких не открывался. Боялся. Шутка ли пережить такое: путешественник, исследователь, учёный, основатель научной школы, человек с мировым именем, – возвращается на родину после тринадцатилетнего отсутствия, привозит весь свой научный багаж, а ему предлагают занять место садовника-огородника в Ботаническом.

А дальше пошло всё хуже и хуже: вызовы, расспросы о зарубежных учёных и друзьях, бесконечные соглашения, перлюстрация, осмотрительные ученики, оглохшие сподвижники, и никто не в состоянии заступиться, дать совет...

Вспоминали и о наших предках, выходцах из Польши, что исправно служили Дому Алексея Михайловича Романова, да казаковали, а далее – Петру Алексеевичу.

Я припомнила рассказы бабки. Наш пра-пра-пра Кирилл Сергеевич был атаманом казачьего войска на Суле, в Полтавской битве с сыном Иваном бок о бок сражались. От Петра Великого личный Универсал имели за верность и услуги Его Царскому Величеству. И Меньшикова знавали, и Кочубея, и Мазепу, и Скоропадского первого, а через двести с лишком лет со Скоропадским последним близки были.

А до того во всех походах зарубежных участвовали и под парусами ходили, во всех войсках элитных служили.

Конечно – и в 1812 году, и в Крымских, и в Кавказских войнах.

И Церкви строили.

А какие земли на Украине имели! К народу справедливости были. Ещё в начале века многие земли свои раздали хлеборобам безвозмездно. А в землях тех, на Павлоградчине, таятся неисчерпаемые залежи полезных ископаемых...

– Это уж я знаю! – добавил он. – Вот когда Николай Александрович в Павлоград заезжал... А-а, ладно, в телеге прошлого далеко не уедешь. И вы, Настенька, хотите, чтобы наш пролетариат всё это Криштафовичам простил? Глухо. И у него – генетическая память. Под корень надо всех, кто за кордон не ушёл. Под корень. Да и у украинских Набоковых – такая же судьба, только они были пониже рангом, хотя и в родстве с петербургскими.

Наконец – арест. Более месяца ожидал расстрела за “шпионаж”, в пользу многих государств одновременно, ну не идиоты ли?! На его счастье им уголь понадобился на Европейском Севере.

Изменили статью. И пошло и поехало планомерное, заранее продуманное, испепеление личности.

– Да поймите, наивный вы человек, – говорил он мне, – в этой стране уже никто, никогда, никому не сумеет помочь, ибо она – прокрустово ложе со свободным выбором места “всеобщего равенства”.

Не стала ему перечить. Его, как мне показалось, не совсем логичный вывод, настораживал. Но чтобы как-то разрядить своё затянувшееся молчание, указала на стену, где одиноко висела и, по-видимому, не к месту, плоская, застеклённая коробка с яркой, крупной бабочкой. Она бы и на ладони моей не поместилась. Приглядевшись, отпрянула: на её спинке явно угадывалось изображение лица усопшего человека...

– Потому и называется “Мёртвая голова”, – перехва-

тил он мой взгляд, – из семейства бражников. Мощное создание. И ничего не боится, пьёт нектар даже у ядовитых растений. И в улья за мёдом забирается.

...А вам повезло, что я оказался тут. Мое место в другом городе... Ради всего святого, уезжайте, Настенька, сегодня же. В городе продолжают аресты по делу убиенного Кирова. Неровен час и...

Вскоре сестры получают через знакомых письмо от Ольги, там будут и слова: “козье молоко – целебное”. Из длинного пересказа сухумских событий они поняли всё, что стряслось в “стране души”. Поплакали, посетовали, повинились в своём бессилии воздействовать на “младшенькую”, да ещё и мать отпустили с ней. В Елоховском соборе свечи поставили: две за упокой, одну во здравие.

...Через пятьдесят пять лет я прочитаю лучший роман Владимира Набокова “Дар” и, столкнувшись с описанием личности Годунова-Чердынцева старшего, путешественника и учёного, невольно вспомню Африкана Николаевича. Не он ли явился прообразом?

Весна 1936 года.

– Да ведь наши жёны – авантюристки! – к такому мнению единогласно пришли оба супруга. Но как они узнали о “заговоре” сестёр – для нас с Шурой оставалось загадкой. И вообще, мы с двоюродным думали иначе: три сестры свершили то, что должны были сделать их мужья.

Вскоре этот семейный “скандал” растворился в небытие. Умер дядя Вася. Облеченный высокой должностью заместителя начальника Главного Управления авиапрома, он властью не обладал, слишком затаённо терпел безграмотные, некомпетентные указания сверху, придирки, надзор и преследование ГПУ. Сердце – не “пламенный мотор”. Был прощальный митинг в клубе секретного завода, что вблизи Белорусского вокзала, много было сослуживцев. Охрана, цветы, тихие речи. Из членов правительства

откликнулся с соболезованием только Орджоникидзе...

Внимательно наблюдал за лицами людей, встающих посменно в караул у гроба – сострадательные, тупые и равнодушные, но среди всех самым живым мне казалось лицо усопшего. Успокоенное, отрешённое, оно в какие-то доли мгновения небесхитростно улыбнулось. Казалось, дядя Вася вот-вот вымолвит:

– Дудки! Я-то уж на свободе. Ускользнул... А вы...

How do you do, mister Brown!

How do you do, mister Brown!

Да простит меня Всевышний за кощунство.

Первого мая, гордо выпятив грудь, четко шагаю под убыстрённый марш военного духового оркестра. На меня держит равнение шеренга. Я – один из десяти правофланговых в одной из “железных когорт” юных ленинцев. Каждый отобран по анкетным данным, рекомендован, как спортсмен, и все мы вымуштрованы на репетициях и смотрах.

Сегодня премьера. Она – единственная. Быстро-быстро-быстро! Мы в ладных, пошитых на рост юнгштурмовках защитного цвета, перетянутых новенькими кожаными портупелями. Брючки до колен, гетры, на головах краснозвёздные стальные каски, в руках длинные древки с алыми флажками.

Сотня – за сотней, слитно отбиваем шаг по брусчатке ещё пустынной от народа Красной площади. “Готовые и к смерти и к бессмертной славе” открываем военный парад.

Говорили, за нами пойдут танки. И они пойдут, прямо на “Василия Блаженного”. Но Храма не вижу, я в предельном напряжении нашего стремительного броска вперёд.

И всё-таки, приближаясь к мавзолею, невольно скосил глаза на гостевые трибуны: там должны быть Григорий Анисимович и мама. Тщетно. Избранных тьма-тьмушая. Засёк слева иностранных представителей, поднял взгляд

на трибуну вождей – во главе со Сталиным, а он, оказывается, ничуть не ниже своих соратников. Подумал – неужели под ногами скамеечка? Опускаю взгляд ко входу в мавзолей, и... узнаю Горького!

“Буревестник” полусидел-полулежал на мраморном кубе у лестницы вверх по правую сторону входа. В накинутом на плечи плаще, похожем на распластанные крылья, он опирался на палочку, точнее, придерживал её. На голове – тюбетейка с шитьём, усы обвисли, как у моржа. И тут, в какое-то мгновение, увидел неизбывную грусть в его слезящихся глазах. Мелькнул платочек. Вот оно как! Да он будто прощается с нами... и просит прощения... За что? Дай ответ... Не слышит. Миновали...

Миновали и “Василия Блаженного”, как будто на пути его и не было. И уже, свернув налево, рассыпанным строем входим во двор одного из домов улицы Разина. Сдаём начальству каски и портупей, толчёмся, шумно обмениваемся впечатлениями, сожалеем, что военного парада мы так и не увидели.

Я, вероятно, был не единственным, кто почувствовал себя всего лишь актёром марша “железных когорт” на грандиозной сцене Красной площади, ибо главная воинская деталь нашей экипировки – стальные каски были штампованными... из папье-маше, картонными. А если – война...

Интересно, видел ли меня Горький? Ведь я был правофланговым. Или все мы показались ему на одно лицо, как наши каски? Об этом вспомнил уже в июне, в день, когда узнал о его кончине. Сам упокоился или помогли – услугой за услугу? Сталин тоже побаивался “пролетарской” палочки Коха, вот и не пустил во время демонстрации друга Максима на мавзолей. А ведь писатель своевременно помог ему, выпустив из-под своих “добрых” усов бо-ольшую микробину, её и миллионы повторяли и тиражировали на все лады: “Если враг не сдаётся, – его уничтожают!”

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

“Нежный посвист, звонкий росчерк...”*

От генетика до редакционного работника, от танцора до охотника за змеями, от лектора до подводника — какая, право, пестрая житейская палитра, какое многоцветье, которого хватило бы на биографии нескольких человек. Павел Барто (речь идет о нем) переменял множество профессий. Но всегда, как неотступная и постоянная потребность души, с ним было Слово.

Работал Павел Николаевич Барто, вернее, пел свою песнь вне зависимости от внешнего успеха, огласки, славы, и понятия творчества и бескорыстия — были синонимичны. А между тем, с тридцать шестого года по шестьдесят первый — четверть века! — его не печатали.

Известно, что отделом кадров на советском Парнасе ведали люди, далекие от литературы, — политиканы, мастера интриг. Скромный и гордый Павел Барто предпочитал оставаться в тени, в неизвестности, но не пресмыкаться перед властью имущими литературными чиновниками. Вот почему мы с таким опозданием узнаем о творческих свершениях поэта.

Если создавать его творческий портрет, то всего верней выбрать в качестве фона природу, точнее, лес со зверьем и, особенно, — с птицами. Эти Божьи твари более всего привлекали его внимание.

* Строка из стихотворения П.Н. Барто (1904 — 1986 гг.).

В центре содеянного Павлом Барто должна быть поставлена его по-своему уникальная поэтическая энциклопедия пернатых.

В истории литературы и искусства немало примеров такой страстной сосредоточенности на одной теме. Так, имя Айвазовского сочетается с морем, Шишкина — с лесом, Дега — с балетом. Никто этих художников не станет попрекать в узости или односторонности. У них встречаются и другие мотивы. Но море, лес, танец — доминанта.

Такой чудесной доминантой у Павла Барто были птицы во всем их многообразии. Он знал их нравы и норы, повадки и характеры, генеалогию и привычки. Мне кажется, что он даже знал птичью речь и умел подслушивать их разговоры. Возможно, они казались ему куда интересней наших.

Жизнь птиц он изучил настолько, что ученые-орнитологи, исследователи птичьего царства, считали Павла Барто своим близким другом и коллегой, приглашали его на свои конференции и съезды.

Шли годы. Поэтическая энциклопедия пернатых обрела новое качество. Это качество пришло с бедой. Все больше и больше птиц уходит в перечень Красной книги, скорбно фиксирующей исчезающие виды. Ужасающая экология бесчинствует.

Мне понадобилась бы уйма бумаги, чтобы перечислить тающие из года в год, из месяца в месяц породы птиц: большой чекан, иглоногая сова, султанка, черный аист, сапсан, скопа, малый лебедь, овсянка, алеутская крячка, белоклювая гагара, розовый пеликан, рыжий воробей... Довольно! Кричать хочется.

Комиссия по литературному наследию Павла Николаевича Барто располагает ценными тетрадями писателя, в которых находим живые отклики на события дня и на сложную жизнь творческой души. Особый интерес представляют дневниковые записи.

Лев Озеров

Павел Барто

*Научись, малыш, с детства любить
свое дело, — не верь в праздники, не верь
никому, верь только в себя. В нас са-
мых и праздники и будни, в нас, и толь-
ко в нас, утешение всем нашим горестям,
в нас — наше единственное верное бо-
гатство. Да, оно не дается без труда.
Жизнь — это тяжелая работа в тем-
ной шахте.*

*Пробивай дорогу к свету, он есть, он
мерцает на нашем пути, крепче держи
кирку в руках, и настанет момент, ког-
да свет озарит для тебя все темные
закоулки. Это будет тебе лучшей
наградой. В этом смысл.*

*Дело — единственное, что стоит
любить.*

22.09.1929 г.

14.04.1930 г.

Сегодня утром умер Владимир Маяковский. Сам рас-
порядился. Мгновенно превратил большое, хорошо сла-
женное тело в мертвую тушу. “Сердце-будильника вдре-
безги!..” Стынет мозг в его черепной коробке. Молчит
флейта позвоночника. Не гул незаурядного, высокоструй-
ного стихометателя в ней — мертвой пустой раковины.
Вскрывать станут, кромсать, препарировать...

У Вас, Владимир Владимирович, будет подобающий Вам
огромный гроб, не гроб, а гробище — дредноут, а сами Вы
еще так недавно сажеными шагами размашисто мери-
ли версты улиц, площадей, а теперь, растянувшись плаш-
мя, поплывете над праздной толпой, этакой медленной,

шатающейся на ходу сороконожкой... Куда? Зачем? А уж туда, куда потащут!

25.04.1930 г.

Не знаю, скоро ли соберусь написать о первых днях после смерти Маяковского. Время стремительно движется вперед, лавина обростает.

Например, сегодня, в клубе ФОСПа¹, на вечере, по-видимому, задуманном, как показ творческого пути Маяковского, на лавину памяти ушедшего поэта начало налипать всякое дерьмо. Поначалу какие-то "Лилипутки в юбках", истерически взвизгивая и подвывая, пытались преподнести уважаемой публике "Облако в штанах". Затем бас, скромно предупредивший, что он не артист, а лишь поклонник поэта, вскоре доказал, что на деле никак не ощущает ни ритмического построения стиха Маяковского, ни его неповторимо-убедительной интонации.

Хорошо, что урна с прахом В.В. не находилась в клубе ФОСПа, взорвалась бы она осколочной бомбой...

12.01.1931 г.

Токующий глухарь. Тут хоть развались кругом, пропади пропадом, сам назавтра — снулая муха, не замолчу — пока не выскажусь.

Знаю — один конец.

Не потонули в прошлом потоке. Умерли бабушка² с дедушкой³. Дед на старости лет, с пороком сердца, навернуху пилил дрова для печурки. Слышал я снизу, как скри-

¹ ФОСП — Федерация объединений советских писателей. При ней был клуб и издательство "Федерация" (1929–1933), в дальнейшем переименованное в издательство "Советская литература".

² Виллер Эмма Александровна (1852–1922).

³ Виллер Эрих Эдуардович (1851–1921), фабрикант, почетный гражданин г. Москвы.

пела табуретка и падали на пол чурки. Свистело его тяжелое дыхание. Не шел помогать. Свои дрова надоели. Умер дед.

Мечтала бабушка до первого калачика дожить. Тоже не дожила. Друг Коля⁴. Росли вместе. В лучшие времена гостил у них в имении. Сестра Коли играла на скрипке. Кажется, я даже был влюблен в нее. Отец Коли мечтал о собственной яхте. Меня взять с собой хотел.

Потоп. Сестре Колиной по ночам начало казаться — умирает она. Вскакивала... В одной рубашке бежала к матери под одеяло. Сошла с ума. Скрипку разбила. Говорят, дневник ее — “сплошной вопль”. В сумасшедшем доме остригли. Волосы у нее были с красноватым отливом, длинные, чуть не до полу. Хвост породистой лошади. В сумасшедшем буйствовала. Надевала тюфяк на голову и так ходила. Умерла.

У отца у Колиного страшная болезнь обнаружилась. Разрощение челюсти. Какая-то кость в горло начала вращать. С операцией можно было подождать. Со всеми простился, пошел под нож.

Год в тюрьме сидел мой дядюшка⁵ (великобританский подданный был). Отпустили. Седой пришел. В воскресенье ел пирог с рисом. С куском во рту, не успев подавиться, помер.

Да мало ли тогда, так или иначе погубло. За что только Бог нас в Ноев ковчег определил? Спаслись от первого потопа. Грехов, видно, недостаточно за нами числилось. Теперь поприбавилось. Пришла пора и нам, оставшимся, тонуть. Нет дома сейчас, где бы не было или не предвиделось несчастья.

Вот уже второй год разбит параличом отец Жениной⁶ подруги. Говорят, он (тучный раньше) высох теперь, как

⁴ Фомичев Николай Сергеевич.

⁵ Барто Альфред Богданович (1876–1919), инженер.

⁶ Сестра — Барто Евгения Николаевна (1906–1977), певица.

мумия. По часам сидит на судне, опираясь на руку своей жены, и стонет. Она два года не раздевалась. Удивляется, как не завшивела. Поддерживающая рука ее, посинела и натрудилась. Душа? А что такое за штука? Вероятно, тоже посинела. Недавно пришло известие, что где-то умер, выживший холеру, единственный любимый сын их — Володечка.

Мы выходцы из, так называемой, мелкобуржуазной семьи — аристократы духа теперь.

Папа умер от чахотки. К описанию того, как это было, я вернусь позднее, может быть, много позднее. Папины слова:

— Вот уже третий день, очевидно, под наркозом у меня вынули питательную коробку, посоветуйся с кем-нибудь, куда обратиться: в ГПУ, в прокуратуру, или еще куда-нибудь? Я всю жизнь ходил с аппаратом, (вот здесь), а теперь у меня его украли. Надо старый аппарат заменить новым.

— Папа, ты похудел, вот тебе всё и кажется.

— Глупый человек, позвони в прокуратуру, начнется следствие, в порядке прокурорского надзора, тогда увидишь... Поймите вы, ведь через два дня я на столе буду лежать...

На столе папа старенький, как чиновник вытянувшийся перед начальством. При жизни папа ни перед кем никогда не вытягивался в струнку. Если когда кого и просил о чем-нибудь, то всегда точно не для себя, а за кого-то другого просил.

В ночь перед кремацией. Рося⁷ сидит на туалетной тумбочке перед гробом. Гроб на столе. Рося рисует папу.

22. 05. 1934 г.

Наряду со многими другими, не принят в Союз писателей, как не отвечающий требованиям устава советских писателей.

Маршак говорил мне о мыльных пузырях, которые сей-

⁷ Брат — Барто Ростислав Николаевич (1902–1974), художник.

час во множестве поднимаются кверху, чтоб в скором времени лопнуть с треском. Говорил о том, что литературные достоинства никогда никакими комиссиями не определялись и определены быть не могут. Утешения Маршака были приблизительно такого рода: “Вырастите большим, надаёте им всем по шеям”.

Он сказал мне, например, следующее: “Напишите хорошую книжку и заставьте их пожалеть, что они вас не приняли”. Вообще, весь этот прием в Союз – по идее хорошее дело, заставляющее самих писателей пересмотреть свое отношение к себе, друг к другу и к своему делу. На практике же – сплошная комедия, и комедия весьма некрасивая.

Буду говорить только о детских писателях. Приемочная комиссия состоит из четырех “взрослых”: В. Иванова, Павленко, Афиногенова и Асеева – детских писателей они не знают. Консультанта – писателя москвича, который нас бы всех знал, в Москве не имеется. Поэтому приглашен Маршак, руководитель “Детиздата” Ленинграда. Ленинград постоянно “воюет” с Москвой. Маршак только “старается” быть объективным.

Но, во-первых, он не в курсе всех наших московских дел. Находясь на расстоянии и будучи увлечен своими ленинградскими делами, он просто не в силах следить за творческим ростом каждого из нас, работающих здесь, в Москве.

А, во-вторых, Маршаку мешает быть объективным его “ленинградский” темперамент и апломб. Положение Маршака в Москве двойственное, защита его двойственная, а поэтому и наше положение двойственное, или, попросту говоря, глупое.

15.07.1934 г.

Я зачислен в кандидаты Союза советских писателей.

17.08.1934 г.

Сегодня открытие Первого Всероссийского съезда писателей. Мне удалось получить гостевой билет на все заседания. Сегодня я, наконец-то, преодолев свою обычную робость, проявляющуюся в подобных случаях, познакомился с М.М. Пришвиным. Услышал от него жалобу: забыли критики, вернее, что он не слышит от них ни одного живого слова о себе. Пошел провожать Пришвина сначала в ресторан (бывший Филиппова), где угощали делегатов, а потом до дому в Леонтьевском переулке.

Я был похож на влюбленную поклонницу-институтку. По дороге Пришвин рассказывал мне, что завел себе автомобиль. В “автомобиле-машине дух эпохи”, Пришвин хочет подчинить себе автомобиль, как подчинял охотничьих собак — “это мой опыт, из которого не знаю, что еще получится, — говорил он. — Завел автомобиль, потому что трудно стало доставать лошадь у колхозников, чтобы ехать на охоту”.

...Я знал, что Пришвин покажется мне не таким, как я его себе представлял. Так это и случилось. Он седеет, чем я думал, нос у него, хотя и мягкий, но вроде как гладкогорбатенький. В поясе он широк и лицо широкое и пушистая седоватая шевелюра вокруг лысины широкая. Глаза, с первого взгляда (он стоял в фойе Колонного зала Дома Союзов и разговаривал с Ларским) показались мне холодными, красноватыми и недобрými. Глаза у него, действительно, красноватые, словно от ветра, жирноватые веки почти без ресниц. Один глаз смотрит добрее другого и он будто светлее. Как обрадовался Пришвин, что на делегатские боны можно закупить книг, чуть не на сто рублей.

...В ресторане кормили только делегатов, и Пришвин, со свойственной ему деликатностью, извинялся передо мной, как будто бы ввел меня в невыгодную сделку.

Потом Пришвин, узнав, что я пишу для детей, спросил: “Может быть, Вам нужно, чтоб я дал на какую-нибудь Вашу книжку отзыв?” Я поспешил сказать, что мне от него ни-

чего не нужно, что, преодолев робость, подошел к нему потому, что давно думал о нем, люблю и не хотел упустить случая познакомиться.

Когда Пришвин обвинял критику в замалчивании, я поинтересовался: “А почему это Вас так волнует? Зачем Вам всеобщее признание?” Возможно, мой вопрос был наивен, но хотелось сказать ему: “Разве Вы сами не знаете себе цену?” Вопрос этот больной для Пришвина. Он ответил:

— Я самый современный из писателей. Вот и Лескова не считали за писателя. Ведь недавно только стали говорить, что у него надо учиться.

Похвал Максима Горького ему, видимо, мало. Горячность, с которой Горький относится к каждому новому его произведению, — это как раз то, чего ему недостает от других.

Пришвин тоже жалуется на отсутствие у нас настоящей дружеской писательской среды.

23.08.1934 г.

Сегодня, приехавший на съезд французский писатель Мальро⁸ (говорят, он перед своим выступлением волновался до дрожи телесной и нервного тика), попытался приподнять перед советскими писателями завесу, умышленно опущенную. Вероятно, он думал, что своим выступлением открывает глаза и нам, и тем, кто стоит на нашем капитанском мостике:

— Вы освободили своих женщин и относитесь к ним с большим доверием, вы доверяете своим ребятам, вы пошли на доверие даже по отношению к явным преступникам и убийцам, сделав из них сознательных строителей и участников своего прекрасного будущего. Но почему же вы не доверяете своим писателям? Искусство не должно быть в подчинении, оно должно подчинять.

⁸ Мальро Андре (1901–1976), французский писатель, искусствовед, государственный и политический деятель.

24.09.1936 г.

Терпенье и выдержка! Кто умеет ждать — тот добивается своего. Говорят, что добивается, когда желание его уже ослабевает. Очень может быть. Одиночество — это огромная сила. Покой в одиночестве — это все.

Следующая ступень: надо научиться сохранять в себе этот покой одиночества и на людях, научиться владеть собой. Обычно владеть собой умеют люди зла. Им волей-неволей приходится скрывать свои мысли, желания, поступки. И все-таки зло побеждает лишь временно. Добро — есть высшее понимание и потому непобедимая сила. Зло много пакостит в мире. Но если добро этого не захочет — напакостить неисправимо оно всё же не сможет.

В этой борьбе я чуть не потерял рассудок. Обуреваемый страстями, боролся со злом в себе и других средневековым инквизиторским способом, пытал себя и других во имя правды, во имя Истины, словно был какой-нибудь безгрешный помазанник Божий. И мой Бог покарал меня.

“Ах, какой я все-таки хороший”. И не потому, чтоб жаждал мученичества. Зло и добро в наш век так тесно переплетаются между собой, что не хватает уже нашего слабого человеческого рассудка, чтоб разобраться во всем. Зло так обольстительно и богато, добро в таком нищенском рубище, так неприглядно и бедно с виду, что надо поистине недюжинные силы и геройство духа, чтоб выбрать последнее.

Добро, благородство в наш век подвизается на подмостках в виде шута горохового, пестрого клоуна, над которым все смеются.

Нет, я жажду добра, благородства другого, истинного, глубоко скрытого, милосердного и не корыстного...

30.09.1936 г.

Целеустремленность — главное в жизни. Надо уметь всё подчинять основной цели. Но и цель должна быть достойной этого. А разве не достойна этого та цель, которую я ставлю

себе? “Инженерия человеческих душ”, – это определение, как слишком механическое, – не устраивает меня. Изучение механики душевных движений – вещь, по меньшей мере, односторонняя и неизбежно ведет к рефлексологии. Не говорю, что ее не надо знать, но этого еще слишком мало, чтобы суметь построить хотя бы один характер. А ведь характеров великое множество. И опять-таки не только из характера, не из него одного создается личность, создается то, что мы называем определенной индивидуальностью.

01.10.1936 г.

На дворе холодно. Почти целый день идет снег. Бегал по городу насчет службы. Фуражка промокла насквозь, плащ насквозь и костюм до рубашки. В рваных калошах слякоть. В кармане ни гроша и кругом в долгах. Пусть жизнь борьба. И все-таки – она чудесная штука.

02.10.1936 г.

Сегодня сорвалось со службой в “Пионерской правде”. Остается радио. Говорят, это будет хуже моей поездки в Среднюю Азию за ядовитыми змеями. Но другого выхода пока не вижу.

31.03.1937 г.

Упрямо желая во что бы то ни стало оставаться независимым, действительно, можно от многого отмахнуться. Но можно ли отмахнуться от такой реальности, как голодная смерть твоих собственных детей?

13.01.1945 г.

“Вызвать духа гораздо легче, чем избавиться от него”, – это знает каждый “заклинатель духов”, а люди искусства, несомненно, могут быть причислены к их разряду.

Нет, быть одержимым духом неверия в себя – категорически не желаю! Это худший и мучительнейший из видов самоубийства, а я желаю жить. Хочу быть счастливым

непоколебимым счастьем, единственной в своем роде уверенности, — уверенности в себе и своих возможностях. Желаю дерзать, творить, созидать.

“Я могу и я буду” — вот мой девиз.

Зима 1946 г.

Любое существенно-важное критическое замечание по поводу написанного мною — подобно для меня палке, воткнутой в муравейник. Сразу же нарушается вязь хитросплетенных тропинок, и слова, как потревоженные муравьи, начинают беспокойно перемещаться в поисках конструкции более прочного сочетания.

Переписывание многих страниц раз по пятнадцать в продолжении месяцев создает, в конце концов, ту гладкость проторенной в лесу тропинки, проложить которую одному, да еще сразу, почти невозможно.

26.11.1946 г.

Был длительный перерыв в работе. Причин больше чем достаточно, и, однако, я не оправдываю себя. Одна из этих причин: наступление, прикрывающейся боевыми лозунгами, реакции по отношению к искусству.

Прошло много времени с последней моей записи в этой тетрадке. Как симптоматично, что в ней как раз записаны самые тяжелые события в моей жизни.

Смерть сына⁹, надолго оттолкнувшая меня от настоящих поисков в работе, постановление об искусстве, подписанное Ждановым. Именно о нём я писал: “Даже и прогрессивные по замыслу начинания, частенько у нас выливаются в удивительно уродливые, отталкивающие своей самонадеянной некультурностью, формы”.

⁹ Барто Эдгар Павлович (1925–1945), его мать — Агния Львовна Барто, писательница, урожденная Валова.

Июнь 1950 г.

На полколечка купил 200 гр. кофе, чай, 100 гр. масла, 1 кило гороха, 5 кило картофеля, 300 гр. конфет (помадка). На другую половину будем дней восемь покупать хлеб — два батона по 1 руб. 68 коп., черный 1 руб. Колечко было червонного золота.

Рад, что после стольких лет молчания в этой тетрадке, могу сообщить ей, что тот год, накануне которого болея, писал свою последнюю грустную запись, стал, действительно, годом постепенного возрождения.

Мои стихи впервые напечатаны в газете, затем в журнале. С тех пор к прозе я уже не возвращался, но обрёл новую жизнь в стихе, в течение целого ряда лет не дававшей мне каких-либо материальных результатов.

Но Пегас мой, как ему это было заказано почти двенадцать лет тому назад, пусть шажком, а всё же неуклонно — вышагивал и наступал.

10.06.1953 г.

Вчерашний день можно считать историческим. Впервые, за много-много лет я, наконец-то, купил себе брюки — свои собственные, не ношенные никем, брюки, без дыр, штопок и заплат.

Теперь могу идти на любое собрание и могу не заботиться о том, что надо книгой, портфелем или просто руками прикрывать до неприличия заштопанные колени.

07.12.1960 г.

Пленум детской литературы доставляет удовольствие, главным образом, тем, кто готовил к нему доклады и содоклады: Кассилю, Агнии Барто, Михалкову, Мусатову. Оба зам. министра (просвещения и культуры) — люди вряд ли способные двигать вперед дело детской литературы, как-либо направлять или улучшать.

Сегодня лозунг: консолидация сил, работающих в детской литературе. По этому руслу все и движется.

Реверансы в сторону патриархов детской литературы. По существу, ничего нового.

09.12.1960 г.

Я счастлив тем, что кончились бесконечные заседания трехдневного пленума по детской литературе. Много политиканства. Толку мало. Детские писатели демонстрировали свое умение выступать: “Необходимо создать такую-то книгу. Написать еще вот такую-то“. Как будто достаточно осознать необходимость, чтобы такие книги появились. Обманывают себя, обманывают руководителей.

А вокруг вьётся туча халтурщиков, готовых писать о чем угодно, лишь бы печатали и платили деньги. И все же, самое интересное, что книги эти будут изданы, имена — прославлены, но что это будут за книги! В лучшем случае, беллетризованные декларации!

Я не каркаю. Мне хотелось бы, чтобы это было иначе. Но уверен, что от благих пожеланий до рождения книги, — дистанция огромная. Горький уверял, что книги могут создаваться коллективно. Недаром Лев Толстой как-то сказал ему: “Вы, батенька, не писатель, а сочинитель!”

Общественные самодетельные сочинители, видят в созданных ими произведения то, что им хотелось бы видеть и не видят того, что эти произведения на самом деле из себя представляют. Сделав пропаганду самоцелью, спорят только о том, как глубоко должны быть спрятаны пружины. И это в лучшем случае.

Собрание политиканов, циников, распоясавшихся в своем ортодоксальном рвении — выслужиться. Ярчайший пример откровенного торжествующего подхалимажа. Даже умные люди на таких массовых литсобраниях как будто глупеют.

01.01.1961 г.

Надо начинать работать. Так больше нельзя. Только работа и, единственно работа, может давать истинное удовлетворение.

06.01.1961 г.

Пластика в скульптуре — это глубочайшее проникновение в технологию мастерства, а также раскрытие гармонии, бытующей в природе.

Мы с Цаплиным¹⁰ — противоположности. Он, при своем жёлчном скептицизме, даже и видя искру таланта, утверждает: не из всякой искры возгорится пламя, а если и возгорится, то может быть и смердящим. Мне же достаточно заметить искру таланта, особенно в молодом, как я поддерживаю эту искру излишней восторженностью.

12.02.1961 г.

Когда думаешь — вот жизнь почти уж и прошла, а развернуться “во всю” ты и не успел, — возникает естественный вопрос: что понимать под “разворачиванием во всю?”

Пашкина¹¹ говорит о цветке: “Лишь день один на его веку”. Некоторые люди, как цветы. Пока живешь и встречаешь новую весну, не поздно тебе раскрыться, как цветку под лучами солнца.

Одни делают фундаментальные исследования, другие, точно от рождения все зная, создают, на первый взгляд, уже не столь значительные произведения, но ценность этих произведений в почти неуловимом их аромате, который сохраняют они для нас на века.

Имеет ли самостоятельное художественное значение то небольшое, что мне удалось написать хотя бы за последние пять лет? Немного я создал, но кое-что все-таки сохранился.

19.02.1961 г.

(Из моего письма Лизе Красновой)

Талантливому художнику можно простить любую “неправильность”, если ею он воспользовался, чтобы подчеркнуть

¹⁰ Цаплин Дмитрий Филиппович (1890–1967), скульптор.

¹¹ Пашкина Ольга Александровна, друг семьи П.Н. Барто. Поэт.

характерное в природе, или передать свое чувство к ней (экспрессия выражения художника).

Дикари, изображая на стенах пещер поединки с мамонтами, изображали их с небывало длинными и закрученными вверх бивнями. Изображая предмет опасной охоты, первобытный человек, естественно, это подчеркивал, что-то утрировал, передавая охватившие его при этом чувства. Здесь имели место зачатки того, что мы теперь называем “искусством”.

Современные художники, несмотря на то, что они, конечно, могли бы, с поистине удивляющим других совершенством, копировать природу, однако, сознательно не делают этого, считая, что подлинная задача художника, путем приобретения сложной простоты, завоевать, утерянную за время учебы, непосредственность восприятия мира.

В мире искусства все гораздо ближе к религии, чем к науке. И, однако, слава тому художнику, который, пройдя через суровую реалистическую школу, сумел до конца жизни сохранить в себе детскую непосредственность. Способность художника перевоплощаться в увиденное, делает это увиденное им почти нереально сказочным.

Слава художнику, который не возгордился умением копировать увиденное, и не стал “честным ремесленником”.

Слава художнику, не разменивающемуся на излишнюю детализацию, наносящему на полотно только самое необходимое, т.е. стремящемуся передать возможно большее возможно меньшими, или только самыми необходимыми выразительными средствами.

Кто-то правильно сказал, что “хороший вкус — это отсутствие всего лишнего”. Для них это — сгедо и изменить ему равносильно измене своему делу.

16.03.1961 г.

Сегодня утром я разговаривал с Б.Н. Вепринцевым¹².

¹² Вепринцев Борис Николаевич (1928–1991) – биофизик, ор-

В середине апреля выйдет вторая пластинка, вторая серия “Голосов птиц”, где почти все дрозды, ток глухарей, тетеревов, барабанная дробь черного дятла, лесной конёк, жаворонок, перепел, камышовка-барсучок и другие, пеночка пересмешка и дуэт озёрных лягушек.

Вепринцев говорит, что если бы не моё содействие, пластинки с птичьими голосами вряд ли появились на свет.

19.03.1961 г.

Хочу выразить в стихах удивительную весеннюю способность птичьих самцов реагировать даже на собственную тень, а самок не только кокетливо оставлять ее на самом виду у самцов, но даже, бросаясь с разлёту в снег, как сороки, оставлять на нем свое изображение, отпечаток с головой, шеей, распростертыми крыльями и хвостом.

Есть стихи, которые надо читать про себя глазами, так как ухо, ожидающее знакомых сочетаний звука и смысла, легко усваиваемых, но и легко ускользающих от истинного проникновения в их сущность, не сразу его улавливает.

Думается, что к такого рода стихам относится и мое “Плиска и желтый ирис”. Оно музыкально, но, убаюкивая ритмическим построением, не дает возможности в полной мере сразу охватить поступательную последовательность живописного рисунка. А именно на сосредоточенном следовании за этим рисунком, и рассчитывает автор, заключивший смысл стихотворения в цепь, последовательно сменяющих друг друга образов.

Впрочем, есть здесь и другое соображение: интонационное богатство стихотворения чаще более полно ощущается читающим, чем слушающим.

нитолог. Создатель фонотеки голосов животных при институте биофизики Академии наук РФ. Профессор, лауреат государственной премии СССР.

04.04.1961 г.

Апрель-май этого года – знаменательный отрезок времени в жизни. Наконец-то реализуется то, что является моей окончательной победой, в весьма и весьма нелегкой борьбе за, казалось бы, самое естественное право на законно принадлежащее мне место в печатной поэзии наших дней.

Выходит первый сборничек моих стихов “Птичьи разговоры”, и выходит таким, каким я хотел его видеть: красочным, прекрасно отиллюстрированным художником Евгением Михайловичем Рачёвым¹³. В этом же месяце в майском номере “Юного натуралиста” публикуются мои стихи.

...А сейчас я весь нетерпение: как-то будет работаться весной в Малеевке! Эту нескладную зиму никак не могу назвать особо продуктивной. Тем более горячее желание написать что-либо, действительно, стоящее. Впрочем, волнуясь я каждый раз, точно это новое мне предстоит достать откуда-то из четвертого измерения.

К сожалению, среди моих стихов, все же есть еще и такие, в которых этой победы извлечения из поездки “в страну незнаемого” я не ощущаю, и конечно же, такие стихотворения не радуют, хотя, может быть, и выглядят весьма добропорядочными.

Искать, искать новых путей с каждым новым стихотворением – вещь для меня совершенно обязательная.

27.04.1961 г.

Скворцы пересвистываются, как мальчишки.

Поэзия — это не только путешествие в незнаемое, но и почти всегда попытка добыть невозможное, погоня за неуловимым.

04.05.1961 г.

Удивительно показательно действие плохих фильмов в нашем Доме творчества. Платишь 20 коп., а здоровья

¹³ Рачёв Евгений Михайлович, художник.

теряешь на рубли. Не узнаю себя после них в зеркале, такой у меня усталый, измученный вид.

Сегодня к нам пришел почти весь Дом творчества композиторов. Зинаида Ермолаевна Евтушенко (ее сын¹⁴ вчера уехал в Америку) показала мне в зале Эдуарда Калмановского¹⁵.

После фильма я не стал с ним знакомиться. Зачем? С песней у меня пока неудача. В наши годы единственное оправдание дальнейшему существованию — это творческая работа. Когда и здесь неудачи, реальная жизнь теряет какой-либо смысл. Никому, по-существу, ты не нужен.

23.05.1961 г.

Пушкин говорил, что счастье — это лучший университет. Думаю, оно заставляет изо всех сил бороться человека за то, чтобы в нем остаться. Я сказал бы, что счастье — это “университет изобретательности”. Именно в этом смысле оно апеллирует к гениальности в нас для сохранения себя. А гениальность и сложна и проста одновременно.

07.07.1961 г.

Когда я начинал писать свои стихи о птицах, все смотрели на меня, как на чудака, но во мне самом была радостная уверенность в том, что я делаю нужное дело, и придет время, когда это каждому станет ясно. Верил в более или менее длительную передышку в общей политической напряженности, и это мне помогло.

Сейчас словно бы потерял эту уверенность, а с ней и главный стимул к работе. Это, конечно, не значит, что я не буду писать о птицах. То ли сыграл свою роль выход в свет первой книжки “Птичьих разговоров”, или меня как-то расхолаживает сознание, что из-за катастрофической

¹⁴ Евтушенко Евгений Александрович (1933), поэт.

¹⁵ Калмановский Эдуард Савельевич (1923–1994), советский композитор, ученик Шебалина. Автор популярных песен.

недохватки бумаги “Детский мир”, как, впрочем, и большинство издательств, не слишком-то стремятся затевать что-либо новое.

Но прежнего вдохновения уже не ощущаю. Все это мучает меня, так как напоминает периоды творческого бесплодия.

Однако всем существом своим я протестую, потому что хорошо знаю, что удача приходит только в упорной работе.

30.10.1961 г.

Вчера на площади Свердлова был открыт памятник Карлу Марксу. А сегодня в два часа по радио передано решение о выдворении праха Сталина из мавзолея Ленина.

Могу сказать одно: счастлив тот, кто не был членом партии, когда от ее имени проводились преступные репрессии. Стыдиться за партию надо, а не усмехаться, когда приходится выволакивать из Пантеона того, кому еще вчера несли дары преклонения.

А еще и судить тех, кто при жизни Сталина подбрасывал в костер его честолюбия головешки, питая манию преследования, порожденную манией величия.

11.11.1961 г.

Это бывает! Не раз было со мной и раньше. Сидишь перед листом бумаги. И ничего не пишется. Гоголь говорил: “Не пишется? Садись и пиши, пиши, высекай мысль!” А может быть, он говорил, – “высеки мысль”, т.е. “выпори?!”

27.12.1961 г.

Вчера был у Ростислава. Николай Николаевич Волков рассказывал интересные вещи.

Художник Налбандян, во время “культы личности” писавший преимущественно Сталина, подготовил к теперешней Всесоюзной художественной выставке три полотна: первое изображало заседание политбюро, затем портрет Хрущева и пейзаж.

Иогансон, Сергей Герасимов и прочие приехали к нему на дом посмотреть картины. Налбандян поставил на круглый стол бутылку армянского коньяка, но члены художественного совета не садились за стол. Они попросили хозяина выйти в соседнюю комнату, как и полагается по условиям художественного совета, — решать такие дела без автора.

За первую картину никто голоса не подал из-за ее низкого качества. Кроме этого — напоминает культ личности. Решили принять пейзаж.

Недовольный Налбандян спросил: “А куда же я все это дену? И кто мне оплатит расход и кому жаловаться?” Ему ответили, что он, вероятно, сам найдет кому и куда жаловаться.

Налбандян угощать коньяком худсовет не стал.

Перед открытием выставки Герасимов (ответственный по экспозиции картин) вдруг видит, что с черного хода рабочие втаскивают непринятые худсоветом картины Налбандяна. Он идет навстречу и спрашивает Налбандяна, как это понимать? Присутствующий при этом министр культуры РСФСР Попов заметил, что картина на **такую** тему выставке не повредит. Она не принята худсоветом лишь из-за низкого качества. Но подошедшая к спорящим Фурцева встала на сторону Сергея Герасимова и вопрос был этим решен не в пользу Налбандяна.

10.02.1962 г.

Слушая по радио выступление на юбилейном Пушкинском вечере в Большом театре Твардовского, я с раздражением думал о том, в какой фальшивый период истории мы вступили.

...Стилизация языка... Почему Леонов и Твардовский считают нужным изъясняться на таком витиеватом, начиненном завитушками безвкусного украшения, языке? “С Пушкиным вперед к коммунизму!” Неужели поэт Твардовский не понимает, что говоря о родном и всем нам близком Пушкине, вовсе не обязательно пристегивать

его к затрепанным нашими газетами и радио лозунгам?

“...Чем предмет обыкновеннее, — говорил Гоголь, — тем выше нужно быть поэту”. Говоря о Пушкине, надо пользоваться простыми словами, а не современной разменной языковой монетой.

“Краткость — сестра таланта”, — это изречение можно было бы напомнить самому Твардовскому, пожелавшему в своей торжественной речи совместить несовместимое.

Высказав много дельных мыслей, Твардовский утопил их в океане многословия. Ну что за фальшивый и в то же время сухой газетный язык: “Ныне обретенный нами Пушкин — живая и действенная сила, могучий фактор развития нашего советского искусства и литературы. Ныне мы все более постигаем поэзию Пушкина, как бессмертное общенародное духовное начало” и т.д. и т.п.

Мне думается “все более постигать” то, что давным-давно стало очевидным, да и должно было быть очевидным... не значит ли это попросту расписываться на сорок пятом году революции в нашей малограмотности.

Чудно, когда почему-то у одного из ведущих поэтов советского государства появляется необходимость говорить тривиальности и делает это он тоном ученого первооткрывателя.

26.02.1962 г.

(Выписка из дневника 1928—1929 гг.)

В Коктебеле мы с Сельвинским уже несколько дней. Вчера часов пять разговаривали на литературные, философские и просто житейские темы. Каждый день по утрам Илья Львович читает эстетику Гегеля.

Однажды по дороге мимо цементного завода мы с ним ходили к Сердоликовой бухте. Оставил Сельвинского позировать на скале, а сам спустился к морю.

Пробираясь к бухте, протискивался между осколками горы, упавшими на пляж. Вместе со щебнем, соскользнув с кручи и пробежав по разнокалиберной гальке, то щебе-

тавшей под моими ногами и звеневшей, то гулко грохотавшей (своеобразная клавиатура на берегу моря), в одном месте вынужден был встать на четвереньки и проползти по дну моря между двух, преградивших мне путь, утесов. В проливчик захлестывали волны прибоем, и когда я, наконец, мог встать с колен, то брюки, а также рукава моего знаменитого “чертополохового” пиджака, были налиты морской водой и стали тяжелыми, пришлось срочно выжимать.

Вернулся к Сельвинскому с карманами полными скрежещущих форнампиксов¹⁶.

— Разве вы не слышали, как я кричал вам? Уже думал, стряслось что-нибудь, — говорил взволнованный Илья Львович.

Домой мы возвращались с поднятыми воротниками пиджаков. Хлестал дождь, чертили по небу молнии и гулко, как богатырь, шагающий по толстому слою булыжников, грохотал гром.

В столовой говорили о Ялте. Сельвинский вспомнил, как состязались два соловья близ паркового фонтана. Об этом он рассказывал так.

Первым на куст выскочил маленький щуплый соловейчик. В своем пении он звезд с неба не хватал. Каждую фразу, каждое коленце заканчивал восторженным: “Очень! Оч-чень!”

Другой соловей, посolidнее, сидел на кустике неподалеку, спокойно слушал. Но и ему надоело самонадеянное пение маленького соловейчика. Резким свистом ночного сторожа solidный соловей прервал соловейчика на полужае, и пошел сам выкидывать коленца одно другого удивительнее, звучнее и чище. Слово огненным бичем вокруг себя шелкал. Строфа строфы четче, лаконичнее. Соловей выдержал паузу: “Ну как? Ка-ко-во?”, — спросил он, но соловейчика нигде не было, стушевался серенький. — А слышали Вы когда-нибудь еврейского соловья? —

¹⁶ Придуманное кокетельцами слово для обозначения красивых, но не драгоценных камушков (прим. ред.).

неожиданно спросил меня Сельвинский. Я признался, что не приходилось.

— Ну так слушайте, — торжественно объявил Илья Львович, — вот как он поет:

Ах, ах, ах! // Чох — чох — чох // Та — та — та // Ц — ц — ц // И — ш — ш — ш!

Еврейский соловей Ильи Львовича мне понравился не меньше, чем нравился сам Сельвинский. Я определенно ему симпатизировал от всей души.

03.03.1962 г.

День прибавился почти на четыре часа. Это прежде всего мы ощущаем по самим себе. И, возможно, именно потому с такой радостью подмечаем вокруг симптомы того, что снова находимся на пороге ежегодного чуда возрождения жизни.

Рассказать о них по-новому, вложив неповторимую частицу своего особого, только тебе присущего восприятия, — вот, что должно доставлять человеку высшую радость.

Перечитывая дневники, нашел такое описание первой песни жаворонка, звучащей над окраиной города: “Заря еще не занималась. На горизонте горела и перемигивалась цепочка фонарей, а жаворонок уже поднялся в предутреннее небо и журчал и журчал там, как родничок подтаявшей тьмы, или ручеек едва зарождающегося света”.

Наверное, я счастливо волновался, когда делал эту запись в дневнике. А стал писать стихи о жаворонке и сравнил его песню с витой нитью некоей звуковой пряжи, как бы спадающей к земле с неба.

Видимо, у стиха и прозы различные законы, и я вынужден был заставить своего жаворонка подниматься и спускаться по ступенькам словесных повторов, аллитераций и музыкально звучащих рифм.

09.05.1962 г.

Опять, уже после твоей смерти, ты приходишь ко мне,

Михаил Пришвин, приходишь как друг и советчик. Я возьму “Незабудки” с собою в Киржач. Это как раз та книга, которая будет настраивать меня на нужную волну, помогая непосредственно соприкоснуться с поэзией.

16.06.1962 г.

Сегодня, встав в пять часов утра, написал, наконец, “Авдотку”, которую вынашивал, ища размера, соответствующего таинственности образа дикой нелюдимой птицы древних степей и пустынь.

Авдотка загипнотизировала меня своим криком, слышал его еще в ногайских степях в тридцатые годы, и круглым лунно-желтым глазом, который увидел на чудесной, редчайшей цветной фотографии.

Для меня появление на свет этого стихотворения, — явление, безусловно, интересное и серьезное. И я выразил в нем себя, не в меньшей степени чем, скажем, в своем “Коростеле” или “Журавлях”.

19.06.1962 г.

Вчера из “Москниги” получил сборник Беллы Ахмадулиной “Струна”, выпущенный “Советским писателем”.

С большим интересом прочел его. Он не обманул моих ожиданий, первое впечатление оказалось верным — Ахмадулина всегда будет существовать для меня не только как красивая женщина, но и талантливый автор самобытных, умных, горячих, оригинальных стихов.

05.11.1962 г.

Бороться за любовь можно только любовью. Но удастся это только тому, кто любит и только тогда, когда любит.

05.01.1963 г.

Надо упорно воспитывать в себе умение думать о людях лучше и беречь их от ненужных подозрений. Быть самому, по возможности, правдивым, видеть и в других это

это нежелание унижаться и лгать. Если счастье — вещь зыбкая, надо хотя бы избегать несчастья.

16.03.1963 г.

Меня успокаивает мысль, что в тех случаях, когда любовь ощущается, как главный двигатель твоей жизни, надо только ей и доверяться, только из нее и исходить, и, как бы это ни выглядело странным со стороны, поступать согласно ее велению, то есть согласно велению основного поэтического содержания в себе.

14.04.1963 г.

Дорогая моя Рената¹⁷, будь всю жизнь такой, какая ты сейчас, и я до последнего своего вздоха буду молиться на тебя. Спасибо тебе за то, что эстетически ты так удовлетворяешь меня, спасибо за милый твой характер, спасибо за то, что могу так искренне, так ясно любить тебя и ощущать себя таким счастливым, когда я с тобой.

21.04.1963 г.

Если поэзия, — это поиск в стране незнаемого, то, невыразимее самых прекрасных стихотворений — мои чувства возле любимой. В них каждый раз есть что-то новое. Они всегда открытие, откровение, большею частью едва уловимое, но чудесное, как некое удивительное извлечение из прекрасной страны воображаемых реальностей.

09.05.1963 г.

Непрерывно ищу ритмов, записываю строчки. Иногда одолевает нетерпение. Но чувство это беспокойное и бестолковое и далеко не всегда способное дать, чему-то во мне, движение вперед.

Для того, чтобы легко работалось, необходимо, чтобы в

¹⁷ Рената — Барто Наталия Николаевна, вдова поэта, которую он называл “Ренатой” и прожил с ней с 1962 по 1986 гг.

душе воцарилась тишина. Тогда придет и плодотворный творческий покой, из которого произрастают, как бы даже сами собой былинки, со временем превращающиеся в могучие ветви, ствол, дерево.

21.05.1963 г.

На пруду, завернув изогнутую шею на спину и уложив ее меж крыльев, под моросящим дождем медленно и дремотно вращался вокруг своей оси коралловоклювый темно-черный австралийский лебедь.

25.05.1963 г.

У поэта в комнате по углам висит не паутина, а “поэтина”.

26.06.1963 г.

Большое чувство потому уже счастье само по себе, что оно, как движение большой реки, смывает и уносит всякий случайный сор. Движению реки это не препятствует.

28.07.1963 г.

За окном звонко и мелодично переговаривались флейтовыми посвистами иволги. Нигде никогда я не ощущал их рядом в таком количестве, и давно уже не ощущал себя таким богатым и счастливым.

15.04.1964 г.

Тот, кто по настоящему любит, всегда сумеет поставить себя на место любимого и все решится для общей пользы.

04.05.1964 г.

Шелестевшие за окном дожди, от которых в комнате становилось темнее, сменялись минутами прояснений. Тогда букет нарциссов в хрустальной вазе на столе, и венчающий его красный с прожилками тюльпан, словно бы проигрывали своими лепестками неслышную музыку солнечного луча.

Нет, это не мещанство радоваться покоем и тишине, бликам до блеска натертого пола, праздничному убранству комнат, свежему, по-весеннему душистому воздуху из открытого в сад окна, внезапному, торжествующему визгу проносящихся мимо стрижей.

Нет, это не мещанство любоваться любимым профилем милой, склонившейся над вязанием, слушать короткие реплики ее мягкого голоса, и спокойно, неторопливо отвечать на них. Как вином, до краев наполняется кувшин души в такие счастливые минуты.

Так в Храме, ощущая присутствие Божества, входящие ступают осторожно, как бы боясь спугнуть сосредоточенно созерцательное состояние души, смотрящей вокруг глазами ребенка.

Не знаю, может быть кого-нибудь и размагничивают подобные настроения, меня они явно заражают и намагничивают. Скажу больше, без них жизнь теряет для меня смысл.

Даже от пчелы извлечение нектара из цветов требует творческой сосредоточенности. А сколько в нашей жизни факторов, не только не способствующих такой сосредоточенности, но и явно ей препятствующих, враждебных.

05.05.1964 г.

Мне кажется, что в стихе я прежде всего опираюсь на его ритмическое и мелодическое начало. Связь этих начал с тем, что именно я хотел бы сказать или выразить стихом, представляет для меня и основную сложность и непереносимое условие его рождения.

05.06.1965 г.

Сейчас в комнате темно, за окном гроыхает гром, течет с крыши. О возможности писать стихи я думаю, как о ясном дне, который раньше или позже, но обязательно придет.

17.02.1967 г.

Февраль спешит к весне, даже числами при этом жертвует.

01.11.1968 г.

Когда я был в Коктебеле, в Доме творчества писателей, то сживал в бывшем кабинете Максимилиана Волошина. Вдова поэта, Мария Степановна, положила передо мной дневники мужа, и я делал из них выписки по интересующему меня вопросу: “М. Волошин — график и живописец”.

Видел голову царицы солнца “Таиах”, читал посвященную ей поэму... и конечно же не забыл удивительный кактус Марии Степановны.

30.10.1969 г.

Умер родоначальник нашей детской литературы, самый бытнейший писатель и критик, проживший удивительно богатую встречами жизнь, — Корней Иванович Чуковский.

С юности к Корней Ивановичу я испытывал смешанное чувство восхищения, симпатии и некоторого недоверия, возможно, вызываемого его голосом и манерами, чем-то напоминавшими мне Кота из меттерлинковской “Синей птицы”.

Его обхождение со мной при встречах всегда было деликатным и не лишенным доброжелательства. Помню, к восьмидесятилетию готовил ему стихотворение-послание, прочитал его Кукрыниксам. Причем, Коля Соколов¹⁸ сказал мне, что он выбрал для более близких отношений не Чуковского, а Маршака.

Мне же, при всем его внешнем мастерстве, Самуил Маршак

¹⁸ Соколов Николай Александрович (1904), одноклассник Павла Барто. Один из трех художников, выбравших составное имя Кукрыниксы: Куприянов, Крылов, Соколов.

всегда казался рассудочно-суховатым, а так как я с большой симпатией относился к Борису Житкову¹⁹ — человеку желчному, но прямому и справедливому, немало пострадавшему в свое время от властолюбивого и болезненно себялюбивого Маршака, то я позволил себе не согласиться с бывшим своим школьным товарищем в его выборе и продолжал больше симпатизировать “сладко-обходительному” Чуковскому, чем злопамятному Маршаку.

В конце концов, у каждого человека своя защитная маска в общении с себе подобными.

Во всяком случае, Чуковский принадлежал к тому ряду людей, о которых справедливо говорят, что вместе с ними уходит целая эпоха...

10.12.1972 г.

Сегодня день Прав Человека. День? Прав?

08.05.1975 г.

По телефону Чарушин²⁰ буквально сказал мне следующее: “Чем больше я читаю Ваши стихи, тем более поражаюсь, как это вам удалось точность образов в них соединить с такой поэтичностью”.

23.09.1975 г.

Люблю людей одержимых тем делом, которому посвятили свою жизнь, презираю дельцов, поставивших главной целью своей — ничего в жизни не упустить.

¹⁹ Житков Борис Степанович (1882–1938), русский писатель, автор морских повестей, научно-художественных книг, популярной детской энциклопедии “Что я видел”.

²⁰ Чарушин Никита Евгеньевич (1934), художник. Иллюстрировал книги Павла Барто: “Птичий хоровод”, 1976 г., “О чем поют птицы”, 1981 г., “Птичьи разговоры”, 1988 г., 4-я серия, “Пусть поют птицы”, 1985 г.

10.08.1977 г.

Продолжаю удивляться, что все же решил в трудную минуту снова прибегнуть в единственном подлинному утешителю — дневнику. Он навсегда со мной, при всех условиях.

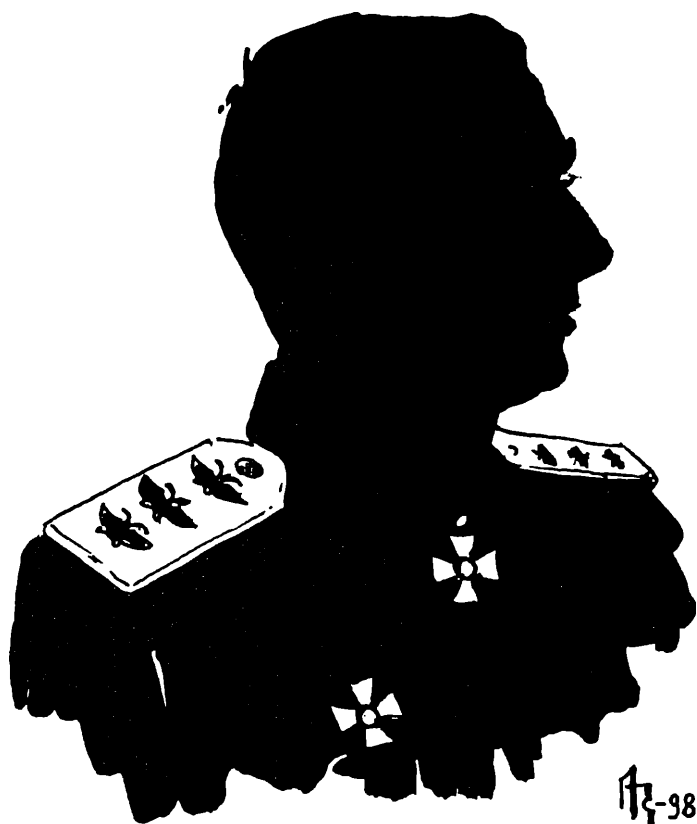
Говорят: “дневник — это путь к себе”. Действительно, когда ощущаешь опасность потерять себя, тянет поговорить со своим дневником.

28.07.1980 г.

Мне посчастливилось, еще при их жизни, слушать выступления Есенина, Бальмонта, Блока, Белого, Ахматовой, Пастернака, Маяковского.

Несомненно, поэзия — это самая животворящая, теплопроводная артерия литературы. А когда стихи пишутся кровью сердца поэта, его человеческая душа зазвучавшая арфой, чарует не только слух, но, и задевая тончайшие струны родственных душ, заставляет их звучать в унисон.

Публикация Н.Н. Барто

Лев Вяткин

Тайна гибели линкора “Императрица Мария”*

Линкор “Императрица Мария”, названный в честь покровительницы русского флота Императрицы Марии Федоровны, матери Императора Николая II, строился на верфях Николаева и был спущен на воду в 1914 году. Он имел водоизмещение в 23300 т, мощность механизмов 26500 л.с., скорость 22 узла и экипаж 1220 человек.

Представляя грозную силу, скоро стал любимым кораблем вице-адмирала Колчака, готовящегося запереть пролив Босфор, высадить морской десант в Константинополе, принудить Турцию подписать мир и выйти из войны. Если бы Колчак успел это сделать, Ленину не удалось бы совершить Октябрьский переворот, он неминуемо был бы пойман и осужден как шпион.

Разразившаяся в Петрограде революция заставила Россию потерпеть поражение в Первой мировой войне...

* Это исторический розыск о русском адмирале А.В. Колчаке, принявшем терновый венец последнего командующего Черноморским флотом. А также – о гибели в Севастопольской бухте линкора “Императрица Мария” 20 октября 1916 года.

“БОСФОРСКАЯ ОПЕРАЦИЯ”

По собственному признанию Александра Васильевича Колчака, на командные должности во флоте его выдвинула война. Это был необычайно способный, высокообразованный офицер, прекрасно владевший тремя европейскими языками, обладавший редкой памятью, знавший лоции всех морей, историю всех флотов и морских сражений.

Он был знаком с Фритьофом Нансеном, имел труды по гидрографии, еще молодым флотским офицером прославился смелой экспедицией на поиски барона Э.В. Толля в Арктике...

С началом Первой мировой Колчак обрел заслуженную славу непревзойденного мастера по постановке мин заграждения, на которых подорвались многие боевые корабли германского кайзера.

Позже Александр Васильевич Колчак так вспоминал о тех трагических годах:

В апреле шестнадцатого года совершенно неожиданно для себя я был произведен в вице-адмиралы и назначен командующим Черноморским флотом. Поехал в Петроград, а оттуда в Могилев, где находилась Ставка. Верховным главнокомандующим был Государь...

От него я узнал, что мое назначение на Черное море обуславливалось тем, что весной семнадцатого предполагалось выполнить, так называемую, “босфорскую операцию” – направить удар на Константинополь. Предполагалось, что флот должен выбросить десант непосредственно на Босфор и постараться захватить его...

После разговора с Государем, я в тот же вечер уехал на Черное море. Прибыв в Севастополь, принял Черноморский флот от вице-адмирала Эбер-

гарда, который меня подробно посвятил в действительное положение дел. Необходимо было обеспечить безопасность побережья от постоянных набегов быстроходных крейсеров "Гебена" и "Бреслау", поставивших в опасное положение весь транспорт на море. Было ясно, что транспорт и перевозки имели главное значение для кавказской армии. Подходы к ней оказались чрезвычайно затруднены – спасало только море. Все осложнялось появлением подводных лодок "Гебен" и "Бреслау", которые прошли в Босфор...¹.

Колчак понимал, что лодки протиснулись через Гибралтар неслучайно – из-за странного ротозейства английских адмиралов. Оказавшись в Дарданеллах, германские крейсера сразу сделали Турцию заносчивой и военный министр Энвер-паша заявил, что "в удобнейших бухтах Севастополя скоро будут стоять корабли султана Мехмеда V". Благодаря прорыву на Черное море "Гебена" и "Бреслау", флот стал "германо-турецким" и дал возможность Турции играть "большую политику" против России...

Следующей задачей была подготовка к, так называемой, "босфорской операции". Характерно следующее обстоятельство: тогда в Севастополе я поднял свой флаг, Эбергард спустил, и я вступил в командование на Черном море.

Уже через несколько минут после этого было принято радио, которое было расшифровано, что крейсер "Бреслау" вышел из Босфора в море. Я приказал немедленно выходить своему флагманскому линейному кораблю, поднимать пары на "Императрице Марии"... Взял еще крейсер "Кагул", пять или шесть миноносцев и с рассветом вышел в

¹ Из протоколов заседания Чрезвычайной Следственной Комиссии в Иркутске, 23.01.1920 г.

море. Это было с 6 на 7 июля 1916 года... В три часа дня заметили на горизонте дым и встретились с "Бреслау". По его положению и курсу я понял, что идет он на Новороссийск, главную базу, откуда шло питание для нашей армии.

Увидев меня, "Бреслау" тотчас же повернул обратно на Босфор. Гнались за ними до позднего вечера, пока тьма и гроза нас не разделили. Но все же мы имели возможность открыть огонь с предельной дистанции...².

Колчак действовал удивительно энергично. Он сам руководил постановкой мин и "запечатал" Босфор настолько прочно, что ни один неприятельский военный корабль более не терроризировал своими набегами побережье Кавказа.

Правда, туркам и немцам удавалось очищать от мин Загулдак на короткое время, но дежурившие поблизости российские миноносцы тут же топили транспорты с углем и вновь ставили новые мины.

В бою с "Бреслау", на котором держал флаг контр-адмирал Вильгельм Сушон, огонь из орудий главного калибра велся с дистанции 12 километров, но благодаря отличной выучки артиллеристов, стрельба не была безрезультатной. За один залп орудий главного калибра "Императрица Мария" выбрасывала около 3 тысяч кг стали.

С приходом Колчака Черноморский флот резко активизировал свои действия, значительно облегчив обстановку на Кавказе. По его плану на отечественных участках началась постановка минных заграждений и "Императрица Мария" обеспечила миноносцам надежное прикрытие своей мощной артиллерией.

31 июля было поставлено шестьдесят мин в устье Босфора подводным заградителем "Краб".

² Из протоколов заседания Чрезвычайной Следственной Комиссии в Иркутске, 23.01.1920 г.

В ночь на 2 августа было поставлено минное заграждение 240 минами в две линии эскадренными миноносцами "Пронзительный", "Дерзкий", "Гневный" и "Беспокойный".

В ночь на 4 и 9 августа теми же миноносцами к западу и востоку от Босфора под прикрытием "Императрицы Марии", на борту которой находился вице-адмирал Колчак, лично руководивший этой важной операцией, было поставлено еще 480 мин.

В ночь на 11 августа к ним было добавлено еще 156 мин.

В ночь на 21 августа у Босфора поставили с интервалом 50 метров в несколько линий 160 мин. При этом был захвачен большой неприятельский сухогруз "Туркестан" с шерстью и маслинами, и на буксире приведен в Севастополь. На этот "приз" сбежался посмотреть почти весь город.

В ночь на 28 августа на подходах к Констанце было выставлено 400 мин, а ночью 7 сентября на мелководье у Анатолийского побережья близ Кара-Бурну на расстоянии всего 3 кабельтовых от берега было поставлено 240 мин! Турки запаниковали!³

Уже через несколько дней на этих минных полях подорвались несколько боевых турецких кораблей, в том числе миноносец "Кютахия" и немецкая подводная лодка "UB-7". Затем, в октябре, подорвался еще один турецкий транспорт "Ирмингард"... Инициатива войны на Черном море, благодаря энергии Колчака, целиком перешла в руки русских моряков.

8–9 октября "Императрица Мария" обеспечила переход из Одессы девяти транспортов совместно с однотипным линкором "Императрица Екатерина Великая" и шестью миноносцами, и немцы и турки словно улетучились

³ "Боевая летопись русского флота. Хроника важнейших событий военной истории". М., "Вооруженные силы", 1948, с. 416–417.

из Черного моря. Колчак стал подробно, вплоть до мельчайших деталей, отрабатывать план высадки десанта с кораблей флота на турецкое побережье и захвата Константинополя.

В случае успеха операции был очевиден перелом в ходе всей войны и Румыния первая, как говорили матросы, “запросит пардону”.

В ходе блестящей военной операции, русские войска захватили город-крепость Эрзурум и Эрзинкан в Восточной Турции. Из-за неудач на море был смещен с поста морского министра Германии Тирпиц.

В июне генерал Брусилов начал успешное наступление в Галиции. Активные действия Колчака на Черном море и планируемая “босфорская операция” могли, несомненно, приблизить завершение войны, а главное – погасить пожар надвигающейся революции.

...Первого сентября вице-адмирал Колчак рано утром в каюте на линкоре “Императрица Мария” просматривал срочные телеграммы и депеши на свое имя. Среди них было сообщение, что на пост начальника немецкого генерального штаба назначен Гинденбург – “хитрая лиса”, как прозвали его еще в бытность учебы Колчака в Академии генерального штаба.

Главное военно-морское судное управление информировало, что на Балтийском и других флотах “создано преступное сообщество”, образовавшееся из нижних чинов судовых команд и имевшее в основании своей деятельности программу Петроградского Комитета Российской социал-демократической партии, изложенной, между прочим, в, так называемой, “инструкции партийным работникам” от 20 октября 1915 года, где требовалось неукоснительно проводить в жизнь установку на поражение России в империалистической войне, “делать все возможное для сокрушения твердыни русского царизма, построенного на костях народа, дабы привести к окончательной гибели и краху царское правительство”.

Кроме того, разведка уведомляла, что располагает достоверными данными о том, что Ленин и большевики субсидируются немецким генштабом большими суммами денег на революцию с целью взорвать страну изнутри и вывести Россию из войны...

Позже Колчак признавался, что будучи профессиональным военным, а не политиком, он не придавал этим документам особого значения: "Как военный, принявший присягу, – говорил он, – считал обязанностью выполнять только присягу, и этим исчерпывалось мое отношение к политике. И, насколько я припоминаю, и в среде офицеров вопросы политики не затрагивались..."⁴.

Тем не менее, он посчитал нужным специальным приказом по флоту объявить, что не потерпит падения дисциплины на кораблях. В условиях современной войны это может привести к жертвам и гибели боевых кораблей.

ВЗРЫВ НА ЛИНКОРЕ

20 октября 1916 года в 6 часов 15 минут на линейном корабле "Императрица Мария", стоявшем "на бочке" на севастопольском рейде, вскоре после побудки команды был обнаружен в носовом погребе полузарядов пожар.

Несмотря на принятые меры, в 6 часов 20 минут произошел взрыв необычайной силы, которым была смещена с места носовая башня и боевая рубка, вскрыта верхняя палуба от форштевня до второй башни. Вслед за первым взрывом в течение получаса последовало еще до двадцати пяти взрывов различной силы...

Свидетельствует генеральный старшина 2-й башни двенадцатидюймовых орудий линкора Г. Есютин⁵:

⁴ Из протоколов заседания Чрезвычайной Следственной Комиссии в Иркутске от 24.01.1920 г.

⁵ Академик А.Н. Крылов. "Некоторые случаи аварийной гибели судов". Военно-морское издательство, 1942, с. 23–29.

В ту ночь я спал в башне. В рабочем отделении вместе со мной были еще три товарища. Они только вчера приехали из отпуска. (Колчак охотно давал короткие отпуска отличившимся в боях матросам – Л.В.) Наверху, в боевом отделении, находились шесть комендоров башни. Под нами, в зарядном отделении, помещались штатные гальванеры и до тридцати пяти человек башенной прислуги.

Как гальванерный старшина, я обязан был будить подчиненных на молитву, во время которой проходила поверка по башням...

Взял я мыло, полотенце и пошел в носовую часть корабля умываться. Вдруг весь корабль задрожал, в следующий момент раздался оглушительный взрыв. Свет по всему кораблю погас. Дышать стало нечем. Я сообразил, что по кораблю распространяется газ. В нижней части, где помещалась прислуга, поднялся невообразимый крик: "Спасите!.. Дайте же свет!.. Погибаем!.."

В темноте я не мог понять, что произошло. В отчаянии бросился по отсекам наверх. На пороге боевого отделения башни увидел страшную картину. Краска на стенах башни пылала вовсю. Горели койки и матрацы, горели люди, не успевшие выбраться. С криком и воем они метались по боевому отделению, бросались из одной стороны в другую, охваченные огнем. Дверь, выходившая из башни на палубу, – сплошное пламя.

От газов и жары у меня сильно слезились глаза, так что все боевое отделение башни, охваченное огнем, я видел как бы сквозь слюду. На мне начал загораться тельник. Тельник горит, волосы на голове горят, брови и ресницы уже сгорели. Что делать?

И вдруг, один из команды, Моруненко, первым бросился в пылающую дверь – на палубу. И все матросы, и я с ними, по очереди начали бросаться в

эту ужасную дверь. Я не помню, как я пролетел сквозь яростно бушевавший огонь.

Когда вылетел на палубу, то увидел лежащих в беспорядке обгоревших матросов. У них не было ни рук, ни ног, но многие были еще живы. Палубу заволокло дымом. Душно, дышать нечем. Вдруг раздался еще взрыв. По кораблю понеслись новые языки огня. На третьей башне загорелись парусиновые чехлы орудий. Услышал пронзительный крик: "Спасайся! Горим!" А куда и как спастись, когда кругом море адского пламени и жара?

Из палубных люков, из трюмов рвется огонь и дым. Вода за бортом – черная и тоже горит. Это вылилась нефть. Слышны крики матросов: "Спасите! Спасите!"

Прыгать в воду не решился, плавал я тяжело. До берега не доберусь – все равно утону. Побежал на корму. Там на палубе тоже валялись раненые и обожженные матросы и офицеры.

На корме метались матросы в дыму. Тут же оказался и сам командир корабля в нижнем белье. Он громко кричал: "Спасайтесь, братцы! Спасайтесь!"

Спасение было только одно: прыгать в воду, но ведь и там вода горит! Кругом погибель!

На корме был натянут тент. От падающих осколков разорвавшихся от жара снарядов, разлетавшихся при каждом новом взрыве из погребов, из носовой части корабля, он начал возгораться. Несколько матросов бросились срывать брезент. Я присоединился к ним...

Мы начали срывать его и вдруг с размаху, вместе с тентом, полетели в воду...

Что делать? Решаю плыть к берегу. Надо как можно скорее удалиться от гибнущего корабля, пока он водоворотом не затянул меня за собой...

В этот момент я увидел, что мне навстречу идет небольшая двухвесельная шлюпка. Когда она подошла, стал хвататься за ее борта, но взобраться не смог. В шлюпке сидели три матроса, и с их помощью я кое-как выбрался из воды... В это время к нам подошел баркас с линейного корабля "Екатерина Великая". Баркас большой и мог бы принять на борт до ста человек. Нам удалось подойти к борту баркаса и пересесть на него. Начали спасать утопающих... Мы выловили шестьдесят человек, приняли с других лодок человек двадцать и пошли к "Екатерине Великой". Он стоял неподалеку от нашего пылающего корабля. Мы подошли к борту "Екатерины". Многие из обожженных и раненых матросов не могли идти. Их поддерживали менее изуродованные матросы. Нас приняли на корабль и направили прямо в лазарет для пересадки...

В 7 часов 05 минут с правого борта раздался последний большой взрыв, внутрь хлынула вода.

Линкор "Императрица Мария" начал быстро терять устойчивость, накренился и через несколько минут, на виду у всего Севастополя, перевернувшись вверх килем, затонул. Из экипажа корабля погибло 216 человек, ранено и обожжено 232...

РАССЛЕДОВАНИЕ

Александр Васильевич Колчак тяжело переживал гибель самого мощного линейного корабля Российского Императорского флота, взорвавшегося по неведомым причинам. Он осунулся и почернел.

Высочайшим Указом Государя была образована Следственная Комиссия, в которую вошел и известный ученый-кораблестроитель Алексей Николаевич Крылов.

9 октября комиссия прибыла в Севастополь. Ее на перроне вокзала встретил начальник Штаба флота. После трехчасовой беседы с Колчаком на "Георгии Победоносце" комиссия приступила к расследованию.

Помимо официального "Заключения Следственной Комиссии по гибели линкора "Императрица Мария", академик Крылов написал подробный научный труд, где исследовал следующие причины возникновения пожара на линкоре: самовозгорание пороха, небрежность в обращении с огнем или порохом и злой умысел (диверсия).

Самовозгорание пороха, по Крылову, было мало вероятным по следующим соображениям.

Первое. Порох был свежей выделки 1914 и 1915 годов – "ленточный" и "макаронный", хорошего качества. Исследовалась тщательно вся партия склада на Сухарной балке.

Второе. На линкоре были приняты все меры, исключающие возможность даже для случайного соприкосновения с открытым порохом.

И, наконец, третье. Температура в погребах, сообщающих с крюйт-камерами, даже во время морского боя не превышала 36 градусов и вредно повлиять на порох не могла.

Достоверно было установлено также, что небрежность в обращении с огнем и неосмотрительность в обращении с порохом была маловероятной, так как мичманы и офицеры неусыпно осуществляли контроль за командой в любой обстановке и отличались профессиональной осторожностью в обращении с зарядами.

В крюйт-камерах работала мощная вентиляция и в них не разу не было отмечено скопления гремучей смеси (паров эфира и спирта), способной воспламениться от пламени свечи или зажигалки. Ведь чтобы загорелся заряд, надо было, чтобы пламя коснулось порохов, проникло в футляры, то есть нужно сочетание целого ряда случайностей, каждая из которых сама по себе маловероятна.

Крюйт-камеры всегда были круглосуточно освещены и специально выделенные для этого лица, дневальные и

комендоры данной башни в сопровождении унтер-офицера, знающего правила и свои обязанности, не могли допустить даже малейшей небрежности, а тем более входа кого-либо из посторонних.

Академик Крылов долго беседовал в госпитале с единственным спасшимся комендором из первой башни, получившим тяжелые ожоги и подтвердившим вышесказанное.

Но академик довольно быстро установил, что на линкоре были существенные отступления от требований устава по части доступа в крьюйт-камеру некоторых лиц. В условиях войны – это серьезный факт. Он установил, что на линкоре имелось два комплекта ключей от крьюйт-камеры, причем один комплект хранился, как полагается по уставу, а второй, так сказать, “расходный” – у старшего офицера. Утром его мог взять для надобностей дежурный по погребам артиллерийский унтер-офицер, “старшой башни” и даже дневальный по погребам, у которых он мог находиться до семи часов вечера или до окончания работ.

Если первый комплект ключей хранился под неусыпной охраной и его наличие проверялось при каждой смене наряда, то о “расходном” дубликате не было даже приказа по кораблю. Первый же вопрос Крылова об этом “обычном” ключе заставил командира корабля и его помощника сильно побледнеть. Они сразу поняли свою оплошность.

Еще более страшная оплошность была в другом. В хитром устройстве самих крьюйт-камер был изъян, дававший возможность проникновения в них без всяких ключей во всякое время! Конечно, об этом знали далеко не все, но старослужащие матросы и унтер-офицеры знали, что через люк бомбовых погребов, которые были только в самой башне главного калибра, по узкому темному проходу можно было добраться до “святая святых”: крьюйт-камер линкора...

На однотипном линкоре – “Императрица Екатерина Великая”, а так же на другом линкоре “Евстафий”, эти же

люки были надежно заперты!

Теперь Крылову осталось выяснить, кто из посторонних, и когда посещал линкор, и с какой целью?

СТОЯНКА НА ЯКОРЕ

На линкоре "Императрица Мария" при стоянке в Севастопольской бухте близ Госпитальной стенки, производился ряд работ ввиду того, что его служба на Черном море была беспокойной, рискованной и весьма результативной, особенно с приходом вице-адмирала Колчака, что сразу было замечено в штабе у Гинденбурга и Людендорфа.

Академик Крылов достаточно точно установил, что из Севастопольского морзавода и других заводов, на линкоре работали инженеры и "мастеровые", числом более ста пятидесяти человек, разделенных на небольшие партии. Некоторые рабочие были членами РСДРП.

Некоторые работы проводились по артиллерийской части именно в бомбовом погребе, и именно в первой башне. С рабочими беседовали особенно долго и Крылов дотошно их допрашивал. Это были четверо рабочих с Путиловского завода, устанавливавших там лебедки.

Рабочие являлись на корабль около семи часов утра и кончали работу в четыре. Но работа была срочной и иногда они задерживались до девяти вечера, оставались даже на ночные работы...

Далее удалось выяснить, что проверка мастеровых, приезжавших на корабль и съезжавших с него, была организована так, что она не давала полной уверенности, не прибыл ли кто на корабль под видом мастерового, или не остался ли кто во внутренних помещениях. Поименной проверки почти не проводилось. Переключки не делались, а проверялось общее количество людей каждой партии, хотя поименные списки при входе в корабль, конечно, были...

Удалось выяснить и то, что в ночь с 6 на 7 октября после десяти часов вечера и ухода четырех рабочих с Путиловского завода, видели двух молчаливых мастеровых, державшихся особняком.

Что это были за люди и на каких работах были заняты – осталось невыясненным, так как старшие рабочие команд уверяли, что в 9 часов 45 минут все их мастеровые сошли на берег...

После этого академик Крылов приступил к проверке версии злого умысла или диверсии. Дело в том, что немцы довольно часто прибегали к диверсии, особенно после назначения главкомом Гинденбурга. Так, в июле 1916 года в Нью-Йорке взорваны грузовики с боеприпасами, следствием чего были большие человеческие жертвы. На следующий год взорван английский линкор "Вэнгард" в Скала-Флоу. На оружейном заводе в Ланкашире нашли смерть сорок англичан-рабочих из-за мощного взрыва склада с боеприпасами, готовыми к отправке. В октябре 1917 года казнена за шпионаж танцовщица Мата Хари...

Прецедентов подобного рода история имеет предостаточно.

Многим известно, что никаких хитроумных приспособлений не требуется, чтобы организовать "самовозгорание" зарядов в крюйт-камере линкора, например, через час или два после умышленного поджога. Для этого достаточно простого фитиля. Единственная сложность – способ проникновения во внутрь боевого корабля...

В башне, как оказалось, и в зарядном отделении обитало около девяноста человек. Вход и выход в форменной флотской одежде не привлекал внимания. Важно только не заблудиться. И совершенно не обязательно было взойти на корабль с мастеровыми. А в тот день у борта линкора пришвартовалась баржа, ожидавшая, что из камбуза дадут пищевые отходы для местного домашнего скота...

Перечисленных фактов вполне достаточно, считал академик Крылов, чтобы совершить акт диверсии, чем враг и неприминул воспользоваться. И линкор "Императрица

Мария" стал жертвой этого акта со стороны германских шпионов. Сейчас историки вслед за Крыловым признают это как *вполне обоснованный факт*.

...Подтверждением этому служит еще один поразительный случай.

Перед самой Второй мировой войной Военно-морской музей в Ленинграде посетила группа высокопоставленных военных Германского Рейха, среди которых было несколько представителей "кригсмарине". Один из них, улыбаясь, поблагодарил экскурсовода за интересный рассказ из истории флота и в качестве сувенира подарил музею конверт с фотографиями, довольно редкими, периода Первой мировой войны. Среди них оказались редчайшие снимки момента взрыва "Императрицы Марии" и последующих стадий актов трагедии.

Подобную "кинопрограмму" могли сделать лишь люди, знавшие день и час взрыва линкора, иначе говоря, участники диверсионного акта. Было 6 часов 20 минут утра, город спал, солнце еще не взошло, а "фотограф", сверяясь с часами, уже следил за событиями на водной глади Севастопольской бухты.

Конечно, сувенир был со значением и красноречиво продемонстрировал сугубо "германское" происхождение столь редких снимков⁶.

Бесславленную гибель линкора "Императрица Мария" адмирал Колчак не простил себе до конца своих дней. Но свой вице-адмиральский флаг он поднял на быстроходном эсминце "Пронзительный" и продолжал успешно командовать на Черноморском театре военных действий.

Однако долгожданную "босфорскую операцию", которую пришлось отложить из-за гибели линкора, он так и не осуществил – грянула февральская революция, самым пагубным образом отразившаяся (вследствие знаменитого

⁶ Эти фотографии хранятся в музее и поныне. – Л.В.

Приказа Петроградского Совета № 1) на дисциплине личного состава.

В этом приказе перечислялись только права солдат и матросов, и ни слова не говорилось об обязанностях. Но предписывалось обращаться к солдатам только на “вы”, отдавание чести отменялось, в армии и флоте командовать разрешалось не офицерам, обстрелянным и имеющим боевой опыт, а только офицерам “выборным”.

Историей записаны слова, одного из русских офицеров, услышавшего приказ № 1: “Господи! Если Тебе угодно было осудить Россию на гибель, зачем Ты избрал для нее такой позорный путь?”⁷

Действительно, дела на фронте и на флоте сразу резко ухудшились, армия стала быстро разлагаться. Дезертирство с фронта приняло массовый характер. Подчиняться “выборному”, вчерашнему солдату, подчас малограмотному?!

В литературе советского периода гибель линкора “Императрица Мария” объясняли “бездарностью царских адмиралов”.

Так ли это, что тайна гибели линкора навсегда ушла под воду вместе с ним?

“Бездарным адмиралом” Александр Васильевич Колчак никогда не был и славное имя его не удалось предать забвению.

А 20 октября 1955 года в Севастопольской бухте итальянскими подводными диверсантами школы “Боргезе” был подорван линкор “Новороссийск”. Трагедия повторилась ровно через тридцать девять лет на том же самом месте.

История умеет быть поучительной...

⁷ “Первая мировая война в жизнеописаниях русских военачальников”, М., 1994, с. 290.

НАСЛЕДИЕ

Нина Линдес

“В нашем доме на Английской набережной...”

Моя мать, Нина Эдмундовна Линдес, родилась в 1895 году в Петербурге, в доме ее отца, Эдмунда Константиновича Пилацкого (Английская набережная, 66). В 1918 году, в Петрограде, она вышла замуж за моего отца, Гаральда Федоровича Линдес, которого в 1937 году арестовали и вскоре расстреляли, а маму, меня и моего младшего брата Андрея сослали в Оренбургскую область.

В 1960 году отца посмертно реабилитировали, и моей матери с ее младшим сыном, наконец, после двадцати трех лет мытарств по ссылкам, разрешили вернуться в родной город. Тем временем я уже давно жил в Америке.

Свои воспоминания она начала писать в Ленинграде в 1969 году...

Гаральд Линдес

В нашем доме на Английской набережной, в бельэтаже, была большая комната и в ней зеркальной окно, выходящее на лестницу. В окно видно, кто по лестнице поднимается.

Нам, детям, строго-настрого было запрещено в это окно смотреть. Я была послушной, но однажды, когда мы ждали визита князя Юсупова – Феликса Феликсовича-старшего, все же не удержалась и увидела, как он остановился у

трюмо внизу, правой рукой разглаживал свои усы, одернул мундир и, вообще, прихорашивался. Его единственный визит к нам продолжался минут двадцать или полчаса...

Мой отец был одним из основателей общества охотников. Называлось оно: "Георгиевское Общество Правильной Охоты" и существовало на взносы членов общества, весьма состоятельных людей. Взяты в аренду угодья по Николаевской железной дороге, вблизи построена железнодорожная платформа, благодаря тому, что один из членов и учредителей был тогдашний министр путей сообщения князь Михаил Иванович Хилков. Кроме того, были еще охотничьи места по линии железной дороги на Мгу, они назывались "Синявино" (в Отечественную войну сорок первого года там шли тяжелые бои). Места славились зайцами, которых отец привозил десятками, и никто не знал, куда их девать, и в виде подарков рассылали всем знакомым.

В Синявино я не приезжала никогда. А вот на станции Георгиевская, которая, кстати, и по сей день существует, бывала. Нас возили туда осенью в густой лес за грибами. Там выстроили двухэтажный кирпичный дом. В нем – большая столовая (комната, а не то, что сейчас называется столовой – тип ресторана, что ли) с открытой верандой. Помню, были спальни для охотников. Они обычно приезжали по субботам. Спальни на одного человека – кровать, тумбочка, умывальник и т.д. В кухне распоряжалась повариха высокого класса, так как "охотники" были весьма избалованные. Соорудили большой погреб с винами, закусками, ветчиной, колбасами разными, сырами, консервами, фруктами и т.д.

Еще комната с биллиардом и ломберным столиком. Словом все, что надо для таких "monsieurs".

Другие домики для егерей, где те постоянно жили. В их обязанность входило отслеживать дичь и устраивать облавы. Нанимали крестьян, чтобы загонять медведей, волков, лосей, а так же расставлять "номера", то есть выбирать места, куда становится охотник. Каждое место имело

номер на палке, врытой в землю. Затем егеря следили за исправностью ружей, которые хранились в доме в больших застекленных шкафах.

Дом украшался охотничьими трофеями – чучелами волков, медведей, головами лосей на стенах, тетеревов, рябчиков. У нас дома тоже находился отцовский трофей: чучело волка, которое я очень любила, – величиной с большую собаку, ковры – черные и бурые медведи, – я их обожала – на них можно было валяться, а на головы садилась и скатывалась, как с горки. Пасти у всех разинуты и полны страшных клыков, но можно туда совать пальчики, и никто тебя не кусал. Пять отличных лосиных голов с великолепными роговинами, лежащая калачиком рысь, тоже с разинутой пастью и такими злыми глазами, что боялась ее и только гладила кисточки на ушах. И, конечно, разные лесные птички.

Но в этот охотничий дом, мне кажется, “господа охотники” ездили не только пострелять, но и хорошо “повинтить”, выпить и побыть в мужском обществе – дамы, по уставу, не допускались. Но, пожалуй, и этот пункт устава нарушался – но не с женами, прибывали с дамами сердца.

Жили на Георгиевской охотничьи собаки – чудесные! Больше все пойнтеры и сеттеры, и егеря тоже за ними смотрели, чтобы те находились в форме. Помню егеря Федора, мы его обожали. Так он иногда приезжал зачем-то с собаками. Дети прорывались на кухню, и он нам рассказывал интересные истории. От него как-то особенно пахло – кожей, собаками и чем-то еще вкусным. Так казалось, по крайней мере.

Вступали в члены Общества по рекомендации, и каждая кандидатура обсуждалась. Конечно, состав не такой аристократический, как в “Императорском яхт-клубе” или “Новом клубе” на Дворцовой набережной. Но были титулованные лица, как упомянутый князь Хилков, член Государственного Совета Валуев; из купцов, по-моему, только Григорий Григорьевич Елисеев.

Членом Общества состоял и Феликс Феликсович Юсупов, граф Сумароков-Эльстон. Возможно, именно там отец с ним и познакомился. Граф поручал ему свои банковские дела. И хотя Юсупов был невероятно богат, но любил играть на бирже и делал это через отца.

Мир аристократов – мир совершенно особый, попасть в который было почти невозможно, не имея достойной родословной. Случались браки, то есть аристократ “женился на деньгах”, но все же это не всегда давало его жене доступ в высшие круги.

Так, например, уже после революции в “домкомбеде”, то есть живя в одном доме, мы познакомились с бароном Корфом, бывшим губернатором Варшавы. Так жена его говорила: “Брат Семена Николаевича, моего мужа, сделал страшный мезальянс – женился на дочери какого-то коммерсанта, мы были просто убиты!”. А эта “дочь коммерсанта”, образованная дама со знанием трех языков, спасла от продажи их родовое имение в Эстонии.

Говорили, что Феликс Феликсович-старший был полунгличанин, то есть отец его – Эльстон, а мать – графиня Сумарокова. Жил он с матерью в Петербурге, отец исчез, куда девался – не знаю. Окончил он Пажеский корпус и вышел в самый изысканный и дорогой кавалерийский гвардейский Кавалергардский полк. Умирает его дядя по матери, не имеющий потомства, и племяннику завещает права на имя (это делалось довольно сложно – полагалось подавать на Высочайшее Имя). Так он стал графом Феликсом Феликсовичем Сумароковым-Эльстон.

В семье Юсуповых, потомков того Юсупова, которому Пушкин посвятил стихи “К вельможе”, тоже угасла их ветвь, лишь жива была дочь Зинаида Николаевна. И когда Сумароков-Эльстон женился на Зинаиде Юсуповой, снова подавали на Высочайшее Имя, тогда и присвоили ему титул “князь Юсупов”. Стал Феликс Феликсович князь Юсупов, граф Сумароков-Эльстон. Но был оговорен и майорат. Титул князя Юсупова унаследовать мог лишь

старший сын, остальные дети остались Сумароковы-Эльстоны, и главное имение переходило к старшему сыну.

Сам Феликс Феликсович-старший был высокого роста, красив собой. У этой четы два сына: Николай и Феликс. Оба получили необычное тогда для аристократии образование: не воинское, а штатское, на английский манер. Французы стали выходить из моды и заменялись обычаями английского “high-life”. Портреты обоих молодых Юсуповых находятся в Русском музее.

Но со старшим сыном произошла драма. Он влюбился в девушку, и не то что простую, а в графиню Гейден. Однако родители метили много выше, как и получилось со вторым сыном, который женился на родной племяннице царя, Ирине Александровне, дочери сестры царя – Ксении, а отец был ее троюродный брат, тоже родня, великий князь Александр Михайлович.

Будучи против брака сына Николая, они прибегли к давно испытанному средству – влюбленных разлучили. Николая отправили с гувернером-англичанином в кругосветное путешествие, которое длилось год. А его возлюбленную выдали замуж за офицера гвардейского Конного полка барона Будберга. В этом же полку служил великий князь Дмитрий Павлович, будущий убийца Распутина. Наш французский пансион находился на улице Ново-Исакиевской, параллельной с бульваром, рядом с почтамтом, и окна как раз против полковых ворот, из которых на конях выезжали офицеры, ну, конечно, мы все были влюблены в Дмитрия Павловича...

Несмотря на долгую разлуку, любовь не прошла, и началась незаконная связь. И так им не повезло, потому что когда барон был на учении солдат, а Николай Юсупов пришел на очередное свидание, муж по какой-то причине неожиданно вернулся домой и застал жену, как говорилось, *flagrant delie*, то есть на месте преступления. И несмотря на то, что наступило уже двадцатое столетие, состоялась дуэль. Юсупов был убит наповал.

Барона сослали на Кавказ, что стало с Гейден – я не знаю, видимо, ничего, так как я ее видела еще в четырнадцатом году на курсах сестер милосердия в Евгеньевской общине, которые я так и не окончила. Все противно казалось, видимо, не хватало патриотизма.

Но горе бедной Зинаиды Николаевны, конечно, не поддается никакому описанию. Молодой – красавец, богач – и так нелепо кончить. В результате все перешло к младшему брату Феликсу, тоже одному из убийц Распутина.

Хочу описать, как Юсуповы размещались в своем Дворце на Мойке. Однажды отец предложил: не хотите ли поехать посмотреть дом Юсуповых? Поехали. Кроме меня, моя сестра Матя с мужем – офицером Егерского полка Эммануилом Николаевичем Оприц.

Постараюсь описать расположение их комнат.

Внизу, как только войдешь в парадную с Мойки, направо комнаты князя Феликса Феликсовича-старшего. Их три. Первая – вроде приемной. Прямо против входа висел портрет Зинаиды Николаевны Юсуповой, сидящей со шпирцем, работы Серова – сейчас он в Русском музее. Комната полна каких-то столиков, этажерок с уймой безделушек из дрезденского фарфора. Вторая – кабинет, там стоял письменный стол, на стенах висели шашки, сабли, ружья и прочее. Третья – его спальня, куда мы не входили.

На втором этаже темная комната, там ждали приема дамы. Напротив прелестная комната, где княгиня проводила почти все свое время. Мебель современная, по-моему, работы Мельцер, уютная, масса уголков и всюду на столах, в жардиньерках – белая сирень. Всё благоухало.

На стенах одиннадцать Грёзов – в Лувре их в то время было тринадцать, других картин не было. Очаровательная комната. Не такая чопорная, как во дворцах, в ней просто хотелось жить.

Затем – туалетная. Стоял большой умывальник с мраморной доской, как тогда было принято, а сервиз, то есть

умывальные чаши, две большие и маленькая, два кувшина и прочие мелочи – серебряные, замечательной чеканки.

Здесь же и туалетный столик с трехстворчатым зеркалом. Щётки, гребёнки, пудреницы, флаконы – золотое, тоже замечательной работы. Налево дверь вела в спальню, куда мы не заходили.

Гардеробная. По стенам в два этажа шкафы с передвижными дверями для одежды. Ничего больше в комнате не было, только... в простенке между окон висела картина Рембрандта, которую Феликс Феликсович-младший сумел позднее, с помощью слуг, увезти за границу, где и продал за несколько миллионов. Также, кажется, вывезли и все “Головки” Грёза.

Дальше – анфилада гостиных типа дворцовых, большой танцевальный зал и снова несколько гостиных по фасаду.

Другая сторона лестницы отделяла тоже стеклянной стеной не очень большую комнату, окнами во двор – малую столовую. В ней запомнила только четыре совершенно замечательных канделябра, как теперь говорят “торшера” в человеческий рост, может, чуть-чуть повыше, из мейсенского фарфора, что-то совершенно сказочное!

Затем большая столовая, но темная, так я ничего не помню о ней. Слегка изогнутая длинная картинная галерея, которая кончалась театром.

Театр как бонбоньерка. Человек на сто-двести. Построен давно, еще при крепостных актерах, но совершенно перестроен, именно сцена, а не зал, по новейшему образцу, так как старший сын, что был убит на дуэли, увлекался сценой. Зал же был в миниатюре Мариинский или Михайловский, такие же бархатные кресла но, кажется, без лож.

Убийство Распутина произошло внизу от входа налево, против комнат старого князя, здесь никто не жил, они были как бы запасными.

А потом мы поднялись выше, где жили тогда только что повенчанные молодой Феликс и Ирина Александровна. Но там было все как в обыкновенной буржуазной кварти-

ре. Потолки нормальные, конечно, не такие в два метра сорок сантиметров, как у нас теперь, но и не такие высокие, как в бельэтаже, и это придавало уют.

Видели гостиную и столовую. Совершенно как у всех. В гостиной стоял шкаф с книгами, я подошла посмотреть, что они читают – те же романы, английские и французские, которыми и мы зачитывались.

С объявлением войны четырнадцатого года, отец сразу передал личные дела клеркам, а сам со своей неисчерпаемой энергией стал помогать налаживать тыл, а именно устройство лазаретов и эвакуацию раненых с фронта.

Главным тогда по этому делу считался принц Петр Ольденбургский, женатый на Ольге Александровне, сестре Государя. И вот отец стал “правой рукой” принца, получил генеральский чин и ходил в военной форме. Все смеялись и называли его “генерал-от-биржи”, по образцу тогдашних “генералов-от-кавалерии”, “артиллерии” и пр.

Когда в 1915 году князя Юсупова-старшего назначили главноначальствующим города Москвы, тот взял отца, вроде, как в адъютанты. Что это была за должность – “главноначальствующий”, – никто не знал.

Жил Юсупов в своем Московском дворце у Красных ворот, тогда говорили, что это Сокольничий (охотничий) дворец Иоанна Грозного, теперь иначе называют. Чрезвычайно интересное здание.

Дело в том, что Первая мировая война в самом начале как-то мало чувствовалась. Люди жили как раньше, ездили на дачи, только нельзя было выезжать за границу. Тогда стали ездить в Крым. Вот я покатила в Крым.

На обратном пути захотела остановиться в Москве. Спокойно подъезжаем, на вокзале меня встречает отец и вдруг говорит: “Может, тебе лучше прямо поехать в Петроград? Здесь что-то беспокойно”. Я, конечно, ни Боже мой! Уже написала своим подружкам московским, что еду, да и флирт был серьезный. Тогда он говорит: “Как хочешь!”

Сели в машину (теперь она, конечно, выглядела бы очень смешной, но тогда — шик!) и едем. Вдруг нас задерживает толпа, мы не можем проехать из-за нее. И толпа какая-то удивительная, все в очках, или держат лорнетки, или пенсне на носу, или бинокли, подзорные трубы, — словом, какие-то чудеса!

Оказывается, как раз в ту ночь стали громить в Москве немецкие магазины и фирмы, и мы попали в толпу у магазина оптики “Милк и К°”.

Дальше еще ужасней. В магазине мануфактуры “Циндела и К°”, крупнейшем московском текстильном предприятии, растаскивали материи. Со второго этажа распускали вниз штуки бархата, шелка, кружев. В музыкальном магазине “Циммермана” бросали со второго этажа рояли, и они, как живые существа, со стоном разбивались на мостовой.

И к чему это все было? Никто не знал... Говорили, что это дело рук Союза русского народа, крайней правой организации, при попустительстве полиции, а, конечно, воспользовалась всякая шпана, хулиганье.

Я остановилась тогда в фешенебельной гостинице на Петровских линиях, — эти линии вроде нашего Литейного, в смысле продажи книг. Вышла утром и вижу — вся улица так сантиметров на пятьдесят покрыта рванными книгами и какие-то подозрительного вида типы в них роются с палками в руках. Да ведь не все же магазины были немецкие! Ну, Вольф — немецкая фамилия. Девриен — не знаю, кто были, но были же Сытины и другие русские книготорговцы!

Словом, на этом Юсупов кончил свою карьеру “главноначальствующего Москвы”.

Но я все же успела побывать у отца, который жил во дворце Юсупова у Красных ворот. Впечатление совершенно незабываемое! Вход — крыльцо выступает слегка вперед, как войдешь, сразу стоят два чучела медведей на задних лапах такой величины, каких я больше никогда не

видела. Потом десять – двенадцать ступеней вверх, сплошь красное сукно, вход в палату – да, да! – настоящую палату времен бояр! Окно глубокое, с круглым даже не стеклом, а чем-то другим полупрозрачным в свинцовой оправе. Весь пол тоже в красном сукне, по стенам скамьи, тоже покрытые, в правом углу иконостас.

Стоял и стол, чем-то красивым покрытый почти до полу, и два стула, вроде кресел, с высокими прямыми спинками. Спинки, сиденья и подлокотники обиты венецианской тисненой кожей. В углу удивительная изразцовая огромная печь.

После московского погрома, Юсупова, как теперь бы сказали, “сократили”. Но все же, не желая его обидеть, придумали отправить во Францию, раздавать Георгиевские кресты французским воинам.

Ему понадобился секретарь, знающий языки, с хорошими манерами и прочее. И выбор пал на моего брата Макса, конечно, не без содействия отца. Они отправились каким-то сложным путем, ведь была война, по суше не пускали, на воде топили. Ехали из Одессы через Гелеспонд и Средиземное море в Марсель. Туда и обратно добрались благополучно...

Гаральд Линдес: “Из воспоминаний маминого брата Алексея Эдмундовича Пилацкого, который весной 1918 года приехал с Юга России в Петроград:

До революции у моего отца, биржевого маклера и финансиста, среди его многочисленных клиентов был князь Феликс Юсупов Сумароков-Эльстон-старший – чуть ли не самый богатый человек в России, который, как и многие аристократы, вечно нуждался в наличном капитале. На помощь обычно приходил наш отец, который для него закладывал, перезаклаживал или продавал из его недвижимости и обеспечивал князю наличные.

За долгие годы службы между князем и отцом установились дружеские отношения. Самого Юсупова в Петрограде уже не было и он с семьей уехал в Крым и жил в своем имении Кореиз под Ялтой. Там же тогда жила вдовствующая императрица Мария Федоровна. Перед отъездом из Петрограда Юсупов просил отца, по мере возможности, посматривать, что делается в его Дворце на Мойке.

И вот в один прекрасный день мы с отцом отправились в Юсуповский дворец. Оказалось, там разместились Немецкая миссия по репатриации немцев, которых судьба во время войны забросила в Россию. Разыскали старика-дворецкого, который чуть ли не расплакался при виде отца. Узнали, что немцы во дворце ведут себя безупречно и даже поговаривают, как бы уберечь для князя картины. Вроде собираются поставить фальшивые стены, чтобы скрыть картины от кровожадных глаз большевиков.

– А нельзя ли через этих немцев получить для нас немецкие паспорта? – спросили мы.

Так мы получили бумаги, удостоверяющие, что мы – немецкие граждане и подлежим возвращению в Германию.

Алексей Эдмундович с отцом добрались до Киева, откуда дядя поехал в Краснодар, а дед – в Крым, навестить князя Юсупова, но тот из Крыма уехал в Италию.

И тогда мой дед добрался до Рима.

Поддерживал ли он какой-либо контакт с ним – я не знаю. Помню только серебряный значок “Георгиевского Общества Правильной Охоты”, когда-то принадлежавший дедушке, – большая голова медведя посреди овального значка, со святым Георгием и синей лентой...”

Александра

Жан-Жакоб Баулер, мечтательный и практичный молодой человек, только что получивший диплом врача, с молодой женой Элизабет Дегут, решает покинуть свою страну и родной Базель в поисках новой жизни, подальше от торговцев и теологов. Его неудержимо несет туда, где недавно еще был Наполеон – в Россию.

Летом 1814 года через Германию, Польшу и балтийские страны прибыли они в Санкт-Петербург. Получив место врача при Дворе, Жан-Жакоб окунулся в авантюры чиновников, которые дрались за теплые административные места со времен Екатерины.

Предводитель костромского дворянства посоветовал Баулеру поехать в Кострому. Там нужен был врач. В этом путешествии они с женой по-настоящему увидели, что такое Россия: тряска по ухабам в тарантасе, бесконечные пространства, позвякивание колокольчика в упряжке, черно-белые верстовые столбы на дорогах, сгорбленный возница, похлестывающий вожжами лоснящиеся крупы лошадей, запряженных в тройки, и заунывная песня ямщика...

Россия — земля вечных страданий, с чахлыми клячами, пеньковыми рубахами, телегами, лаптями; холмами, дремучими сосновыми и еловыми лесами, березовыми рощами по берегам рек с одного берега и чахлыми лугами с другого; полями с овсом, деревнями с избами в два ряда на пригорке.

А сверху – необъятное, переменчивое небо...

Наконец, Кострома на холмах над Волгой, позолоченные купола Церквей, блестящие в лучах заходящего солнца...

...Баулеры поселились недалеко от города в маленьком деревенском домике. Потекла трудная жизнь сельского врача.

Со временем молодожены русифицировали свои имена и стали Елизаветой Францевной и Яковом Конрадовичем. Прошли годы, появились дети: дочь Юлия и в 1822 году сын Василий. Через четыре года Яков Баулер, работая в гусарском полку, заразился тифом и вскоре умер.

Василий рос одаренным мальчиком, ему легко давалась математика, он увлекался музыкой, в девять лет сочинял сонаты и давал уроки алгебры товарищам по классу.

В память за услугу, оказанную городу его отцом-врачом, Кострома пожаловала молодому Баулеру стипендию и отправила учиться в Москву.

В 1840 году Москва обладала особым шармом. Отстраивалась после пожара, уничтожившего город в 1812 году, и сверкала, обновленная, колоннадами княжеских особняков, крашенными крышами, золотыми куполами Церквей, красными кирпичами стен и башен Кремля. Смесь города и деревни – она выглядела добродушно и была душой России.

Вот в эту атмосферу и окунулся молодой Баулер. Он органично влился в интеллектуальную элиту Москвы. Среди друзей появились Бакунин и Огарев, которые и заложили основу для революции к России. В той же группе вращались Герцен, Станкевич, Белинский. Это поколение пришло на смену Пушкину, Лермонтову, Гоголю и тем, кто в декабре 1825 года попытались сокрушить власть Николая I, а затем отравились либо на виселицу, либо в Сибирь; оно подготавливало Достоевского и Толстого.

На собраниях велись ожесточенные дискуссии за чашкой

чая или лимонада, тонувшие в табачном дыму. Предметом споров была философия Гегеля по отношению к свободе и власти, морали и эстетике.

Василий слушал эти дискуссии, не понимая тонкостей немецкой философии, и удивлялся тому, какие духовные силы тратятся, чтобы из смутного абстрактного извлечь хоть что-то конкретное.

Его западный математический ум восставал против всего того, что делало сумасшедшими интеллектуалов с Востока. Поэтому чаще предпочитал компанию веселого друга Бибикова. Он увлекал его в другой мир, иначе притягательный – к Оболенским, Бобринским, Толстым. Там не говорили о Гегеле, и о политике тоже, но напротив, были барышни и даже очень привлекательные; они читали Мюссе и интересовались любовью.

Красив собой, знаток языков, пианист, обладающий музыкальным талантом, Василий Баулер стал светским львом. На одном из музыкальных вечеров он и встретил ту, которая стала его женой. Это была Наталия Ивановна Семенова, из рода атамана Семенко, лейтенанта Мазепы.

В 1780 году прадед Семенко проданся Екатерине II во служение, потерял свою украинскую вотчину, русифицировал имя и получил привилегии Императрицы, звание полковника и новое поместье Нестерово на самой красивой реке России – Оке.

Семеновы, крупные собственники, продолжив знатный род, смешали казацкую кровь с кровью помещиков с Севера.

От брака Василия Баулера с Наталией Семеновой родились дочь Александра (1850) и сын Аркадий (1852).

Александра унаследовала властную посадку головы, высокий гладкий лоб, прямой взгляд темно-зеленых с черными тигровыми прожилками глаз, ум и живучесть своих гельветических и французских предков.

Русское зерно Семеновых оттенило с духовной стороны суровость гугенотской крови, но в физическом плане

они не сумели дать ей величия высокого роста. Она была сильной, но маленькой, с точеными пальцами.

Однако, если гетероморфизм двух начал был очевиден, то в области характера она добавила фактор доминирования, который редко ослаблял ее страстную напористость – в любви или в борьбе – в течение всей ее долгой жизни. От Баулеров она получила царственное имя – Александра.

С детства владея французским, английским, немецким и русским языками, одаренная литературными способностями, интересующаяся философией, она жадно читала и запоминала все. В шестнадцать лет написала сочинение о лингвистических оборотах Рабле. Полу-русская кровь, которая не одарила ее некоторыми физическими чертами, свойственными характеру, дала ей энтузиазм, веру, общительность и смелость перед противником и страданиями. Ее мозг по наследству привык думать легко и широко.

Было время, когда идея борьбы пролетариата против господства капитала зарождалась в мозгу идеалистов всех уровней и всех стран. Призыв Маркса, похожий на крик, уже прозвучал: “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”.

...В восемнадцать лет Александра вышла замуж, чтобы стать независимой. Для русской студентки того времени традиционная среда, замужество, семья, отношения в ней – мало что значили. Важны были занятия, изучение естественных наук, которые вели к материализму, свободному от догм, а также к знанию социологии.

НИГИЛ – таково было ключевое слово нигилистов, как их стали называть позже, отрицавших прошлое ради конструктивного стремления в будущее. Они и предприняли борьбу на смерть против авторитарного режима в России и капиталистического в Европе.

Василий был назначен профессором математики в Военную школу Санкт-Петербурга. Как и тридцать лет назад, там бурлили сборища, похожие на сборища давнего

времени в Москве, но уже без Огарева, Герцена и Бакунина: первый умер, второй доживал свои последние годы тяжело больной в Берне, третий – в Лондоне. Гегель вышел из моды и богом стал Карл Маркс.

Александра становится завсегдатаем этих сборищ вместе с Верой Засулич, Петром Лавровым, Стрекаловой и другими. Потрясенная всем услышанным, она поставила перед собой извечный русский вопрос: “Что делать?”

Она колебалась. У нее не было холодной восторженности к террористам и убийцам царей, она все более соглашалась с Лавровым, что надо пытаться и с п р а в л я т ь ж и з н ь ж и з н ь ю, открывать народу его чудесное предназначение. Верила и думала, что знает крестьян. Она пойдет к ним, пойдет в народ, туда, где холера и голод опустошают целые деревни, принесет мужикам помощь и свои знания. А завоевав доверие, объяснит им силу их сообщества и право на свободу.

Ранней весной 1876 года, вернувшись в Санкт-Петербург после долгого “хождения в народ”, переболев тифом и подорвав здоровье, уезжает за границу, чтобы наладить контакт с Интернационалом и укрыться от участи уготованной нигилистам: ссылки в Сибирь, а заодно и подлечить пошатнувшееся здоровье. Порвав с мужем, она вместе с малолетними сыновьями покинула родину. Но тогда еще не могла даже предвидеть, что покидала ее навсегда...

По приезде в Швейцарию в поисках работы, ее познакомили с Михаилом Бакуниным, confidentкой и поддержкой которого она быстро стала.

Италия, Гарибальди. Там она чудом избежала смертной казни, сражаясь на стороне гарибальдийцев.

Знакомство с Владимиром Гольштейном, молодым русским врачом – сыном балтийского барона, гусарского полковника, убитого при подавлении венгерской революции, и богатой мещанки из Москвы, состоящей в родстве с родом Поленовых.

Продолжение дружбы с Петром Лавровым, революци-

онная деятельность, многочисленные знакомства как с представителями русской культуры и общественной мысли, так и западноевропейской культуры, особенно, французской. Среди них можно назвать Драгоманова, Гревса, Вернадского, Вячеслава Иванова, Бальмонта, Волошина, Балтрушайтиса, Рене Гиля, Аркоса, Дюамеля, Фора, Бергсона и многих других.

После окончательного развода с Николаем Вебером и выхода замуж за Владимира Гольштейна, она переехала в Париж, с которым и была связана вся остальная её жизнь.

Там Александра Васильевна отходит от революционной деятельности и отдается литературной. Сотрудничает в русской периодической печати, как провинциальной, так и столичной, переводит с английского для русских толстых журналов. Пишет бесчисленные “письма из Парижа” для русских газет, статьи о французской литературе и писателях, первая знакомит русского читателя с книгой Бергсона “Материя и Память”, а французского – со стихотворениями Пушкина, Бальмонта, Волошина.

Начинает писать свои воспоминания, первую книгу которых издает по-английски, затем пытается напечатать их в России. Некоторые главы появились в русских и эмигрантских периодических изданиях, а также в переводе во французских. По-русски они до сих пор не собраны и не изданы.

До конца дней своих Александра не переставала надеяться, что когда падет антихристовый советский режим, она сможет вернуться на родину и отслужить молебен в Успенском соборе Кремля, для чего тщательно берегла любимое белое платье...

Вниманию читателей предлагается глава из её воспоминаний.

Александра Гольштейн*

Савва

Когда яблоки поспели и стали вкусными, нам объявили, что незрелых плодов есть нельзя и даже запретили ходить в фруктовый сад.

Решительно никогда нельзя было понять, почему старшие что-нибудь запрещают. Они говорят, что от незрелых плодов можно заболеть, а мы ели яблоки совсем зеленые, маленькие. И все едят. За обедом большие обмолвились, что ночью из какой-то деревни приехали чужие мужики и накрали мешок наших яблок. А когда я пошла в прихожую и спросила:

– Как могли чужие мужики забраться в наш сад с мешками? – все в ответ только посмеивались.

В девичьей ели яблоки, да еще с “дедушкиной яблони”, заповедной, самой лучшей.

Чтобы сохранить яблоки, особенно хорошо уродившиеся в этом году, бабушка приказала Савве днем и ночью стеречь сад. Впрочем, так делалось каждый год.

Савва был сторож. Всякую ночь зимой и летом он оставался во дворе и стучал в чугунную доску на крылечке амбара. Я его почти никогда не видала, но для меня Савва был одним из тех существ, которых лучше знаешь, потому что не видишь их никогда. Савва был как Иван-царевич, как Баба-яга, как Жар-птица и многие другие лица, всегда отсутствующие, которых можно всегда и позвать, и удалить, если их присутствие тягостно.

Когда меня оставляли без пирожного, как утешительно было думать, что Баба-яга схватит мадемуазель Рено,

* Александра Гольштейн (1850–1937).

Глава печатается на русском языке впервые (прим. ред.).

утащит ее в свою избушку и съест там. А когда мальчики пугали в темной комнате:

– Баба-яга едет, сейчас тебя схватит, – как просто было отстранить опасность ответом:

– Нет ее на свете, Бабы-яги.

Вот почти так и с Саввой. Он не служил за столом, не правил лошадьми, не сидел в прихожей, а все же он был. Его не видишь, а он всегда есть и делает что-то важное и таинственное – он сторожит. Когда проснешься ночью от страшного сна, слышишь вдали – точно колокол звонит, но особенный – хриплый, сердитый, лающий.

Я звала няню, и чтобы задержать ее как можно дольше, пока страх не пройдет, спрашивала, зачем это звонят в колокол? Сонным, едва слышным голосом Пелагея Михайловна отвечала, что это не колокол звонит, а Савва в доску колотит, дом сторожит от волков да от воров.

И слово “Савва”, произнесенное в полутьме, почти шепотом, проносилось как веющее крыло, и всегда чудилась высокая, сияющая белая фигура с длинным копьем, как у Георгия Победоносца, когда он дракона убивал. Опять звенела вдали чугунная доска, глаза смежались, и грезились, что не то Святой Георгий убивает дракона, не то Савва отгоняет волков – воров, и сходил сон тихий, уверенный, без ужаса ночи.

Иногда я видела во дворе маленького сгорбленного старичка в синей рубашке, в высокой шляпе гречником, надвинутой до ушей, и знала, что это Савва, но никогда к нему не подходила...

Да, это Савва, только другой. Теперь он тихий, а захочет – сделается высокой белой фигурой с копьем, а то вдруг – драконом. Я не боялась увидеть такие превращения, скорее боялась, что их никогда не будет...

Разговаривать с кем-нибудь о Савве не любила, но жадно слушала все, что о нем говорилось. О нем говорили редко, но как-то особенно, точно страшную историю рассказывали.

Ужасно давно, когда дедушка был совсем молодой, пришел в дом странник и требовал, чтобы сам дедушка вышел к нему. Дедушка был человек добрый и благочестивый, любил странников, всегда приказывал их накормить, иногда сам подолгу с ними разговаривал.

Когда дедушка вышел в прихожую, странник сказал ему что-то по-французски, и сейчас же дедушка повел его в кабинет, и долго они говорили, запершись.

Странник этот и был Савва. Никто никогда не узнал, о чем дедушка говорил с Саввой, даже бабушка не знала.

С тех пор Савва остался в имении деда. Сперва он жил в маленькой комнатке наверху, а потом сделался сторожем. После смерти дедушки он никогда не входил в дом, и если бабушке надо было что-то ему сказать, она выходила на крыльцо. Савва, говорили, не крепостной; дедушка в завещании написал, что он не крепостной, и еще требовал, чтобы его наследники оставили Савву жить в доме, пока он сам не пожелает уйти, и чтоб его почитали. Дворня была убеждена, что Савва сам из господ. Часто слышала, как шепотом говорили старики:

– Савва ведь младший брат покойного барина.

Говорили, когда сердились на бабушку, что у Саввы такая есть бумага, что все дедушкины имения – Саввины, стоит ему только бумагу показать. Больше о нем почти никогда не говорили, а когда говорили, то так же, как о всяком другом работнике. Простые люди его боялись и почитали. Иногда боязно произносили у самого уха слушателя:

– Колдун! – и мне становилось холодно.

А иногда благоговейно покачивали головой:

– Что говорить – Савва святой человек.

Он исцелял детей, накладывая свою руку на голову больного, а взрослых никогда не лечил, но предсказывал, умрет или жив останется, стоило ему только взглянуть на больного. Дедушкину смерть он предсказал, не видя еще дедушки. На другой день дедушкиной болезни Сав-

ва захотел его видеть и, как только вошел в спальню, сказал:

– Ныне отпускаеши, Господи, раба твоего с миром.

А дедушка отвечал:

– Молись за меня, Саввушка!

В эту самую минуту в саду кукушка закуковала, что всегда бывало, когда кто-нибудь умирал у нас в доме.

У меня были серьезные неприятности с властями, что со мной случалось все чаще, по мере приближения осени.

Решила уйти куда-нибудь из дому, что я делала теперь так часто, что меня уж и не искали.

То был день бессильного гнева, когда ясно, что несправедливость торжествует, и что борьба бесполезна. Надо бежать от неправых, не слушаться, молчать и делать по-своему.

Чтобы успокоить меня, выдумали новую пытку: после обеда посадили в гостиную на целый час и дали какое-то вышивание. Как только осталась одна, совершенно спокойно отправилась в сад с твердым намерением набрать яблок и спрятать их в верное место.

Напевая что-то веселое, медленно сходила со ступенек террасы. На бледно-голубом небе неподвижно висели белые облака; в большом цветнике цветы чуть трепетали от свежего ветерка, ветки елей у террасы одобрительно покачивались.

– Беги, пой, играй, – говорили ели.

Как легко, как хорошо на свободе! Смотрю на небо, на деревья, на желтый песок дорожек, точно в первый раз все это вижу. Иду медленно, глубоко вдыхаю свежесть ветерка. Плавным шагом с неизъяснимой радостью свободного одиночества подхожу к дыре в изгороди, через которую мы всегда пролезали в фруктовый сад.

Справа вишняк поблекший, сиротливый, кое-где уже желтые листья, подломанные ветки беспомощно висели, легкие, сухие. Слева – старые яблони осели от сотен красных,

желтых, зеленых яблок. Как рога изобилия высились они над редкой, чахлой травой.

В яблоках я знала толк. Отлично знала, что сорванное яблоко и кисло, и жестко, что надо собирать яблоки с земли. Начинаю искать – что за чудо! – ни одного яблочка. Иду под дедушкину яблоню, там всегда много яблок падало. Нахожу два маленьких, худеньких... Помогаю природе ударом плеча в старый ствол. Старый ствол недвижим, ни одно яблоко не падает. Начинаю чувствовать врага в старом дереве и не сдаюсь. Задорно лезу на дерево до первых веток, становлюсь на толстую ветку ногами и, подскакивая, трясую дерево что есть мочи.

Дождем сыплются яблоки на землю. Прыгаю вниз, оставляя дереву длинный кусок оборки от юбки. С ясным сердцем принимаюсь собирать добычу в подол...

Как вдруг, внезапно подняв голову, вижу перед собой старика в синей рубахе, в высоком гречнике, надвинутом до ушей.

Я сидела на земле, а старик, казавшийся огромным, смотрел на меня сверху, опираясь обеими руками на палку. У него было маленькое лицо, совершенно белое и почти безбородое. Тонкие бескровные губы, ввалившиеся между орлиным носом и широким подбородком, подергивались улыбкой. Черные глаза без блеска, точно бархат, были направлены на меня, но они точно не глядели из-под густых бровей, которые падали вниз у носа.

– Умница – девочка! – говорил старик. – Яблок мне набрала? Поди положи их на место.

И он пошел вперед, нагибаясь под ветками, бесшумно скользил по траве босыми ногами. А я без малейшей мысли о бегстве или сопротивлении шла за ним, влекомая непреодолимой силой.

Покружившись под деревьями, мы вышли на маленькую лужайку среди сада. Там стоял шалаш из веток и соломы, две большие кучи яблок, прикрытые рогожей, высились рядом, а недалеко от шалаша дымился под ко-

телком маленький огонек. Это шалаш Саввы. Я забыла, что Савва сторожит сад.

– Вот сюда положи яблочки, – сказал Савва, – и ступай себе с Богом домой.

– Я их себе собрала, – осмелилась я.

– А они твои, яблоки-то?

– Нет.

– Так выходит, ты их украла?

Я была оскорблена. Нет, этого мне еще никто не смел сказать. Даже мадемуазель Рено не смела, никогда. Вор ведь – это самый гадкий человек, который ночью влезает в окно, прячется под кровать и делает самые ужасные вещи, подлые и страшные.

– Я не украла, а взяла, – сказала я надменно, – а домой идти не хочу. Я гуляю.

– Кто без спросу чужое взял, тот и украл... А теперь я тебе говорю – ступай домой, ну и иди. Коли старшие говорят – старших надо слушаться. Кто послушания не знает, будет тому горе горькое. А жить-то как без послушания будешь? И слепая лошадь прямо бежит, коли кучер зрячий. А кабы она не слушалась, то куда бы тогда забежала?

Вот так-то и ты.. Зачем одна в сад пошла? А затем, что нет в тебе послушания. Зачем яблук накрала? Затем, что нет в тебе послушания. Ложь да непослушание всем грехам начало... Гордость тоже... Не послушалась – украла. Украла, неосвященное яблоко есть захотела. А ведь это тоже грех. А ты не знаешь, что Господь Еву из рая изгнал за то, что она яблоко до времени съела?

Он взглянул мне прямо в глаза – своими черными глазами без блеска, и я почувствовала себя виноватой, не понимая еще, почему.

Савва взял яблоко, разрезал его поперек и показал мне ячейки, маленькие зеленые крапинки и объяснял долго, что по этим ямочкам, по этим пятнышкам видно, что яблоко – плод священный. Десять заповедей, четыре Евангелия, число серафимов – все обозначено внутри яблока,

надо только уметь его разрезать, чтобы все это было видно.

– Как же ты такой плод без Божьего благословения есть собралась? В день Спаса будут освящать яблоки, тогда все православные христиане могут их есть, потому что Господь наш, Иисус Христос, искупил грех рода человеческого... А до тех пор – грех.

Небольшой грех, – прибавил он, – но Господь всякий грех наказует...

Я чувствовала себя все более и более виноватой. Все правда, что Савва говорит. Не слушалась, лгала, хотела до Спаса яблоки есть, когда Бог Еву из рая прогнал за то, что она без спросу яблоки ела. Но никто мне этого никогда не говорил... Говорили – вредно. Это неправда, потому что их все едят. Все это я хотела сказать Савве, а сказала:

– Я больше не буду.

– Вот и умница, деточка, умница.

Бархатные глаза смотрели на меня почти нежно. Этот взгляд смягчил, смирял. Думаю, что звери, подчиняясь укротителям, испытывают нечто подобное. Трудно сказать, что именно. Чувствовала себя слабой, маленькой, сладко беспомощно рядом с Саввой. Шалаш, костер, дымок струится к небу, и старик странный, все знает, говорит никогда неслышанное. Где я?

Савва присел на землю. Устал или загрустил? Он дышал тяжело и смотрел вдаль, гораздо дальше яблонь, толпившихся около его шалаша. Лицо было бледно до сияния, глаза неподвижны, а губы шевелились, будто неслышно он говорил.

Я молча смотрела на него, не могла не смотреть. Вокруг нас совершалась тайна. Во мне зародилось чувство неизъяснимого благоговения, какого я не чувствовала ни к кому и никогда, и вместе с тем острая жалость к этому особенному, босому старцу. Это чувство жалости приближало меня к нему, хотя он казался мне таким великим.

– Савва! Ты говоришь, надо старших слушаться. Но ведь они злые, несправедливые...

– Справедливость не от мира сего... Чужих грехов не считай, за своими приглядывай. Пусть злые делают свое – Бог подсчитает и добро, и зло... И добрые, и злые, и бедные, и богатые, и господа, и слуги – все на суд Его предстанем, и делам нашим будет и суд, и наказание. На земле справедливости не ищи...

Я легла на землю рядом с Саввой и пристально смотрела на муравья, который взбирался по травинке, останавливался, усиками поводил... На Саввины слова ничего не скажешь. Над большими, над богатыми, над сильными – Бог, потому что Он самый сильный; а зачем он позволяет злым делать по-своему?

– А Бог, Савва, как Он знает чужие грехи? Ему говорят?

– Вездесущ Бог, всюду Бог, все Бог знает, всех Он видит...

Каждый день я это слышала, но не соединяла с этим никакого точного представления. В эту минуту ужас охватил мою душу. Бог не на далеком, голубом, высоком небе. Он всюду, стало быть, тут, между недвижимыми деревьями, и смотрит на меня, и слушает, что Савва говорит. И так всегда. Он тут, и все слышит, и все видит, и считает добро и зло, потом наказывает и награждает. Никуда нельзя от Него убежать, спрятаться, потому что Его не видно, а Он всех видит.

И сразу мне припомнились все злые поступки бабушки с прислугой, прислуги друг с другом, с животными, Пети с деревенскими ребятишками, и охватила меня жгучая жалость ко всем, кого Бог накажет.

– Когда я буду большая, Савва, я не буду делать ничего злого, и ни за что не позволю никому, даже другим большим, быть злыми и несправедливыми.

Савва молчал. Не хотел говорить или устал. Так мы сидели долго молча. Савва встал, подбросил еловых шишек в огонек и сказал не мне, а кому-то громко:

– Нет правды на земле...

Нет правды... а что же думает Бог? Отчего он не заставит людей жить так, чтобы правда была? Я закрыла глаза, потому что мне стало страшно, сама не знала почему... Холодная рука Саввы легла мне на голову.

– Господи, Боже Великий, не оставь, спаси, укрепи младенца Александру!..

Голос был сильный, торжественный. Я не смела шевельнуться. Холодная рука уже не лежала на моей голове, а слабый голос Саввы говорил:

- Теперь иди, девочка, иди себе домой и будь умница.
- Да, Савва, я пойду. Только я еще к тебе приду.
- Приходи, только раньше отпросись!.. Без позволения в сад не ходи.
- Тогда не приду, потому что они ни за что не позволят...

Я никогда больше не приходила в сад и никогда не видела Савву таким, каким видела его у шалаша, на лужайке. Савва вскоре умер.

Увидела его в гробу, посреди Церкви, окруженного свечами, в дыму ладана. Когда все пошли прощаться с ним, меня хотели увести из Церкви, но я упростила няню позволить мне проститься с Саввой.

Пелагея Михайловна подняла меня к гробу, и я поцеловала одну из холодных рук, скрещенных на груди. Тогда Савва белый, как его белая рубашка, покрытый до груди белым полотном, явился мне в действительности таким, каким он чудился, когда я просыпалась ночью от страшного сна.

Савву хоронили в день Спаса. Все мужики ели яблоки, выходя из Церкви. Дома к столу подали самые отборные яблоки с дедушкиной яблони, но я их есть не могла...

Вступительная статья и публикация
Александра Тюрина.
Нью-Йорк. США.

“Не остановиться ли?”

Из переписки Н.В. Устрялова и княгини Л.В. Голицыной*

Представляемая переписка основоположника и пропагандиста национал-большевизма Николая Васильевича Устрялова и княгини Любови Владимировны Голицыной состоит из пяти писем, воспроизводимых по предварительно отредактированным Н.В. Устряловым односторонним машинописным копиям на сквозным образом пронумерованной бумаге. Каждое письмо имеет свой порядковый номер.

Копии писем, с которых и осуществляется настоящая публикация, хранятся в коллекции Николая Устрялова¹.

Эти репрезентативные исторические документы являются частью того, что сам Устрялов готовил для будущего опубликования в феврале 1935 года, незадолго до своего возвращения вместе с семьей в Россию.

Вероятно, это всего лишь фрагмент из многолетней переписки, существовавшей между сменовеховцем и поборницей “Белого движения”.

Княгиня Любовь Владимировна Голицына (урожденная

* 1920–1922 гг. (прим. О.В.).

¹ Архив Гуверовского Института войны, революции и мира при Стэнфордском университете в Калифорнии (США). Раздел корреспонденции 1920–1935 гг., ящик 1.

Глебова), племянница кумира молодого Устрялова князя Е.Н. Трубецкого, была замужем за доктором А.В. Голицыным и хорошей харбинской знакомой семьи Устряловых. “Во время ее пребывания в Харбине мы часто встречались с ней, – были дружны, хотя и много спорили”, – пишет Устрялов.

Позднее семья Голицыных переехала из Харбина в США, дальнейшая ее судьба неизвестна².

Интересно, что именно через княгиню Устрялов довольно близко познакомился с известным в Харбине и Берлине журналистом – князем Николаем Александровичем Ухтомским, пользовавшимся, по словам изобретателя “Смены Вех” Ю.В. Ключникова, репутацией мелкого сексота ГПУ.

Впрочем, бывший министр иностранных дел Уфимской Директории и Омского Правительства, сам поддавшийся коммунистическому соблазну еще в 1921 году, мог и ошибаться.

Имя профессора Николая Васильевича Устрялова³ прочно связано с идеологией национал-большевизма (сменовеховства).

Возникнув еще до гражданской войны как реакция на потерю Россией патриотического императива, оформившись одновременно с выходом в 1921 году в Праге сборника “Смена Вех”, эта идеология стремительно завоевывала тысячи русских интеллигентов как в России, так и в эмиграции, привлекая пристальное к себе внимание и в руководстве ВКП(б).

Вслед за сборником возникают журналы “Смена Вех” (Париж), “Новая Россия” (Петроград), газета “Накануне” (Берлин–Москва); пропагандирующие сменовеховство статьи публикуются и некоторыми другими органами печати.

² Надеюсь, отклики на эту публикацию помогут в полной мере обрисовать жизненный путь княгини Л.В. Голицыной в эмиграции. – О.В.

³ Устрялов Николай Васильевич (1890–1937).

Сборник “Смена Вех” переиздается Госиздатом многотысячным тиражом в Твери и Смоленске и благополучно расходуется. Основные постулаты новой идеологии – безоговорочное признание необратимости революции 1917 года и активное “возвращенчество” – были адаптированы Н.В. Устряловым еще в 1920 году в сборнике статей “В борьбе за Россию” (Харбин).

Однако, несмотря на обилие лиц, так или иначе вовлеченных в сменовеховское движение, круг его активистов и идеологов, пересекающийся с неофициальными идеологами и проводниками большевизма, был достаточно узок и закрыт. Лидирующую роль среди авторов сменовеховских публикаций играла ограниченная группа общественно-политических деятелей: С.А. Андрианов, А.В. Бобрищев-Пушкин, Н.А. Гредескул, Г.Л. Кирдецов, Ю.В. Ключников, И.Г. Лежнев, С.С. Лукьянов, В.Н. Львов, Ю.Н. Потехин, И.С. Соколов-Микитов, В.Г. Тан-Богораз, А.Н. Толстой, С.С. Чахотин, А.С. Зарудный, Н.Н. Алексеев, Г.Н. Дикий и некоторые другие.

Особняком среди всех, причисляющих себя к сменовеховцам, стоял Николай Васильевич Устрялов, член партии Народной свободы, Юрисконсульт, а затем Директор Пресс-Бюро Омского Совета Министров, позднее перешедший в Русское Бюро Печати, а с падением Омского правительства эмигрировавший из Иркутска через Читу в Китай (есть основания предполагать, что он заочно состоял также членом временного Приамурского правительства).

Уроженец Санкт-Петербурга, калужский дворянин, он в 1913 году с дипломом I степени окончил Московский университет и был оставлен при нем для приготовления к профессорскому званию по кафедре энциклопедии и истории философии права.

В октябре 1916 года в “Русской мысли” выходит первая работа молодого ученого “Национальная проблема у первых славянофилов”, с докладом по которой он выступил тоже впервые 25 марта 1916 года в Московском

Религиозно-философском Обществе памяти Вл. Соловьева.

В этой работе рассмотрено учение о нации у Киреевского и Хомякова. Автор невольно формулирует идейные предпосылки тяготения к большевизму.

Одновременно в статье “К вопросу о русском империализме”, опубликованной в октябрьском же номере журнала “Проблемы Великой России” за 1916 год, Устрялов теоретически порывает и с религиозным универсализмом.

Летом 1917 года, будучи приват-доцентом и сложившимся кадетом, с подъемом встретившим Февральско-мартовскую революцию, он ездит по городам России с курсом лекций по государственному праву, заезжает и на фронт.

К 1918 году его избирают председателем Калужского губернского комитета партии конституционных демократов. В это время за плечами у молодого кадета уже несколько отдельных брошюр, а также целый ряд статей и рецензий в журналах “Народоправство” и “Проблемы Великой России”, а также в газете “Утро России”.

В начале 1918 года Устрялов вместе с другими молодыми кадетами Ю.В. Ключниковым и Ю.Н. Потехиным начинает издавать еженедельник “Накануне”, в котором принимают участие в числе прочих Бердяев, Кизеветтер, Струве, Белоруссов, Котляревский, Кечемян. Параллельно трибуной для них служит и московская газета прогрессистов “Утро России”, контролируемая старообрядцем П.П. Рябушинским.

Именно в это время и начинается складываться каркас идеологии, позднее получившей наименование “национал-большевизма”. Позиция “наканунцев”, направленная против односторонней ориентации на Антанту, на политику “открытых рук” и на заключение более выгодного, чем Брест-Литовский, мира с Германией привела к изоляции Устрялова на съезде кадетской партии в мае 1918 года, а в дальнейшем – к размыванию принципиальной для либералов ориентации на правовое государство, к прямому противо-

поставлению правовой и государственной идеологий, что послужило почвой для “смычки” с большевизмом, сопровождавшейся неизбежной апологетикой советской власти.

Летом 1918 года Устрялов читает курс популярных лекций в Тамбове. В конце того же года уезжает в “красную” Пермь, а оттуда, в “белый” Омск, где встречается со своим другом и соратником по партии Юрием Вениаминовичем Ключниковым – министром иностранных дел в Омском Правительстве, занимавшим ту же должность и при Уфимской Директории.

В Омске издает газету “Русское дело”, сотрудничает в сибирской печати, избирается председателем Восточного кадетского бюро, активно и успешно агитирует за введение Колчаком “чистой диктатуры”.

После поражения Колчака в январе 1920 года Устрялов эмигрирует из России и поселяется в русском Харбине, долгие годы читая лекции на Харбинском Юридическом Факультете и в японском институте, периодически публикуясь в газетах “Новости жизни”, “Герольд Харбина”, “День юриста”, “Утро” (Тяньцзинь).

С начала 1925 года он также работает в качестве советского “спеца” – предварительно получив необходимое для трудоустройства советское гражданство – возглавляет Учебный Отдел КВЖД, к 1928 году став директором Центральной библиотеки Китайской Восточной железной дороги.

За изданием в Харбине сборника статей “В борьбе за Россию” следует второй сборник “Под знаком революции”, вызвавший шумные дискуссии в советской и эмигрантской среде.

Летом 1925 года “харбинский одиночка” совершает поездку в Москву⁴, после которой он с удовлетворением осознает, что патриотизм в какой-то степени узаконивается и в Советской России.

⁴ См.: Н.В. Устрялов, “Россия (у окна вагона)”, 1926.

В результате разгрома в СССР сменовеховского движения, включая и обновленчество, потери сменовеховцами позиций в эмигрантских изданиях и уличения идеологически родственного “нововеховству” евразийства в просоветской ориентации, Устрялов в очередной раз оказывается в одиночестве, и постепенно на рубеже тридцатых годов мысль его эволюционирует сперва к сомнению относительно правильности позиции “Смены Вех”, а затем и к отказу от идеологии национал-большевизма в пользу реального большевизма. По его словам, “Сталин – типичный национал-большевик”⁵. Завершением этой эволюции стало возвращение Устрялова с семьей в СССР 2 июня 1935 года, вскоре после продажи КВЖД зависимо-му от Японии Маньчжурскому государству.

Некоторое время до своего неизбежного ареста Устрялов работал профессором экономической географии Московского института инженеров транспорта, печатался в “Правде” и “Известиях”.

6 июня 1937 года по характерному обвинению в том, что он якобы являлся японским шпионом, Устрялов был арестован, затем осужден 14 сентября и в тот же день расстрелян. Репрессиям подверглась и вся его семья.

Волна реабилитации пятидесятых годов не коснулась Устрялова, решение о начале его посмертного восстановления в правах было принято относительно недавно⁶.

Первое письмо княгини Л.В. Голицыной датируется Устряловым осенью 1920 года, последний ответ Н.В. Устря-

⁵ См.: Воробьев О.А. Политическая эмиграция – не наш путь. Письма Н.В. Устрялова Г.Н. Дикому. 1930–1935 гг. // “Исторический архив”. Москва, 1999, № 1, с. 200–211, № 2, с. 92–126, № 3, с. 107–166.

⁶ Постановление о возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам вышло 18 августа 1988 г., 20 сентября 1989 г. Пленум Верховного Суда СССР реабилитировал Устрялова.

лова Голицыной – 1 сентября 1922 года.

Текст писем передается с возможным сохранением авторской стилистики и орфографии, включая цитирование (исправлены лишь явные опечатки).

Сокращения даются в квадратных скобках. Первые два письма (№ 3а и 4) не датированы.

Сведения о ряде лиц, упомянутых в письмах, не обнаружены.

Письма даются в хронологическом порядке.

Письмо кн. Л.В. Голицыной [Н.В. Устрялову]

Харбин, без даты (осень 1920 г. – Н.У.)

Хочется мне ответить уважаемому Николаю Васильевичу Устрялову словами его статьи: “Бойтесь, бойтесь романтизма в политике. Его блуждающие огни заводят лишь в болото”⁷. Смотрите трезвыми глазами на действительность.

Неужели идея “большевистского рая» ослепила Вас настолько, что Вы не видите того, что есть? Вы не можете не признать, что где только есть живые русские души, во всех уголках нашей родины эти души бродят и волнуются и никогда не смогут молчать и признать большевизм. Если это здоровые, сильные и смелые мужчины, они возьмут оружие, – это и свойственно им. Если не воины, мирные граждане и женщины, и повторяю, русские души, они другим путем найдут возможность бороться. Кто бы они ни были, и каким бы слоям и партиям они ни принадлежали, сколько бы их не уговаривали, что другой путь, путь соглашения, путь эволюции вернее, они все же будут вести активную борьбу; есть минуты в жизни народов, когда этого не может не быть, и реальная политика,

⁷ Вероятно речь идет об одной из статей, включенных в первый сборник Н.В. Устрялова “В борьбе за Россию” (Харбин: “Окно”, 1920).

реальный взгляд на жизнь заставляет нас признать, что вновь и вновь отдельные группы, целые губернии и области будут восставать. Никогда Вы не убедите в том, что большевики способны заставить всех замолчать. Пока у власти захватчики и насильники, русский народ им не покорится, и потому продолжение гражданской войны неизбежно.

Вы отлично знаете, как философ и мыслитель соловьевской школы, что каждый русский православный человек в корне своем противоположен интернациональному коммунизму, следовательно, и теперешним властителям России. Что нет злейшего врага большевизма как русского крестьянина⁸, потому что в нем сохранились устои национализма и собственности. Вы тоже скажете, что это романтизм, но я отвечу, что есть бесконечные факты, несмотря на беспомощность, на безоружие, несмотря на нелюбовь к активности в мужике, крестьянские волнения не прекращаются, а в данное время усиливаются; они перекатываются от края и до края, и сила сознания растет. Вы пишете, что красная армия страшна врагу. Этого сказать нельзя: не может быть сильна армия нищенской голодной страны, состоящая большею частью из тех же крестьян. Временный успех в Польше, армия которой никогда не была на войне, еще вовсе не доказательство могущества красной армии. Тем более, что временные успехи теперь сменились неудачами⁹. Где та большевистская сила, кото-

⁸ Так в тексте.

⁹ Советско-польская война 1920 года началась 25 апреля наступлением польских войск на Киев. 26 мая Красная армия перешла в контрнаступление и после ряда успешных операций вышла в середине августа к Варшаве и Львову. В результате контрудара польских войск Красная армия вынуждена была отойти на линию Августов, Липск, Беловеж, Опалин, р. З. Буг до Владимира-Волынского. Завершена мирным договором, подписанным 18 марта 1921 г. в Риге, который установил советско-польскую границу (к Польше отходили З. Украина и З. Белоруссия), дипломатические и торговые отношения.

рая сможет построить правильную государственную и хозяйственную жизнь, — на зыбком фундаменте народного негодования?

Грустно и больно, что Вы тратите свое прекрасное дарование на ложную проповедь соглашательства, толкаете уставших, слабых и неустойчивых идти в большевизм, этим удлиняя только период гражданской войны. То, что не успели Деникин¹⁰ и Колчак¹¹, еще не доказывает того, что активной вооруженной борьбы не должно существовать. Но жертвы их не случайны и не напрасны. Все имеет свое значение, и все подвиги, совершенные во имя правды, дадут плоды. В их время толпа народная была не с ними. В Сибири крестьянство мобилизовалось насильно, оно большевизма не познало.

Кроме того, грехи приспешников власти насаждали большевизм, вновь русский народ погрешил в лице своей власти, и власть эта рухнула. У Деникина картина была та же. Теперь, во времена невероятно трудных политических перспектив и настроений, нужно ценить и развивать в людях одно: честность, политическую честность! В этом

¹⁰ Деникин Антон Иванович (1872–1947), военный деятель, генерал-лейтенант (1916). В Первую мировую войну командовал стрелковой бригадой и дивизией, армейским корпусом; в 1917 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего, главнокомандующий З. и Ю.-З. фронтов. Один из руководителей белого движения; с апреля 1918 г. командующий, с октября 1918 г. главнокомандующий Добровольческой армией, с января 1919 г. главнокомандующий Вооруженными силами Юга России (Добровольческая армия, Донская и Кавказская казачьи армии, Туркестанская армия, Черноморский флот); одновременно с января 1920 г. Верховный правитель Российского государства. С апреля 1920 г. в эмиграции. Автор работ по истории русско-японской войны, а также воспоминаний: "Очерки русской смуты" (тт. 1–5, 1921–23), "Путь русского офицера" (1953).

¹¹ См. статью Н.В. Устрялова "Адмирал Колчак" ("В борьбе за Россию (Сборник статей)", Харбин: "Окно", 1920, с. 75–78).

спасение родины и избавление от большевизма. Всякий борющийся с оружием или без оружия, внутри или вне страны против большевизма, – только тот достоин имени сына своей родины. Побольше честных борцов, как Врангель¹², и скорее бы кончился позор нашей родины.

Хаос есть, хаос будет, Вы не остановите его, пока народ себя не выявит, а Вы помогите ему оружием, словом и организацией. Не толкайте не разобравшихся в себе на путь соглашательства. Не может быть государственного строительства на фундаменте лжи, обмана и отвращения народного. Повторяю, что пока живы русские души, гражданская война не прекратится, а потому не реальна и Ваша идеология. Вы только мечтатель и философ. Бойтесь, бойтесь романтизма в политике, его блуждающие огни приводят лишь в болото.

Николаю Васильевичу
от несогласной с ним, но глубоко его
уважающей Л. Голицыной

Прошу ответить (когда буду у Вас в субботу).

Письмо Н.В. Устрялова кн. Л.В. Голицыной.

Харбин, без даты (осень 1920 г. – Н.У.)

Неужели Вы хоть одну минуту можете думать, глубокоуважаемая княгиня, что меня “ослепляет идея большевистского рая”? – Ручаюсь, что идея не только большевистского, но и всякого земного рая чужда и глубоко антипатична мне уже по одному тому, что она осуждается христианскими понятиями: как известно, рай есть и может быть только на небе.

Равным образом, я, как и Вы, глубоко убежден, что русский народ в его целом коренным образом “противополо-

¹² См. статью Н.В. Устрялова “Врангель» (“В борьбе за Россию. Сборник статей”, Харбин: “Окно”, 1920, с. 56–63).

жен” большевизму в его отвлеченной идее и в его практике. Не сомневаюсь также, что большевизм кончится, и сравнительно скоро.

Но ведь дело совсем не в этом. Дело в том, что в данный момент сила обстоятельств заставила значительную часть “живых душ” страны идти с большевиками. Все свидетельства из центральной России, иностранные и русские, единодушно гласят, что польская война примирила с властью широкие круги русской интеллигенции, что страну, измученную и ослабленную, охватил патриотический подъем. Отрицать эти свидетельства может лишь “политический романтизм”.

С другой стороны, нельзя, конечно, отрицать, что многие средние русские люди идут под знаменем большевизма из страха. Но важно то, что идут. Это приходится учитывать.

Теперь с третьей стороны. Вы утверждаете, что все живое на Руси – против большевиков. К сожалению, не могу с этим согласиться. Три года борьбы убедили меня, что истинно живых-то элементов, начиная с самого верха, у большевиков больше, чем у нас. Эти живые элементы духовно заблуждаются – согласен. Они – “впали в соблазн”. Но это все же не мешает им быть живыми. В то же время, созерцая лагерь “контрреволюции”, находишь наличность в нем огромного количества душ, ни в каком смысле не могущих быть названными “живыми”. Осмотритесь кругом в Харбине, – и, надеюсь, Вы без доказательств признаете, что я прав. А Омск и Екатеринбург? Те “приспешники”, о которых Вы так несочувственно отзываетесь и которые тем не менее наложили свою печать на все движение, – ведь это же мертвые, мертвые души! Неужели Вы не видите, не чувствуете, что большевики нас победили¹³ именно потому, что живых душ у них больше, чем у нас, что

¹³ Устрялов несколько неточен: Приамурская и Дальневосточная республики к моменту написания письма еще не были советизированы, равно как и Прибалтика, Закавказье и КВЖД. До окончательной победы – создания СССР – оставалось еще более 2 лет.

они выдвинули “исторических” людей, а мы – нет...

Красная армия не особенно сильна, – Вы правы. Но ведь белая – еще слабее. А главное, Москва сильна не армией, а идеей. Эта идея – ложная, но она все-таки идея. И наша вооруженная борьба против нее лишь окружает ее ореолом. Я совсем не против вооруженной борьбы с идеями. В свое время церковь сокрушила ложное учение альбигойцев¹⁴, уничтожив их всех до единого мечом. Мы были не прочь то же самое сделать с большевиками. Но не вышло. Вешали офицеров, расстреливали солдат, истребляли большевистствующие деревни. Все мимо, мимо. Надо же признать в конце концов: – что-то не то получается... Метили в большевиков, попали по России, в себя самих... Не остановиться ли?

Если народ жив, ложная идея существовать в нем долго не может. Но она прежде всего падет изнутри, умрет в душах. Погибнет, всецело проявив себя. Умрет, быть может, тем вернее, чем сильнее будет ее внешнее торжество.

Большевистская власть перестанет быть большевистской не от наших пулеметов и танков, а вопреки им, несмотря на то, что они мешают этому процессу и тем самым лишь помогают ей. Она победила путем психической заразы, она закончит через психическое выздоровление.

“Побольше бы честных бойцов, как Врангель” – и все было бы хорошо... Вот он, Ваш политический романтизм, заводящий в болото! Если бы их было “побольше”, право, мы бы с Вами не томились сейчас в Харбине и не гадали бы о временах и

¹⁴ Альбигойцы, участники еретического движения в Южной Франции XII–XIII вв., приверженцы учения катаров. Выступали против догматов католической церкви, церковного землевладения и десятины. К альбигойцам примкнула часть местной знати. Осуждены Вселенским собором 1215 г., разгромлены в Альбигойских войнах 1209–1229 гг. Сравнение Устряловым большевиков с альбигойцами вполне уместно, т.к. в идеологии и тех, и других заложен явный манихейский дуализм, широко представленный в произведениях В.И. Ульянова (Ленина).

сроках падения большевизма. Да в том-то и беда, что частичка “бы” – плохая опора для реальной политики...

Вы утверждаете, что советская власть все равно не сможет наладить государственную и хозяйственную жизнь страны, ибо она покоится на “зыбком фундаменте народного негодования”. – Несомненно, это очень сильный аргумент. Но из него можно вывести лишь то заключение, что интеллигенция должна найти в себе силу смягчать это негодование, а не разжигать его. Опыт показал, что при наилучших условиях, оно (негодование – *О.В.*) не смогло сокрушить большевизма, а лишь укрепило худшие его стороны. Его смягчение переродит и большевизм, в то время как его разжигание теперь, когда польская война примирила с властью многих патриотов, – лишь поведет к бессмысленному взаимоистреблению отнюдь не большевистски настроенных русских людей. Я уже не говорю о той бесконечной невыгоде для международного престижа России, какая произойдет от усиления, по вине интеллигенции, нашей гражданской войны.

“Но все равно продолжение гражданской войны неизбежно”. – К сожалению это, по-видимому, верно, и я отнюдь не тешу себя романтическими мечтами, хотя, с другой стороны, знаю, что Россия по-прежнему останется “краем родным долготерпенья”¹⁵. Но тем более должны мы стараться, чтобы масштабы этой войны были возможно меньшие. Стихийные и неорганизованные вспышки среди крестьян непредотвратимы. Но зачем же их осложнять целыми военными фронтами? Зачем десятки жертв превращать в тысячи? Политические деятели, не считающие возможным умыть руки, могут проповедовать одно из двух: – либо гражданскую войну, либо примирение. Проповедь гражданской войны усиливает слабейшего и, не гарантируя ему победы, лишь обеспечивает пролитие новой крови. Проповедь примирения, усиливая сильнейшего, сводит гражданскую войну к минимуму и способствует тем самым внутреннему перерождению ненавистной

¹⁵ Строка из известного стихотворения Ф.И. Тютчева (1803–73).

власти. Не забывайте, что после поражения Колчака и Деникина смертная казнь была отменена в России, и лишь Польша а, главное, Врангель явились причиной ее восстановления. И так во всем. Следовательно, нужно проповедовать примирение, хотя заведомо известно, что действительного и полного мира еще долго не будет. Что же касается непримиримых, обрекающих себя на бесплодную борьбу, то во имя милосердия, во имя любви к родине и соотечественникам здесь необходимо следовать заповеди Ницше¹⁶: – “кто падает, того нужно еще и толкнуть”... Такова печальная логика государства.

Проповедуя гражданскую войну, мы теперь не приблизим, а отдалим ее окончание, и вдобавок уже в конец добьем страну на радость иностранцам. И, что особенно эффективно, дадим большевикам почву удерживаться и оправдываться до бесконечности. “Соглашательство” же, напротив, есть лучшая форма борьбы с большевизмом и наиболее верный залог его ликвидации. Это парадокс, похожий на увертку, но я уверен, что Вы поймете меня, хотя и не соглашаясь со мной.

“Нужно развивать теперь в людях одно – честность,

¹⁶ Ницше Фридрих (1844–1900), немецкий философ, представитель философии жизни. Профессор классической филологии Базельского университета (1869–1879). Испытал влияние А. Шопенгауэра и Р. Вагнера. Творческая деятельность Ницше оборвалась в 1889 г. в связи с душевной болезнью. В “Рождении трагедии из духа музыки” (1872) противопоставил два начала бытия – “дионисийское” (жизненно-оргастическое) и “аполлоновское” (созерцательно-упорядочивающее). В сочинениях, написанных в жанре философско-художественной прозы, выступал с анархической критикой культуры, проповедовал эстетический имморализм (“По ту сторону добра и зла”, 1886). В мифе о “сверхчеловеке” индивидуалистический культ сильной личности (“Так говорил Заратустра”, 1883–1884; “Воля к власти”, опубликована в 1889–1901 гг.) сочетался у Ницше с романтическим идеалом “человека будущего”.

политическую честность". Конечно. Но, высший императив политической честности гласит: "служи родине всеми средствами, не жалея ни жизни, ни даже своей души, ибо потерявший душу свою в мире сем, найдет ее"¹⁷. И думаю, что те русские офицеры и интеллигенты, которые во имя родины, подавив брезгливость, идут сейчас с отвратительным большевизмом, внешне загрязняясь от него, претерпевая всевозможные унижения со всех сторон, навлекая гнев и презрения многих современников, — думаю, что эти люди и на Страшном Божьем Суде, и на мирском суде истории будут оправданы. Нужно только, чтобы они были внутренне чисты от идейного соблазна воинствующего большевизма, атеизма и материализма, чтобы они помнили, что "соглашение" с большевизмом может быть только политическое, узко тактическое, а не в коем случае не идейное, духовное. Тактически примирившись с большевистской властью, необходимо стремиться вложить в нее новое содержание.

Не знаю, — возможно, что я ошибаюсь, и, признаться, мне подчас очень грустно бывает видеть, как многие люди, которых я уважаю и люблю, с которыми до последнего времени я шел вместе душа в душу, теперь оказались в чуждом, даже враждебном мне лагере. Но не могу же я, вопреки своему глубочайшему убеждению, пользоваться по-прежнему своим, как Вы называете, "дарованием", чтобы защищать дело гражданской войны, в которой я вижу теперь главную помеху возрождения родины! Сохраняя своих политических друзей, я потерял бы самого себя...

Время покажет, кто из нас прав.

Глубоко уважающий и преданный Вам
Н. Устрялов.

¹⁷ Перефразированное высказывание из Евангелия: "Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее" (Мат. 10,39).

Письмо кн. Л.В. Голицыной [Н.В. Устрялову]

Харбин, 24 апреля 1922 г.

Дорогой Николай Васильевич.

Мне очень неприятно, что Вы обиделись на меня.

Мне, не скрываю, было очень тяжело во время нашего последнего разговора, но поверьте, я шла к Вам и говорила с Вами, потому что хорошо всегда к Вам относилась и отношусь, не смотря на всегда существовавшую между нами разницу во взглядах на активную работу по отношению к советской власти. Я всегда с Вами спорила об этом, а теперь, когда все меньше и меньше верных, когда политическое “стадо” идет за Вами, отношение это обострилось, и особенно досадно за людей, имеющих идеалы и национальную идею, которую они и выявляют, ради практической политической работы. Простительно узким политическим дельцам, коммерсантам, поддерживать настоящую (советскую – О.В.) власть, быть так называемыми “реальными политиками”, но не простительно это людям, одаренным Богом, мыслящим и получившим в наследство от своих учителей общечеловеческие и национальные идеалы. Понимаю Вас как мыслителя, будучи очень близкой Вам по духу, как русский человек, ценя в Вас Ваши способности, особенно больно и обидно видеть, что Вы поддерживаете морально тех, которые в корне противоположны тому, во что Вы верите и что для Вас свято. В Вас политик взял верх над философом и идеологом. Это ошибка, ошибка даже практическая, если взять максимум пользы для России. Как верно говорит Струве: “Сейчас необходимо именно собирание духовных сил и их работа. Крушение большевизма приближается неотвратимо. Но крушение должно заставить в русском народе ядро, из которого сможет духовно возродиться Россия”¹⁸.

¹⁸ См. статью Н.В. Устрялова “Национал-большевизм. (От-

Ради Бога, Николай Васильевич, не понимайте моей резкости в каком-либо другом смысле. Я не хотела Вас оскорблять, никогда дурно о Вас не думаю, но Вы делаете больно, больно русской душе, и я скорблю о потере Вас для русской мысли и вновь повторяю, что Вы делаете ошибку русского интеллигента, увлекшись своими построениями, – увлекаете за собой на ложный путь много русской молодежи, не работавшей в себе национальных и общечеловеческих идеалов. Увлекаете их служить под формой национальной и патриотической – целям интернационала. Меня особенно поразили в нашем последнем разговоре некоторые Ваши фразы об всемирном значении русской революции, о христианском социализме и т.д. Неужели и Вы на этом пути?

Пишу Вам, Николай Васильевич, так как не хотела бы, чтобы Вы и Наталья Сергеевна¹⁹ превратно меня поняли бы. Я всегда очень ценила Ваше общество и любила и люблю Вас обоих. Вы должны задуматься над тем, почему бывает больно с Вами говорить и простить, если с Вами бывают неприятны даже любящие Вас люди.

Л. Голицына.

Письмо кн. Л.В. Голицыной [Н.В. Устрялову]

Харбин, 26 августа 1922 г.

Дорогой Николай Васильевич.

Пишу Вам в большом волнении. Вчера Н.А. Ухтомский²⁰

вет П.Б. Струве)". "Смена Вех", Париж, 12 ноября 1921 г., № 3, с. 13–16. См. также: Колеров М.А. К истории национал-большевизма. Письмо Н.В. Устрялова к П.Б. Струве (1920) // Россия и реформы. Сборник статей. Выпуск третий, М., 1995, с. 155–158.

¹⁹ Устрялова Наталья Сергеевна, жена Н.В. Устрялова.

²⁰ Князь Ухтомский Николай Александрович, журналист, был близок к кругам кн. Л.В. Голицыной и И.А. Михайлова. В начале 1920-х гг. переехал из Харбина в Берлин, после чего сотрудничал в

передавал мне, что Вы готовитесь выступить в газетах в защиту той партии духовенства, которая именуя себя “живой Церковью”²¹, захватила церковную власть и объявила войну той Церкви, к которой все мы принадлежали, и все наши предки. Я не буду разбирать и объяснять, почему считаю слугами сатаны тех, кто поднялся на истинную Церковь. Вряд ли Вам интересно мое мнение, если же захотите, то я рада буду говорить с Вами, но при одном условии.

Умоляю Вас не выступать в печати по этим вопросам, не переговоривши предварительно с совершенно аполическими представителями Церкви здесь.

Вы слишком мало знаете Православную Церковь, Вы живете не православной жизнью и не церковной, Вы слишком мало прониклись теми страданиями, которые несут Ее лучшие представители в современной России.

Отец Николай Вознесенский, к которому вы хорошо относились, отец Федор Стрелков, мудрый духовный наставник, это люди, которые помогли бы Вам разобраться. Я не называю Вам имен слишком горячих, как Сторожев, просоветской сменовеховской газете “Накануне”. В 1929 г. вернулся из Германии в Харбин, где сотрудничал в белой прессе. Устрялов характеризует кн. Н.А. Ухтомского как достаточно поверхностного, крайне импульсивного и ненадежного, “хотя в основе, быть может”, и недурного малого, производящего “впечатление человека, в конец испорченного жизнью”, что есть “несомненно, – результат его неумения себя держать”.

²¹ “Живая Церковь”, организация обновленцев Русской Православной Церкви (1922 – после 1945 г.). Движение обновленцев оформилось в Русской Православной Церкви после Октябрьского переворота 1917 г. Обновленцы выступали за “обновление церкви”, модернизацию религиозного культа. Они боролись против руководства официальной Русской Православной Церкви, заявляли о поддержке советской власти и лояльном отношении к ней. В 1943–46 гг. самоликвидировались, влившись в состав Русской Православной Церкви. Церковный аналог сменовеховства.

или политических, как Еп[ископ] Нестор. Если хотите, я Вам устрою свидания с ними, Вам не будет неприятно, это люди мудрые, выдержанные, и они, конечно, согласятся побеседовать с Вами. Не удивляйтесь, что я пишу Вам, мне кажется, наши отношения в прошлом заставляют меня высказаться перед Вами. Ради всего святого не обращайтесь данного Вам Богом дара – против Него. Помните Ваши собственные слова: “Самое страшное впереди, это когда они захотят устроить красную церковь, угодную красной власти”. Были грехи служителей Церкви прежде, но что это в сравнении с тем, что творится теперь!

Еще раз очень прошу Вас, не касайтесь этих вопросов, а если уж хотите, то постарайтесь прежде узнать на деле, что есть Православная Церковь, и тогда Вам многое будет ясно. Нельзя писать об этом легкомысленно. Вспомните Флоренского²², Трубецкого²³. Пока прощайте, надеюсь Вы поймете мотивы, заставившие Вас написать. Это только доброе к Вам чувство.

Привет Наталии Сергеевне. Всего доброго.

Кн. Л. Голицына.

²² Флоренский Павел Александрович (1882–1937), российский ученый, религиозный философ, богослов. В сочинении “Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи” разрабатывал учение о Софии (Премудрости Божией) как основе осмысленности и целостности мироздания. В работах 20-х гг. стремился к построению “конкретной метафизики” (исследования в области лингвистики и семиотики, искусствознания, философии культа и иконы, математики, экспериментальной и теоретической физики и др.). Репрессирован; реабилитирован посмертно.

²³ Князь Трубецкой Евгений Николаевич (1863–1920), российский религиозный философ, правовед. Брат С.Н. Трубецкого, дядя Л.В. Голицыной. Стремился согласовать учение В.С. Соловьева о “всеединстве” с ортодоксальной христианской доктриной. Оставил труды о В.С. Соловьеве, по теории познания, о смысле жизни. Являлся авторитетом для Н.В. Устрялова.

Письмо Н.В. Устрялова кн. Л.В. Голицыной
Лаошаогоу, 1 сентября 1922 г.

Глубокоуважаемая княгиня!

Из Вашего письма я еще раз убедился, что Н.А.²⁴ слишком пристрастен к “псевдо-сенсациям” любого рода. Ибо я как раз говорил ему, что решил воздержаться от напечатания статьи о Новой Церкви до приезда в Харбин и тщательного ознакомления с вопросом.

Я прекрасно сознаю всю щекотливость этой темы и невозможность ее трактовать сплеча, сразу приходя в восторг от нового движения, как это делает “Накануне”²⁵, или, напротив, наобум предавая его анафеме, как это делают наши заграничные иерархи, болтающие о православии по всем космополитическим отелям и скандально компрометирующие Православную Церковь, пристегивая ее ко всяким авантюрам разных пройдох, вроде Меркулова, или умалишенных вроде Дитерихса²⁶. Именно духовная бли-

²⁴ Князь Н.А. Ухтомский.

²⁵ “Накануне” (Берлин–Москва), ежедневная сменовеховская газета – продолжение еженедельника “Смена Вех” (Париж). Выходила с 1922 до 1924 г., имела литературное приложение. Среди редакторов – Ю.В. Ключников, Ю.Н. Потехин, А.Н. Толстой, Г.Л. Кирдецов (Фиц-Патрик); всего вышел 651 номер. В эмигрантской среде газета заслужила кличку “предательской” и “продажной”, “советской рептилии” и проч. Финансировалась и курировалась Политбюро (Н.Н. Крестинский, И.В. Сталин).

²⁶ Дитерихс Михаил Константинович (1874–1937), генерал-лейтенант (1919). С сентября 1917 г. генерал-квартирмейстер, в ноябре 1917 г. начальник штаба при Верховном главнокомандующем. С ноября начальник штаба Чехословацкого корпуса. Один из организаторов мятежа Чехословацкого корпуса. В июле 1919 г. командовал Сибирской армией у А.В. Колчака, в июле – ноябре 1919 г. командующий Восточным фронтом. В июне 1922 г. в Приморье избран Земским собором Правителем и воеводой земской рати. С октября 1922 г. в эмиграции. С 1930 г. начальник Дальневосточного отдела Русского общевойскового союза (РОВС).

зость моя к покойному кн. Е.Н. Трубецкому, о коем Вы упоминаете, заставляет меня со всею серьезностью отнестись к данному предмету. С нашей Церковью неблагополучно вот уже 200 лет, а в оздоровлении Церкви – залог духовного исцеления России. Конечно, это оздоровление пойдет из Москвы и от Троицы²⁷, а не из Карловиц²⁸ и не из океанских пароходов, на которых разъезжают беженские архиереи по беженским императорам и генералам.

Но, с другой стороны, и “Новая Церковь” Антонина²⁹ для меня еще проблема, которая таит в себе много неясного и даже мучительно-жуткого. Я и сейчас считаю, что “красная церковь” есть не только “противоречие в себе”, но и страшная фальшь с печатью Антихриста. Но, по-видимому, нынешнее Церковное Управление в Москве отнюдь не воодушевлено атеистическим или “красным” пылом. Во всяком случае, об этом нужно еще подумать, в это нужно всмотреться. И я буду Вам очень благодарен, если Вы окажете содействие встрече моей с представителями харбинского духовенства – хотя бы даже наиболее чуждыми идеям церковной реформы. До того времени я не напишу по этому вопросу ни строчки.

Ваш Н. Устрялов.

²⁷ Имеется в виду Троице-Сергиева Лавра.

²⁸ Во время гражданской войны на юге России была основана Временная Церковная администрация, куда входили тамошние митрополиты и епископы. В конце гражданской войны подавляющее большинство членов Временной администрации эмигрировали в Королевство сербов, хорватов и словенцев (СХС), в г. Сремски Карловицы, являющийся резиденцией патриарха Сербии. Епископский Синод в Карловицах объявил себя временным местоблюстителем Священного Синода Российской империи. Большая часть заграничных приходов признали полномочия этого Синода.

²⁹ Епископ Антонин (Грановский), один из вождей обновленчества. По мнению Грановского, церковь в новых условиях обрела свободу и может теперь вернуться к своим древним очищенным формам (ср. со старообрядчеством). Грановский был против любых нововведений, касающихся монашества и епископата.

Николай Устрялов

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ФРОНТ*

12 сентября, по приглашению Земского Союза и при содействии Соединенного Лекционного Бюро, я отправился на юго-западный фронт с “культурно-просветительными” целями. Не потому решил я поехать в армию, что верил в силу слова. Нет, одним “убеждармом”, уговорителем больше или одним меньше – не все ли, в сущности, равно? Словами делу в его теперешнем положении не поможешь, это ясно само собой.

Но хотелось своими глазами посмотреть на “революционный фронт”, прикоснуться к нему, ближе и глубже понять его болезнь. “Неужели и там то же, что здесь?” – хотелось хоть какие-нибудь данные найти, чтобы решить этот гнетущий вопрос отрицательно. И где-то в глубине души теплилась надежда: “а, может быть, и не все пропало, может быть, еще можно что-либо сделать”...

Две недели пришлось мне пробывать на фронте. Читал государственное право на армейских курсах в Каменец-Подольске. Ездил в корпус, читал там офицерской аудитории лекцию о текущем моменте, и после лекции было “собеседование”. Удалось побывать и на позициях, даже в окопах первой линии. Все время пребывал в постоянном “контакте” с армейскими организациями уже по одному тому, что армейскими курсами заведует армейский комитет.

Таким образом, можно было составить себе общее впечатление о жизни армии в наши дни.

И нужно прямо сказать, скрывать нечего, да и бесполезно: впечатление получилось грустное, безотрадное. Болезнь углубляется, развал растет стихийно, и нетрудно

* “Народоправство”, № 15, 1917 г., с. 13–16.

предсказать, чем он кончится, если какое-нибудь чудо не станет неожиданно на его пути. Как же он проявляется, в чем его источник?

Общее мнение, что разруха пришла на фронт с тыла. “Если бы не тыл, война бы сейчас уже была кончена, мы бы имели почетный мир” – такое утверждение вы слышите на фронте повсюду и от офицеров, и от наиболее сознательных солдат.

Фронт развратили пополнения. В сочетании с “декларацией прав солдата” они создали на войне ту митинговую атмосферу, которая абсолютно несоединима с какою бы то ни было боеспособностью.

Сначала, в первые недели и месяцы революции, здоровый, хотя усталый, организм армии еще боролся с являвшейся извне заразой: не солдаты фронта опускались до уровня “революционных” пополнений тыла, а, напротив, эти последние поднимались до боевого уровня солдат фронта. “Мы их не слушали, а посылали на самые трудные работы, чтобы дурь выгнать”, – рассказывал мне один председатель полкового комитета, умный и чрезвычайно симпатичный солдат с георгиевским крестом.

Но вскоре старания агитаторов при благосклонном молчании непротивленческого правительства стали брать свое. “Веяния революции” проникли на фронт. Появилась своеобразно воспринятая “классовая точка зрения”, зазвучала пошлая и бессмысленная кличка “буржуй”. Начался раскол между солдатами и офицерством.

Любопытная ирония судьбы! Революция стремилась “заполнить пропасть между командным составом и армией”, якобы существовавшую вследствие “дисциплины палки”. На деле же именно она, именно революция, эту пропасть вырыла. Раньше общая боевая опасность сближала офицера и солдата, и на войне они были как братья. Теперь – вместо борьбы с общим врагом взаимная жгучая ненависть на горе себе и на радость врагу. Не мир, но раздор принесла фронту свобода.

Кризис первого правительства болезненно отозвался в армии. Боевая сила ее с той поры стала уже регулярно таять не по месяцам, а по дням. Пополнения уже не с насмешливым и брезгливым презрением встречались; к их лозунгам стали прислушиваться, их призывы стали увлекать. Широко распространилась дикая басня о буржуазии, как виновнице войны. Поползла ядовитая, шипящая клевета на союзников. Явилась идея братания. “Микитка” мало-помалу стал превращаться в “большевика”.

А в это время новый военный министр хотел удивить мир своей революционной армией и показать врагу всю силу дисциплины долга.

* * *

Доселе часто еще вспоминают в армии то время – канун июньских дней. Керенский объезжал фронт, говорил “огненные слова”. Его слушали, клялись вместе с ним, встречали и провожали восторгами, энтузиазмом.

Да, несомненно, он заражал своей верой. Даже скептики начинали надеяться. Многие офицеры говорили мне, что *возражать ему не было силы*, – до того он весь горел своей идеей, до того убеждал своею убежденностью.

Комитеты были им покорены. Пораженцы на глазах превращались в борцов за победу, наступление стало общим лозунгом.

Но вся трагедия была в том, что наступать-то должны были не только комитеты, но и армия. Вернее, не столько комитеты, сколько армия. А до армии, до “Микиток” огненные слова долетали слабо. Когда комитетчики хорошо или дурно передавали солдатам слышанное от народного министра, революционная армия недовольно гудела:

– Ага, на автомобилях-то ездили, около генералов потерлись, и сами буржуями стали. Мы вас за миром посылали, а вы вот что... Следить за вами нужно, контроль!..

Эта несчастная *idée-fixe* русской революции, идея “контроля”! Это она разрушила власть, это она во все сердца

поселила яд недоверия... Подобно тому, как старый режим думал сыщиками себя спасти и, не доверяя сыщикам, поручал и за ними следить другим сыщикам, так и революционная демократия мечтает всеобщим "контролем" всех за всеми, всероссийским сыском, спасти себя...

И когда настали часы военного испытания, случилось то, чего не могло не случиться: "дисциплина долга" разлетелась в прах, рассеяв все иллюзии на ее счет.

Немцы прекрасно предвидели этот результат. Накануне наступления одной из наших частей был взят в плен немецкий офицер-летчик, сбитый нашим огнем. На допросе он спокойно и уверенно говорил:

— Мы знаем, что вы на днях будете наступать. Мы знаем также, что вас вчетверо больше, чем нас, и что вы лучше вооружены и снаряжены. Но мы не боимся: ваших солдат надолго не хватит. И, главное, у нас очень хорошие союзники.

— Какие союзники?

— Пальшефики.

Это произнесенное на немецкий лад слово, видимо, доставляло немцу большое удовольствие. А нашим офицерам трудно было что-нибудь возразить на него.

Предсказание летчика оправдалось. Порыва не хватило надолго. Благодаря артиллерии, неприятельские линии были прорваны[,] и первый день пехота шла вперед. Но скоро распространилось известие, что дальше идти не следует, ибо это уже будет противоречить миру без аннексий и контрибуций. В боях под Брезжанами в атаковавших частях на 1000 солдат приходилось уже до 300 офицеров. Офицеры со своими вестовыми брали у солдат ружья и шли в бой. Но бывало, что солдаты не желали давать офицерам ружья, опасаясь, как бы они их не использовали в контрреволюционных целях...

Тарнопольский прорыв в первый день нетрудно было ликвидировать, и для его ликвидации был предназначен целый корпус, некогда боевой и славный. Но этот корпус

в течение суток обсуждал на митингах вопрос о соотношении полученного им приказа о выступлении с идеями и лозунгами русской революции. В результате победила “оборонческая” точка зрения, но было уже несколько поздно: заранее подготовленные и крайне сильные позиции, на которых должна была быть организована оборона, были взяты немцами, пока революционный корпус был разбит. Вместе с тем тарнопольский прорыв разросся в грандиозное поражение всего нашего юго-западного фронта.

О галицийском отступлении много уже писалось и говорилось. Это было сплошное паническое бегство, сопровождаемое грабежами и насилиями над окрестным населением. Солдаты бросали амуницию и нагружали себя самыми разнообразными, подчас совершенно неожиданными предметами. Тащили домашнюю посуду, материи, и один офицер мне рассказывал, что своими глазами видел солдата, с трудом передвигавшегося по дороге из-за большого плюшевого кресла, с которым ни за что не хотел расстаться...

О какой бы то ни было дисциплине, разумеется, не было и речи. Командный состав был бессилён, и даже комитеты ничего не могли сделать. Животный страх обуял людей и вместе с тем, что особенно отвратительно, жажда легкой наживы. Великая русская армия, – в эти трагические минуты она даже не была жалка, – она была омерзительна и скверно комична...

* * *

После разгрома, по общему отзыву, могло бы наступить оздоровление. Ставший главнокомандующим генерал Корнилов в высшей степени энергично принялся за работу воссоздания армии. Все офицерство деятельно ему помогало, и в августе фронт уже приходил в порядок...

Но главнокомандующий с первых же шагов встретил противодействие в среде солдат. Он не только не пользовался популярностью в широких солдатских массах, вку-

сивших от сладкого плода “свободы” – нет, его определенно не любили. Но его побаивались и, главное, невольно, инстинктивно уважали. “Корниловская программа” постепенно осуществлялась на фронте. Приказы ставки за этот период времени были все проникнуты единым здоровым планом и отличались единым твердым тоном. Солдаты подтягивались, армия оживала, друзья немцев попритихли.

И все сразу пошло прахом. Так называемое “корниловское восстание” в корне расстроило налаживавшийся боевой механизм. Армия раскололась, и углубители революции поспешили этот раскол углубить.

До сих пор на фронте вы на каждом шагу слышите имя “мятежного” генерала. Солдаты и комитеты произносят это имя с ненавистью, которая целиком переносится и на “корниловскую программу”. А противоположная “программа” – германо-большевистская – приобретает широчайший успех.

Комитеты “оборонческого” типа перестают пользоваться сочувствием масс. Большевики, притаившиеся при Корнилове, подняли головы. Вновь выбираемые комитеты составляются под знаком большевизма. “Старые революционеры” объявляются буржуями. Приходят новые люди.

– Я старый революционер, старый партийный работник, – жаловался мне один солдат, председатель комитета. – С первого дня революции я провожу в жизнь новый строй. Я – инициатор организации нашего комитета. Я разъяснил товарищам приказ номер первый. И вот теперь меня гонят, называют старорежимцем. За что?

Мне оставалось его утешить лишь соответствующими ссылками на судьбу товарищей Церетелли и Чхеидзе...

Да, злые всходы пожинаят ныне все эти люди. Но ведь это всходы их же посевов...

Теперь, под влиянием надлежащих разъяснений, солдаты глубоко убеждены, что все наши последние поражения – дело рук командного состава во главе с ген. Корниловым.

– Опять предали. Нарочно Галицию очистили. Нарочно Ригу отдали. Мы хорошо дрались. А теперь видим, что

бесполезно. Все равно продадут.

Это не преувеличение. Я нарочно записал эти слова, слышанные мною от одного комитетчика новой формации. И затем часто, постоянно слышал от солдат повторение этих слов.

Их смысл поистине страшен. Это одновременно и наглая ложь, и чудовищная, гнуснейшая клевета, и симптом глубочайшего разложения. “Незачем драться, все одно продадут”. Да, враги знают, какой яд наиболее ядовит...

— В армии сейчас только две партии: октябристы и декабристы. Октябристы хотят идти домой в октябре, декабристы — те “правее”, те соглашаются ждать до декабря...

Это мне говорил один член армейского комитета. Как известно, генералы Верховский и Черимисов “не верят” в существование таких тенденций на фронте. Что ж, дай Бог, чтобы они оказались правы...

Много, много эпизодов мог бы я рассказать, обосновывающих то тяжелое впечатление, которое ныне выносишь из поездки на фронт. Но к чему все эти отдельные рассказы? Спросите любого офицера: он их знает сотни.

В настоящие дни революционная армия являет много картин, знакомых и революционному тылу: опустошение огородов, повальная грызня семечек, хроническая игра в карты, и при том в азартные игры. Специфические занятия фронта: пальба по уткам и прочим птицам (диким, а иногда и домашним), глушение рыбы в реке посредством ручных бомбочек, и, за последнее время, поголовные браки солдат с “девчинами” из местных деревень. Фронт переживает теперь какую-то эпидемию свадеб, и даже казаки, как говорят, ей подвержены...

Но неужто нет ни единого светлого пятна?..

* * *

Нет, есть светлое пятно. И пятно большое, многообещающее. Мне оно было особенно ясно видно во время моих лекций и после лекционных бесед со слушателями.

Я читал, на армейских курсах, делегатам целой армии.

Каждый полк посылает на такие курсы своего представителя, который впоследствии обязан рассказать своим избирателям содержание слышанного. Таким образом, “по идее”, вся армия должна приобщаться через столичных лекторов свету знаний и политического воспитания. Вместе со мною на курсах читали несколько москвичей – между ними проф. Е.Н. Ефимов. Читаются курсы государственного права, политической экономии, аграрный вопрос, проблемы войны, политические партии и пр. Аудитория – человек около двухсот. Несколько офицеров, несколько интеллигентных солдат, остальные – обычная, “настоящая” солдатская масса, мужички, только, очевидно, из наиболее “толковых” или наиболее любознательных.

И вот, с величайшей радостью должен сказать, что более благодарной, отзывчивой аудитории трудно где-либо и кому-либо найти. Лектора слушают, затаив дыхание, насторожившись, боясь пропустить единое слово. Когда вы рассказываете какой-нибудь исторический эпизод, вы замечаете по лицам слушателей, что они переживают все перипетии этого эпизода, поистине живут им и в данный момент *только* им. Если вы что-либо рассказали или изложили недостаточно ясно для аудитории, вас немедленно забросают со всех сторон записками с просьбами выяснить, или пояснить, или дополнить ваше изложение. Если вы высказали мысль, встречающую некоторые сомнения, вы тотчас же получаете рой записок с возражениями. И нужно подчеркнуть, что эти возражения всегда изложены в форме чрезвычайно деликатной, скромной, в форме вопросов незнающего знающему. Вы совсем не чувствуете в этой аудитории того специфического гонора невежды, который бывает – увы! – не чужд и некоторым значительно более “высоким” собраниям российской республики...

Когда однажды какой-то самоуверенный большевик прислал лектриссе записку, отредактированную не вполне корректно, вся аудитория загудела от негодования и стыда, и после лекции обратилась к заведующему курсами с

просьбою проводить все присылаемые лекторам записки через специальную редакционную комиссию, избранную из состава слушателей. И только вмешательство самих лекторов заставило аудиторию отказаться от такого намерения.

Да, эти солдатские представители, пришедшие учиться, уже вышли из первой стадии невежества, как известно, всегда неразрывно связанной с психологией всезнайства. Они уже достигли того уровня, который в свое время Сократ обозначил знаменитым изречением: “Я знаю, что я ничего не знаю”.

О, когда-то вся русская революционная демократия достигнет этого благотворного сознания! Да будет благословен этот грядущий день...

Конечно, вся серая масса наших слушателей уже слышалась криков последней моды. Но, разумеется, они не вошли и не могут войти в ее плоть и кровь. Уж очень не к лицу Циммервальд русскому мужику.

Бывало, смотришь на свою аудиторию, – и вдруг грустно станет. Так много хороших, простых, русских лиц, – и зачем только их насильственно формируют дешевыми, копеечными идейками, и зачем это они косноязычно бормочут о “буржуазии” и “демократистах”...

В самом деле, зачем, зачем эти головы, в которых так чувствуется живой природный здравый смысл, забиваются хламом отвлеченных и, главное, до того им чуждых лозунгов? И чем же это кончится? Одолеет ли натура, проснется ль инстинкт, или так-таки и пойдем в пищу интернационалу, сиречь Германии?..

Чем ближе всматривались мы в нашу аудиторию, чем больше мы с ней свыкались, тем все глубже и тверже становилось убеждение, что недуг армии, а значит, и России, – временный недуг, болезнь роста. С каждым днем и на наших глазах аудитория как бы пробуждалась от нелепого кошмара непереваренных партийных догм и пустых фраз. Простые факты, сообщаемые нами, конституционная история Западной Европы, объективные данные государственоведения и экономической науки – все это захватывало, удивляло, вызывало напряжен-

ную работу в умах и постепенно порождало соответствующее волевое устремление. Только надолго ли?..

“Вы нам мозги прочистили”, – говорили на прощанье нам слушатели. И одни эти простые, теплые слова, казалось, вознаграждали за все те грустные, тяжкие минуты, которые заставляет переживать всякого созерцание современной жизни на фронте.

Да, с этими людьми многое можно сделать. И поистине, великие возможности открыты ныне перед Россией. Два года свободной и самостоятельной жизни способны дать нашему народу больше, чем полвека самодержавия. Это несомненно, и слепы те, кто этого не видят.

Но страшно одно: время-то ведь не ждет, у нас нет и двух лет, мы *сейчас*, вот *теперь же* должны спасать себя. А сейчас мы бессильны, как никогда. Века угнетения лежат на народе, наследственная темнота, а ведь кто не знает, что темнота – лучший покров для злых дел и темных людей...

И смешанное, глубоко тревожное чувство оставляет в каждом наш “революционный фронт”.

Старой армии нет, старая вера, ее скреплявшая, рухнула, новое сознание еще не народилось, и нужно время для его рождения. Этого времени у нас нет. Значит, в силу необходимости сознание должно быть заменено чем-то другим. Чем же? Народным инстинктом, народным чувством, “народным гением”? Или, быть может, национальным героем, хотя бы с действительными “железом и кровью”?

Не знаю. Но ясно до полной очевидности, что организм Великой России расшатан, его силы парализованы. Оправится ли он до последнего, страшного удара извне?

Если да, – его ждет великое будущее. Если нет, – горе ему.

20 октября 1917.

Вступительная статья, публикация переписки Н.В. Устрялова и княгини Л.В. Голицыной, а также републикация “Революционного фронта” О. Воробьева.

Ноябрь 1999

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Евгений Князев

Дракула или Монстр власти: первая русская антиутопия

*Почему обличенные государственной властью живодеры вызывают восхищение у фанатических обожателей? Ведь не будь они увенчаны короной, или звездами генералиссимуса, их именовали бы просто: “серийные ма-
ньяки”.*

В XX веке монстры власти обрели известность, буквально на конвейер поставив уничтожение своих подданных, не говоря уже о, так называемых, “действительных противниках”. Как из-под земли восстало столько по-настоящему адских политических фигур, что всех их исторических предшественников можно поместить в школьные хрестоматии.

Возможно поэтому, к концу самого кровавого в истории человечества столетия, при упоминании Дракулы никто и не вздумает вздрагивать: готический “ужас” воспринимается, как уморительный.

Однако книга Брема Стокера, неисчислимые киноверсии свидетельствуют о популярности вампира из Трансильвании.

Герой – воевода Влад IV, румын по прозвищу Цепеш (что значит – “сажающий на кол”, “прокалыватель”), от отца, Влада III, унаследовал прозвание “Дракул”, что оз-

начало “дракон”, “дьявол”. Он правил с 1456 по 1462 и в 1477 годах. Влад Цепеш Дракул умер в возрасте сорока пяти лет, так и не сумев осуществить еще многих “смелых” идей отвратительной власти.

Выдающийся питерский историк и литературовед Я.С. Лурье установил авторство древнерусской “Повести о Мутьянском воеводе Дракуле”. Ее написал дьяк Федор Васильевич Курицын, возглавлявший посольство великого князя московского в Венгрии в 1482 году. Вернувшись на родину, в 1485 году он и написал эту повесть.

С конца XV, да и в XVI–XVII веках повесть часто переписывалась. Ее успех у читающих людей можно попытаться объяснить поразительным обстоятельством: главный герой каким-то образом сумел восстать из небытия и появиться на Москве...

Повесть эта одна из первых на Руси написана в жанре беллетристики. Она состоит из новелл, похожих на некие притчи, а точнее, несмешные “анекдоты” об адской жестокости властителя. Действия властителя могут быть одновременно истолкованы и как торжество справедливости, и как безграничный произвол. Причем, Дракула чаще всего сам провоцирует преступления, чтобы испытать и искушить своих подданных, этих профанов в политике.

Дракула – воевода православный, но зовут его при этом почему-то “дьяволом”. А так как сочетание первого со вторым весьма проблематично, даже абсурдно, возникает соблазн рассмотреть эту повесть через призму жанра антиутопии.

Намеренно лишая свои рассказы резонерства и морализаторства, автор безучастным тоном приводит примеры безграничного деспотизма.

В борьбе с османами

События первой новеллы происходят после 1453 года, когда Константинополь уже взят войсками султана Мехмеда II Завоевателя, а турецкая империя граничит с Валахией.

На приеме послы “турецкого царя” не сняли с голов колпаки, чем вызвали гнев воеводы. Дракула приказал прибить колпаки к их головам гвоздиками, и отпустил чужеземцев.

Читатель имеет возможность восхититься православным воеводой, которому сам черт не брат, да и султан со своим исламом не указ. Воевода презрительно не замечает такого обстоятельства, что в других землях могут быть иные представления о придворном этикете.

Сие своеобразное учение пойдет впрок! Спустя всего сто лет, Иван Грозный, по рассказам, якобы прикажет прибить гвоздями шляпу французскому послу за то, что тот не обнажил голову в присутствии русского царя. Пусть даже это – очередная “клевета” на грозного московского властителя. Скорее всего, европейского невежу “просто” посадили на кол.

Деспот создает иллюзию “учительского” обладания знанием не только истины, но самой “правды”. Безграничное право судить и казнить, учить и вершить судьбы подвластных, – вот то специфическое свойство, которое и отличает Дракулу. Он “дарит” жизнь, точнее, снисходит и разрешает существовать только тем, кто способен угадать или виртуозно вычислить или подсмотреть правильный ответ в его адском задачнике. Собственных воинов, раненных в спину, воевода приказывал сажать на кол, при этом приговаривал: “Ты не мужчина, а женщина!”.

В повести говорится, что будто бы сам султан, начав войну против Дракулы, отступил. Вот как об этом написано в книге английского историка Лорда Кинросса “Расцвет и упадок турецкой империи”: “...личная гвардия Дракулы обратила турок в бегство, и по его приказанию и посол и командующий (турецкого султана – Е.К.) были посажены на колья, причем самый большой достался старшему по рангу”.

Остановить турецкую агрессию ни в XV, ни на протяжении двух последовавших веков никому было, конечно же, не под силу. Однако первая русская антиутопия тако-

ва, что в ее сказочность нельзя не поверить, так как она вполне вероятна. Скорее всего, это – быль.

Султан изображен таким доверчивым, что не сумел раскусить следующего вероломства Дракулы, якобы пожелавшего стать ему вассалом. Получив разрешение пройти в турецкие владения, воевода начал грабить и разорять города и села. Он взял в плен многих людей, а турок “сажал на кол, других рассекал надвое, иных сжигал, не щадя и грудных младенцев”.

Лорд Кинросс пишет, что в ответ на дерзкий рейд Дракулы в Болгарии, султан повел в Валахию большую армию. В ходе кампании турки наткнулись на “лес трупов”, в котором гнили останки около двадцати тысяч болгар и турок, посаженных на колья и распятых на крестах, – мрачный пример массовых экзекуций, которые Дракула любил устраивать для собственного удовольствия и в назидание своим соседям.

Войско султана одержало победу над Дракулой, и ему пришлось бежать в Молдавию. Командующий турецкой армией не пожелал отставать от своего противника и приказал казнить две тысячи валахов. Но древнерусская повесть об этом не упоминает.

Власть и смерть

Сам, воплощение зла, Дракула ненавидит зло иного происхождения.

Он, как реальное воплощение идеи государственности, никому из своих подданных не позволяет совершать преступления. Исключение он делает только для самого себя. В его владениях господствует образцовый порядок: если кто-то украдет, или ограбит, или даже обманет, или обидит, – тому не избежать смерти. Будь то вельможа, или священник, или монах, или простолюдин, пусть бы он владел несметными богатствами, все равно не мог бы откупиться от смерти.

Совершенно очевидный логический подвох заключается

здесь в том, что автор подтрунивает над легковерным читателем, напуганным первыми рассказами из жизни воеводы.

Победитель султана уже кажется всемогущим. Деспот попросту прикрывается неким адским товариществом с самой смертью. А ловкость логики – вот в чем: если не власть, то смерть накажет, так или иначе, всех преступников. Впрочем, Дракула оказывается хитрее самой смерти, ведь ему удалось поставить ее себе на службу, как судебного исполнителя.

Новая притча. В безлюдном месте находился колодец, куда приходило множество людей. Дабы подчеркнуть всемогущество созданного им порядка, Дракула поставил рядом с колодцем золотую чару дивной красоты, из которой всякий мог напиться. Но никто не посмел украсть эту драгоценность.

Проницательный читатель, внимательно прочитавший предыдущую притчу о преступлении и наказании, уже должен был догадаться, что это за абсурдным сочетанием “безлюдного места”, в котором откуда ни возмись, оказывалось “много жаждущих” не было уже ни воровства, ни других людских пороков.

Царство смерти – вот истинный порядок Дракулы, он управляет небытием.

Счастье по приказу

По аналогии с древнегреческим мифом, новое явление монстра сопровождалось чумой, моровым поветрием, всеобщей гибелью населения. Дракула олицетворяет восставшего из тартарары древнего сфинкса с его инфантильными загадками.

“Отец и учитель” объявил по всей земле своей: пусть приходят к нему все, кто стар, или немощен, или беден. И собралось к нему бесчисленное множество нищих и бродяг, ожидая от него щедрой милостыни. Он собрал всех в построенных для этого хоромах и велел принести им вдоволь еды и вина. Те пировали и веселились. Он спро-

сил у них: "Хотите, чтобы сделал я вас счастливыми на этом свете, и ни в чем не будете нуждаться?". Они ждали от него еще новых благодеяний: "Хотим, государь!"

И Дракула приказал запереть хоромы и зажечь их, и все те люди сгорели. Властитель испытывал их разум, проверял их способности, анализировал их желания. По их примитивным ответам, он и делал вывод, насколько они "достойны" счастья. И, как строгий учитель, экзаменатор, он ставит неудовлетворительную оценку. Он даже прокомментировал это свое, наказание или преступление: "... во-первых, пусть не докучают людям, и не будет нищих в моей земле, а будут все богаты. Во-вторых, я и их самих освободил: пусть не страдает никто из них на этом свете от нищеты или болезней".

Он исповедовал идеологию тоталитаризма. Действительно, антиутопия о Дракуле появилась раньше "Майн кампф", всяческих "Что делать?", "манифестов", "Города солнца", "Утопии" и других, в том или ином виде, письменно оформленных социальных проектов.

Именно такими благими пожеланиями через пятьсот лет после воеводы Влада была вымощена дорога в Освенцим, Майданек и в Устьвымлаг, на Беломорканал, а также на другие "великие стройки", кардинально решавшие проблему счастья.

"Психолог" за работой

Дракула позвал сначала одного монаха, и показал ему свой двор "особого назначения", где находилось множество казнимых, посаженных на кол и колесованных.

Он притворно поинтересовался у гостя: "Хорошо ли я поступил, и кто эти люди, посаженные на колья?" – "Нет, государь, зло ты творишь – казня без милосердия, должен государь быть милостивым. А на кольях – мученики!" – прямодушно ответил абстрактный гуманист.

Позвал Дракула и другого своего гостя, а этот нашел виртуозный ответ живоде-ру: "Ты, государь, Богом поставлен

казнить злодеев и награждать добродетельных. А люди эти творили зло, по делам своим и наказаны”.

Дракула быстро приговорил первого монаха: “Зачем же ты вышел из монастыря и из кельи своей и ходишь по великим государям, раз ничего не смыслишь? Сам же сказал, что люди эти – мученики, вот я и хочу тебя тоже мучеником сделать, будешь и ты с ними в мучениках”. И приказал посадить его на кол.

А второго он приказал наградить и дать ему пятьдесят золотых дукатов. “Ты мудрый человек”, – так назвал Дракула гостя, приказав оказать ему почесть и довести его в колеснице до рубежа земли Венгерской.

Иная система ценностей, просто отбрасывается, вот почему, второй монах только взглянув на двор казней, тут же научился “смыслить”, как велит Дракула. Он оправдывает преступления властителя, банально сославшись на то, что власть адского палача происходит якобы от Бога. Да и сам автор не спорит с этим. Он находится как бы в стороне от оценок преступлений и ужасов, описываемых весьма ровным тоном, без эмоций. Пятнадцатый век, тысячетлетняя византийская империя больше не существует – тут не до сантиментов!

Деспот и женщины

На протяжении всего повествования автор не рассказывает о семейной жизни Дракулы.

В притче о наказании жены, изменившей мужу, содержится, собственно, статья из некоего садистского кодекса, автором и разработчиком которого был сам “законодатель” Дракула.

Не станем воспроизводить детали рассказа, ибо это находится по ту сторону добра и зла, описывая адскую казнь. Подобная расплата ждала и беспутных ветрениц, не сохранивших чести до свадьбы, и вдов, не соблюдавших траура по умершему мужу.

По его отношению к женщинам, можно сделать предпо-

ложение, что Дракула не только живодер, но еще и содомит. Причина его патологического палачества не только в беспощадном, но и в подозрительно безразличном обращении с женщинами.

В другой притче Дракула только для того заботится о некоем бедняке в ветхой и разодранной рубашке, чтобы появился повод устранить на своем пути к всеобщему порядку такое досадное “препятствие”, как его нерадивую жену. Деспот интересуется: “Есть ли у тебя жена?”. – “Да, государь”, – отвечает тот. “Веди меня в дом свой, хочу на нее посмотреть”.

Сразу обращает на себя внимание эта двусмысленная формулировка “веди меня в свой дом”, напоминающая словесное описание сватовства или даже замужества. Разве он направляется в дом бедняка в качестве судьи и справедливого монарха? Какое там! Он идет не только как следователь, легко нашедший “состав преступления”, но и как возможный заменитель нерадивой жены бедняка. Тем более он взбесился, когда увидел, что эта обреченная женщина молода и здорова.

“Разве ты не сеял льна?”, – спросил он у мужа. Тот оказался “смышленным”, будто бы заглядывал в ответы известного задачника под редакцией Дракулы. Верноподданный точно знал, как надо отвечать на подобные вопросы с подвохом, где одно слово могло стоить жизни: “Много льна у меня, господин”. И даже суетливо показал государю запасы льна.

Дракула продолжал свое следствие: “Почему же ты ленишься для мужа своего? Он должен сеять, и пахать, и тебя беречь, а ты должна шить мужу нарядные и красивые одежды. Ты и рубашки ему не хочешь сшить, хотя сильна и здорова. Ты виновата, а не муж твой: если бы он не сеял льна, то был бы он виноват”. Дракула приказал отрубить ей руки и труп ее посадить на кол.

“Правосудие” извращенца состоялось: семья разрушена. Только один Дракула в деспотии может быть

“мужем”. В этом образцовом государстве вообще не остается места для женщин, а, значит, нет и будущего, то есть, здесь нет, и не будет детей.

Заведомо грешных дочерей Евы попросту не останется, если казнить всех распутных девиц, утративших честь до свадьбы, всех прелюбодействовавших жен, всех изменяющих мужьям, всех вдов, не хранящих памяти об умершем супруге и так далее, и так далее.

Не женское это дело быть подданными в царстве содомита Дракулы.

Некрофильство власти

На войне, которую объявил венгерский король Матьяш против своего соседа, некие изменники выдали Дракулу в руки противника. Король приказал бросить его в темницу. Двенадцать лет просидел он там, в городе Вышгороде на Дунае, неподалеку от Буды, а в Мунтьянской земле король посадил другого воеводу.

Странный вираж в сюжете, ведь повествование приучило читателя к тому, что Дракула – непобедим, всемогущ и его отвратительная власть обретает масштабы вселенского явления, с которым никто уже не может справиться. Но тут вдруг выясняется, как после неудачи турецкого султана его усмирить, венгерский король победил его.

Чтобы читатель не усомнился в подобных превращениях главного героя, автор рассказывает, что “сидя в темнице, не оставил он свих жестоких привычек: ловил мышей или птиц покупал на базаре, и мучил их – одних на кол сажал, другим голову отрезал, а птиц отпускал, выщипав перья.

Однако далее события разворачивались невероятным образом. Король послал к Дракуле в темницу сказать, что если он хочет, как и прежде быть воеводой в Мунтьянской земле, то пусть примет католическую веру, а если он не согласен, то так и умрет в темнице.

Автор вдруг обнаруживает и свою собственную пози-

цию: “и предпочел Дракула радости суетного мира вечному и бесконечному, и изменил православию, и отступил от истины, и оставил свет, и вверг себя во тьму. Увы, не смог он перенести временных тягот заключения, и отдал себя на вечные муки, и оставил нашу православную веру, и принял ложное учение католическое”.

Король не только вернул ему Мунтьянское воеводство, но и отдал в жены ему сестру родную, от которой было у Дракулы два сына. Прожил он еще около десяти лет и умер в ложной вере.

Такая оценка вызывает особое недоумение. Оказывается, можно творить все это непотребство: убивать, мучить, и калечить, то есть быть Дракулой, самым нечистым и при этом оставаться... православным, как это впоследствии произошло с Иваном Грозным?

Последний бой

Когда он уже вновь стал воеводой в Мунтьянской земле, напали на его землю турки и начали ее разорять.

Ударил Дракула по турецкому войску, и те обратились в бегство. Воины же Дракулы преследовали их и рубили без всякой пощады. Воевода поскакал на гору, чтобы видеть, как рубят турок. Он отъехал от своего войска, а приближенные приняли его за турка, и один из них ударил его копьем. Тот стал отбиваться от своих и сразил пятерых мечом. Но его пронзили несколькими копьями и убили.

Очевидно, что его воины никакой “ошибки” не допустили, когда приняли за врага страшного воеводу, наслаждающегося видом кровавой битвы. Весьма вероятно, что и гибель его от копий неспроста устроена: копье отчасти напоминает кол, на котором погибали многочисленные жертвы Дракулы. Вряд ли можно так истолковать смерть воеводы, которого настигала кара за измену вере. Его воины отчего-то “ошиблись”, приняли его за турка и убили в последнем бою. То есть Дракула являет собой некий не-

мыслимый симбиоз православного по вере, но янычара по степени жестокости.

На самом деле, турецкий султан просто заменил воеводу в Валахии Дракулу на его брата, по имени Раду. Тот проживал в Стамбуле то ли заложником, то ли “наложником” в столичном плену, его красивая внешность “будила фантазию султана” и он “был, поэтому выделен из числа других, чтобы служить в качестве одного из любимых пажей султана. При Раду Валахия стала вассальным государством, но она не рассматривалась как турецкая провинция”.

Один сын Дракулы проживал у своего дядьки Венгерского короля в Буде. Другой умер. А третий бежал к венгерскому королю от турецкого султана. В многострадальном Мунтянском воеводстве молдавский господарь Стефан посадил сына воеводы Дракулы по имени Влад. Он в молодости был монахом, потом – священником и игуменом монастыря, а потом расстригся, и сел на воеводство, женился на вдове воеводы, ставшего преемником после Дракулы. И ныне воевода в той Мунтянской земле тот Влад, что был чернец и игумен.

Сказание датировано так: “1486 года февраля в 13 день описал я это впервые, а в году 1490 января в 28 день еще раз переписал я, грешный Ефросин”.

Он был весьма образованным монахом Кирилло-Белозерского монастыря, и получил известность как переписчик и составитель рукописных сборников древнерусских книг.

Более того, его перу принадлежит таинственная утопия, “Сказание о рахманах, неких “наго-мудрецах”, которые проживают где-то далеко, около Индийской земли. У них нет ни царя, ни купли, ни продажи, ни свары, ни бою, ни зависти, ни вельмож, ни татьбы, ни разбоя, ни игр”.

Весьма смелые мысли для XV века!

1999.08.23 от Р.Х.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

“Быть после Пушкина поэтом?...”

Юбилей – тем более, такие, как пушкинский, – способствуют изданию разных материалов, исследований, книг, которые в другое время, может быть, так и не вышли бы.

На одних публикациях очевидна печать “юбилейной” спешки, но есть и серьёзные работы, ждавшие, по-видимому, своего часа и дождавшиеся, наконец.

Именно к последним, несомненно, относится вышедшая в Киеве Антология*. Чувствуется, что составитель делал её неторопливо, как говорится, в собственное удовольствие, без всяких оглядок на круглую дату. Книга могла бы выйти и не в июне девяносто девятого года – раньше, позже, – а прозвучала бы так же взволнованно и интересно. Это предопределил и необычный замысел, и точное исполнение его.

“Киевская” Антология не просто сборник стихотворений о великом поэте.

“Пушкин настолько замечательная личность, – написано во вступительной статье, – что не только его стихи, но и его жизнь до сих пор вызывают жар непраздного любопытства и напряжённых раздумий, его дуэль и гибель до сих пор переживаются, как события недавней поры”.

Вот в чём смысл Антологии! Составитель отошёл от привычного стереотипа и выстроил стихи авторов, писавших о

* Сто поэтов об Александре Пушкине. Антология. Современники и потомки. Киев. Журнал “Радуга”. 1999. Составление, вступительная статья, биографические заметки Риталия Заславского.

Пушкине, не по алфавиту или возрасту, а по векам биографии самого поэта. При таком построении книги сразу же резко сократилось значение легиона других поэтов, их имена можно набирать петитом, ставить где-то внизу страницы, они смиренно отступят в тень, зато возрастёт и проявится смысл слова – П у ш к и н , по-иному откроется необозримое пространство его душевного существования...

Стихи расположились по разделам. Предок. Лицейские годы. Юность. Литературные страсти. Ссылка на юг. Михайловское. Друзья мои... Воспоминание о 14 декабря. Чудное мгновенье. Путешествие в Арзрум. Болдинская осень. Дуэль. Смерть. Бессмертие.

И, конечно же, Работа, его работа – непрерывная, изнурительная, вобравшая в себя все радости и печали. Всего пятнадцать глав.

Каждой главе предшествует страничка размышлений составителя о том или ином отрезке пушкинского творческого пути. Это не просто пересказ общеизвестного, а часто спор или размышление над многими загадками биографии поэта. Написаны эти заметки, “врезки”, эссе (назовите, как угодно) лаконично, сдержанно, без каких-либо претензий на “открытие”. Тем не менее, они вызывают отклик, раздумия, горячий интерес у всякого неравнодушного читателя. Их вкрапления в книгу представляется более чем уместным, они органическая часть последующего поэтического текста – не выпирают из него и не растворяются в нём.

Итак, книга стала отражением жизни поэта, такой, как она, эта жизнь, представлялась современникам и потомкам.

Одна из глав – “Литературные страсти”. Через двести лет мы нередко представляем отношение современников Пушкина к его творчеству, как сплошной триумф молодого гения, всеобщий восторг, оглушительную апологетику. Но новаторство, – а Пушкин был новатор, его открытия поражали современников! – встречались по-разному. Да, молодые друзья Пушкина, например, Дельвиг, Кюхельбе-

кер, сразу же приняли его восторженно. Но были литератора, прочитавшие стихи поэта иначе: с недоумением, а то и враждебно. Его язык, стилистика, образная система не укладывались в их привычное представление о прекрасном. И они, иногда весьма бурно, выражали своё неприятие.

Не будем сегодня осуждать их или, тем более, клеймить: они были искренни в своих нападках, в своём непонимании. Как пишет составитель в своих скромных комментариях к этой главе: “... просто они любили поэзию иного времени, иного лада-склада”, бесповоротно рушилось “что-то бесконечно для них дорогое”.

Тем удивительней, что “среди тех, кто сумел принять и полюбить Пушкина оказались и граф Дмитрий Хвостов, старый графоман, осмеянный и своим поколением и всеми последующими, и шумный поэёр, сентименталист князь Пётр Шаликов, и дядя поэта, Василий Львович, – впрочем, здесь могло сказаться и родственное пристрастие”.

Невольно хочется повторить вслед за Риталием Заславским: “Как же интересно собрать воедино и проследить схватки любителей поэзии тех лет, услышать их живые, прерывающиеся от волнения голоса”!

Невольно тянет перечислить и громкие, и полузабытые, и вовсе забытые имена поэтов, составивших эту книгу. Наверняка, какое-то количество достойных имён и строк осталось за пределами Антологии. Не будем сетовать. Порадуемся тому, что есть!

Книга открывается стихотворением Анны Ахматовой “Пушкин”:

*Кто знает, что такое слава!
Какой ценой купил он право,
Возможность или благодать
Над всем так мудро и лукаво
Шутить, таинственно молчать
И ногу ножкой называть?..*

И завершается по-настоящему “концовочным” для такого собрания стихотворением Глеба Горбовского:

*Быть после Пушкина поэтом?
– Да полно! –
скажет некий сноб, –
все будешь ниже, сбоку где-то,
пока тоска не свалит с ног;
не за понюх развеешь душу,
опомнись! Вылетишь в трубу...
Побойся Вечных.
Сядешь в лужу.
Рифмуй... с молчанием судьбу.
... Быть после Пушкина –
поэтом?
Нужна
и впрямь завидна прыть.
И все же – быть!
Блажен при этом
тот,
кто не может им не быть.*

Это “обрамление” существенно. Очевидно, что стихотворение Горбовского следовало выделить, набрать так же, как и стихи Анны Ахматовой, другим шрифтом. Судя по композиции книги, так оно, по-видимому, и замышлялось.

Помогают читателю выверенные примечания к текстам, особенно относящиеся к прошлому веку. Эти примечания не придают книге сугубо академического характера, не лишают её теплого поэтического течения, безусловной беллетристической занимательности.

Говорить о книге и её особенностях можно было бы ещё долго, тем более, что попадёт она в руки немногим любителям поэзии – тираж-то всего тысяча экземпляров!

Прекрасно продумал суперобложку с двумя колонками авторских имён художник В.С. Митченко. Вообще Антология нарядна, её приятно держать в руках, листать, просто смотреть на неё.

Марина Туманова

Памяти Бориса Поплавского

“...Я прощаю Бога”

Неожиданная и странная смерть тридцатидвухлетнего поэта Бориса Поплавского потрясла русский Париж. Было ли это самоубийство, убийство или случайная смерть – никто не знал. “Я помню, смерть мне в младости певала:// Не дожидайся роковой поры...”.

Говорили, что он был отравлен чрезмерной дозой героина с кокаином каким-то монпарнаским проходимцем, не то русским, не то болгаринном, который побоялся умирать в одиночку, и потому “прихватил” с собой Поплавского. С болью откликнулись на его смерть В. Ходасевич, Д. Мережковский, Г. Газданов, Н. Татищев, Ю. Фельзен, Ю. Терапиано, А. Присманова и другие...

“Гибель Бориса, до сих пор так и оставшаяся невыясненной, повергла нас всех в отчаяние.

Вернувшись с очередных летних каникул, я не узнал всегда бурного, полного жизни Бориса. Он как-то осунулся, потускнел, притих... Долго не решался спросить, в чем дело. А когда спросил, он кротно и долго посмотрел на меня и сказал: “Не надо, не трогай, когда-нибудь все станет известным...” Через два-три дня (или раньше, может быть, даже на следующий день) я не поверил своим глазам, увидав в “Последних новостях” его портрет в траурной рамке, с подробным и невнятным описанием его гибели... Потом отпевали его в маленькой, бедной русской церковке”, – вспоминал позже З. Райс, друг Поплавского.

Это была трагическая смерть одного из самых трагич-ных и значительных поэтов “потерянного поколения”.

Борис Юлианович Поплавский родился 7 июня 1903 года в Москве, погиб 9 октября 1935 года в Париже. После революции жил некоторое время в Константинополе, а в 1921 году переехал в Париж. Печататься он начал еще до эмиграции в провинциальных альманахах, а в эмиграции в журналах и газетах того времени, таких как “Воля России”, “Современные записки”, “Числа”, “Круг” и другие. Посмертно была опубликована подборка стихов из его архива, предоставленная профессором С. Карлинским “Новому журналу”.

В 1931 году в Париже вышла его первая книга стихов “Флаги”, а после смерти – “Снежный час” (1936), “В венке из воска” (1938) и “Дирижабль неизвестного направления” (1965), куда вошли стихи, обнаруженные уже после смерти поэта. Трехтомник стихов вышел в 1980–1981 годах в университете Беркли под редакцией С. Карлинского. Из прозы Поплавского остались фрагменты двух незаконченных романов: “Аполлон Безобразов” (появился впервые в “Числах”, 1930–1935 гг.) и “Домой с небес” (печатался посмертно в трех выпусках альманаха “Круг”, 1936–1938 гг.), а также отрывки из дневников (1938 г.).

Теперь стихи и проза Поплавского получили довольно широкую известность и в России.

...Был Борис Поплавский, по описанию друзей, высокого роста, атлетического сложения, всегда носил черные очки, скрывающие его глаза, и потому, по воспоминаниям Гайто Газданова, “улыбка была похожа на улыбку доверчивого слепого”. Об одаренности поэта и его необыкновенной личности говорили многие.

Думаю, что личность его была магически первична. Философские высказывания Бориса Поплавского, афоризмы и остроты записывались и передавались из уст в уста, а

умение страстно любить и также страстно ненавидеть, абстрактно мыслить и фанатически боготворить поэзию, необычайная эрудиция (“Ему друзьями черви были книг” А. Присманова), чистота и сложность души, острота и гибкость ума – выдвигали его в разряд гениев: “Отличительным свойством его натуры была разрывающая все преграды, безудержно и непрерывно прущая из него гениальность” (Ю. Фельзен).

Называли его “первым и последним русским сюрреалистом” в поэзии, и “маленьким Андреем Белым”, Рембо и Блоком. Будучи прекрасным знатоком французской литературы, он, возможно, в какой-то степени, находился под влиянием Бодлера и Аполлинера.

На формирование его мировоззрения оказал значительное влияние русской философ В. Розанов. Особенно это чувствуется в более поздних стихах, в которых он часто обращается к Богу в поисках истины, как это делали герои Достоевского.

*Молчи и слушай дождь.
Не в истине, не в чуде
А в жалости твой Бог,
Все остальное ложь.*

В 1935 году, незадолго до гибели, Поплавский, измученный нищетой и беспредельным одиночеством, пишет:

*Улыбнусь. Рукой тетрадь открою.
Вспомню сон святой хотя б немного.
И спокойно, грязною рукою
Напишу, что я прощаю Бога.*

Стихи Бориса Поплавского необычны, они похожи на сон или бред, на бормотание человека, одурманенного обрезами:

*Целый день в холодном грязном саване
Спал мечтатель, позабыв о мире,
Утром было состязанье в плаванье,
Трубачи играли на буксире.*

Это стихи не только талантливого поэта-сюрреалиста, но и одаренного художника по своим выразительным средствам, может быть, иногда близкого к произведениям Марка Шагала:

*Все молчит. Высота зеленеет.
Просыпаются, ежась, цари.
И, как мертвые, яркие змеи,
Загораясь, ползут фонари.*

Или: .

*На желтом небе аккуратной тушью
Рукой холодной нарисован город.*

В его стихах всегда присутствуют краски, преимущественно розовые и синие:

*Розовый ветер зари запоздалой
Ласково гладит меня по руке.
Мир мой последний, вечер мой алый,
Чувствую твой поцелуй на щеке.*

Вот опять рисунок розовой зари, строчки и интонации перекликающиеся с блоковскими, – его ранние стихи:

*Розовеющий призрак зари
Возникал над высоким строеньем.
Гасли в мокром саду фонари.
Я молил о любви... Озари!
Безмятежным своим озареньем.*

Розовым и белым его воображение часто рисует снег, который доминирует в его стихах, как символ легкости, чистоты, успокоенности:

*Запорхает белый, беспощадный
Снег идущий миллионы лет.*

Или:

*Странно молчали последние сны на рассвете,
В воздухе реял таинственный розовый снег.*

Фон, чаще всего, небо – синий:

*В воздухе города желтые крыши горели.
Странное синее небо темнело вдали.*

Но даже в этих, казалось бы спокойных тонах, присутствует непокой, отчаянье, тревога, смерть:

*И весна, бездонно розовея,
Улыбаясь, отступая в твердь,
Раскрывает темно-синий веер
С надписью отчетливою: смерть.*

Смерть и трагическое безумное одиночество, отверженность – одна из главных тем его стихов. Материальное неблагополучие, вернее – полнейшая нищета, внутренний разлад с действительностью, богатство внутреннего мира и убожество внешнего, непонимание друзей и родных, сложность и стихийность его многогранной и одаренной натуры, – делали его изгоем.

“Трагедия героя, загнанного внутрь самого себя, заключается в безысходности его одиночества... Неизлечимое и мучительнее всех был болен этой болезнью (одиночеством) самый эмигрантский из всех эмигрантских писателей, Борис Поплавский. Этим и объясняется, я думаю, его неумение держаться (“одним я перехамил, другим перекланялся”), – писал В. Варшавский в книге “Незамеченное поколение”.

В поздних стихах Поплавского тема одиночества особенно обострена. Читая его пронзительные строки, вспоминаешь желто-зеленую картину Эдварда Мунка “Крик” – одинокий человек на огромном мосту, кричащий в пустоту:

*И каждый вдруг вспомнил, что он одинок.
Кричал, одинок! – задыхаясь от желчи.*

Невыносимая тоска, мысли об одиночестве, сумбурно переплетаются с постоянными мыслями о смерти, как в его ранних, так и в поздних стихах. Вот строки из дневника, написанные незадолго до смерти:

“И снова, в тридцать два года, жизнь буквально остановилась. Сажу на диване и не с места, тоска такая, что снова

нужно будет лечь, часами бороться за жизнь среди астральных снов. Глубокий основной протест всего существа: куда Ты меня завел? Лучше умереть”.

Под ногами не было реальной почвы, жизнь и сон сливались в одну долгую бессмысленную вечность, без будущего, без настоящего. Было только прошлое, туманные воспоминания о России, о счастливом детстве, но и эта память бледнела, гасла, как вспышка, как отражения ночных фонарей. Пустота существования, бессмысленность и безысходность его, толкали некоторых эмигрантов на самоубийство.

Хотя философское осмысление смерти характерно для многих русских поэтов, особенно болезненно эта тема доминировала в произведениях поэтов русского Зарубежья.

В 1931 году в Париже вышла небольшая книжка Н. Бердяева “О самоубийстве”, написанная в решающий момент истории русской эмиграции, когда начался сильный моральный и материальный упадок. Бердяев писал о том, что невыносимость бытия ассоциировалась с вечностью, и неумение преодолеть его, найти силы, чтобы переступить через это мгновение слабости, часто приводило к самоубийству или к мыслям о нем. Вся горечь, безрадостность, нарастающая до беспредельности душевная боль, отражалась в болезненных, измученных образах.

*На высоких стеблях розы дремлют.
Пыльный воздух над землей дрожит.
Может быть, весной упасть на землю,
Замолчать и отказаться жить?*

Борис Поплавский обладал исключительным, я бы сказала, мистическим поэтическим чувством. Его сложные многослойные хаотические образы, какой-то внутренний неосознанный поток – результат погруженности в себя, острого духовного кризиса, глубокого страдания:

*Сонно алые трубы пропели мою неудачу.
Мне закрылись века, покрывается снегом река.*

*Я на острове смерти лежу неподвижно и плачу.
И цветут надо мной безмятежно одни облака.*

Стихи Поплавского музыкальны. Музыка его стихов легка и в то же время драматична. В каких-то из них улавливаются романтические ноты Блока и Георгия Иванова:

*Восхитительный вечер был полон улыбок и звуков.
Голубая луна проплывала, высоко звуча.
В полутьме Ты ко мне протянула бессмертную руку.
Незабвенную руку, что сонно спадала с плеча.*

К сожалению, ранняя смерть помешала ему доработать многие стихи. Они выливались у него единым целым, но последующей доработки уже не подлежали. “Неряшливость того, что я пишу, меня убивает,” – писал Поплавский в своем дневнике. Но тем не менее, его называли самым значительным поэтом русской эмиграции. В. Ходасевич писал: “Как лирический поэт, Поплавский, несомненно, был одним из самых талантливых в эмиграции, пожалуй, – даже самый талантливый”.

Судьба не была щедра к русским поэтам – им досталась смерть по жребию. Судьба Бориса Поплавского, поэта непризнанного и неузнанного при жизни, вмещается в эти глубокие пронзительные строчки, которые могут послужить эпиграфом к жизни и творчеству целого поколения молодых поэтов русского Зарубежья:

*На пустых бульварах замерзая,
Говорить о правде до рассвета.
Умирать, живых благословляя,
И писать до смерти без ответа.*

“И ничто, буквально ничто меня не радует... Смерть – небытие. То же и о Боге. Я понимаю Его как невероятную жалость к страдающим, но что толку, если сама жизнь есть мука”.

Такую предсмертную запись оставил в своем дневнике поэт Борис Поплавский.

*Елена Дубровина
США*

Коротко об авторах

Воробьев Олег Александрович родился в Москве в 1966 году.

Окончил среднюю школу, затем Московский Институт радиотехники, электроники и автоматики в 1989, а в 1995 – Академию Народного Хозяйства (АНХ) при правительстве Российской Федерации.

Консультант Комитета по делам Содружества Независимых Государств и связям с соотечественниками.

Занимается исследованиями в области современной истории, в частности, “сменовеховским” движением.

Публиковался в “Независимой газете”, журналах “Исторический архив”, “Государственная служба” и других.

В «ГРАНЯХ» публикуется впервые.

Вяткин Лев Михайлович родился в 1931 году в Перми в семье художника.

Окончил Ейское военно-морское авиационное училище. Тридцать один год как летчик-истребитель в различных должностях и званиях летал над Черным морем, на Кавказе, в Центральной Арктике.

Занимается журналистикой и архивными исследованиями.

Печатался в журналах “Техника молодежи”, “Вокруг света”, “Чудеса и приключения”, “Слово”.

Автор книги очерков из истории воздухоплавания и авиации “Трагедия воздушного океана” (Москва. Изд-во “Прибой”, 1999).

Готова к изданию рукопись книги исторических исследований “Лампа Диогена”.

В «ГРАНЯХ» публикуется впервые.

Живет в Москве.

Князев Евгений Акимович родился в 1956 году в селе Петелино Тульской области.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Закончил среднюю школу и исторический факультет Московского Государственного Педагогического института. Защищал диссертацию по истории российского образования.

С 1992 года проректор Нового Гуманитарного университета.

Автор журнала "Посев".

В «ГРАНЯХ» публикуется впервые.

Коробов Владимир Борисович родился в 1953 году в Тобольске. Вырос в Крыму.

Окончил Литературный институт и аспирантуру при нем.

Стихи публиковались в журналах "Москва", "Юность", "Дружба народов", "Новый мир" и других.

Автор книги стихов "Взморье" (1991), автор-составитель книги "Путешествие к Чехову" (1996).

В «ГРАНЯХ» (№ 185) опубликованы рассказы "Китаец" и "Манька".

Член Союза писателей.

Живет в Москве.

Набоков Платон Иосифович родился на Украине в 1922 году. Отец репрессирован в 1934, отчим в 1937.

Школу окончил в 1941 году и ушел добровольцем на фронт. Ранение, контузия.

Окончил в 1946 году Литературный институт, работал в газетах "Известия" и "Московский комсомолец". Репрессирован по статье 58-10, 11 ч. 2 – "антисоветская агитация и пропаганда" и выслан по решению ОСО (особого совещания) на десять лет в Озерлаг.

Освобожден со снятием судимости в 1955, реабилитирован полностью лишь в конце 1991.

Поэт. Режиссер. Сценарист. Член Союза писателей и Союза журналистов.

В «ГРАНЯХ» публикуется впервые.

Живет в Москве.

Пекуровская Ася (Анастасия Марковна) окончила филологический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году эмигрировала в США, где училась в Стэнфордском университете, а затем, с 1979 по 1983 год, преподавала русский язык, литературу и теорию литературы.

Живет в Пало Алто (Калифорния. США).

Синкевич Валентина Алексеевна. Поэт, литературный критик, эссеист, редактор журнала "Встречи".

На Западе с 1942 года. Сборники стихов: "Огни", "Наступление дня", "Цветенье трав", "Здесь я живу", "Избранное".

Одна из авторов поэтического сборника "Триада" (1966).

Живет в Филадельфии (США).

Туманова Марина Ивановна родилась в 1951 году в семье сельских учителей в поселке Фофанка Владимирской области. По образованию инженер-химик.

В 1997 году вышел сборник стихотворений "Перед немислимой разлукой". Печаталась в журналах "Кольцо А", "Радуга", "Ренессанс", "Крещатик".

В «ГРАНЯХ» (№ 188) был опубликован ее поэтический цикл "Вдали сияющую тайну..."

Член Союза писателей Москвы.

Живет в городе Щелково Московской области.

Тюрин Александр Николаевич родился в Москве в 1925 году. Окончил Московский педагогический институт иностранных языков. Преподавал французский язык в московских вузах, занимался переводами с французского художественной литературы.

Печатался в "Новом журнале" (Нью-Йорк), "Новом мире", "Звезде", "Смене" других журналах.

На Западе с 1971 года.

Живет и работает в Нью-Йорке (США).

Цуканихин Владимир Алексеевич живет и работает в Вязьме.

Пишет прозу и публицистику. Печатался в областной и центральной прессе. Постоянный автор литературно-художественного "Вяземского альманаха".

В «ГРАНЯХ» публикуется впервые.

Шарова Антонина Владимировна родилась в 1966 году в Москве.

Окончила Московский Государственный историко-архивный институт.

С 1990 года работает на кафедре всеобщей истории в Российском Государственном гуманитарном университете на кафедре всеобщей истории.

Доцент. Кандидат исторических наук.

В «ГРАНЯХ» публикуется впервые.

Содержание томов №№ 189–192, 1999

XX век. Трагическая межа Русской Истории	189
Митрополит АНАСТАСИЙ.	
Русь Святая (19.06.1960 г.)	190
Митрополит ВИТАЛИЙ,	
Первоиерарх Православной Церкви Заграницей.	
Послание к русским православным людям	191
Диакон Андрей РУДЕНКО.	
Ум Христов и ум человеческий	192

ПУБЛИЦИСТИКА. ПУТИ РОССИИ

ГОРЯНИН Александр.	
Мифы о России и дух нации	189, 190

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ

МОРАВСКИЙ Никита.	
Наследие Сахарова	191
ЦУКАНИХИН Владимир.	
Третий Рим: извращение Христа	192
ШАРОВА Антонина.	
Нравственные камертоны эпохи	192

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

БЕЛИНКОВ Аркадий.	
Страна рабов, страна господ...	190
БЕЛИНКОВА-ЯБЛОКОВА Наталия.	
Любовь иль ненависть к отчизне?	189

ГОРЯНИН Александр.

“Как первую любовь...”

К 100-летию со дня рождения Владимира Набокова 191

ПЕКУРОВСКАЯ Ася.

Довлатов (плюс-минус) миф. *Исповедь* 189–192

СИНКЕВИЧ Валентина.

Американские поэты и прозаики.

Автор “Песни о Гайавате” Генри Лонгфелло (1807–1882) 189

“Мрачный писатель” Натаниэл Готорн (1804–1864) 190

Мир Джека Лондона 192

ПОЭЗИЯ

БОТЕВА Валентина.

“Обочин горькую полынь...” 191

ВЕЙС Нина.

Моей земле 189

ГАРБЕР Марина.

“И долететь до света неземного...” 189

О. ИОАНН (ШАХОВСКОЙ).

Палатка. 189

КОРОБОВ Владимир.

“И белой бабочки паренье...” 192

КРЕЙД Вадим.

“А близость смысла, как магнит...” 189

ЛИБЕРМАН Анатолий.

“Не молкнет вальс...” 189

СИБИЛЕВ Александр.

“... Свет всепобеждающей Любви” 190

ПРОЗА

ВАСИЛЬЕВ Глеб.

Земля Обетованная.

Литературное эссе 191

ГОЛЛЕРБАХ Сергей.

Сюжет для Мопассана.

Художественная натура. Матрасы. *Эссе* 189

МАКСИМОВ Сергей.

Голубое молчание. *Рассказ* 189

МИЧУРИНА Татьяна.

Суваяма. Чашка. Рассказы 189

НАБОКОВ Платон.

Стихи из кукольных голов.

Глава из документальной повести 191, 192

АНТОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО РАССКАЗА

БРАГИНА Наталия.

История гражданской войны 190

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

БАРТО Павел.

“Нежный посвист, звонкий росчерк...”. 192

Неопубликованные письма

Ивана и Веры БУНИНЫХ Леониду РЖЕВСКОМУ.

“...Бог оставит тайну – память обо мне” 191

ВЛАДИМИРОВ Леонид.

Бегство 189

ВЯТКИН Лев.

Тайна гибели линкора “Императрица Мария” 192

ГРИНЬЯВИЧЮТЕ Даля.

“... Стучат в мое сердце, как пепел Клааса...” 189

ПОПОВСКИЙ Марк.

Святой. В.Ф. Войно-Ясенецкий – Владыка Лука 191

ЦВЕТАЕВА Анастасия.

“Проза, насыщенная электричеством памяти...” 189

ШАБАТ Марианна.

“...Высшей страсти отданы места” 190

ФИЛОСОФИЯ. РЕЛИГИЯ. КУЛЬТУРА

КУПЧЕНКО Владимир.

Максимилиан Волошин – ученик Рудольфа Штейнера 190

МАНАННИКОВ Игорь.

Письма из Сибири.

Роль интеллигенции в жизни Церкви. *Письмо первое* 189

Время Н.С. Лескова пришло.

К метафизике русского сознания. *Письмо второе* 190

Священник Дионисий ПОЗДНЯЕВ.

История Православной общины во Внешней Монголии 191

УТЕХИН Сергей Васильевич.

И.М. Берлин и его идейное наследие 189

АРХИВ «ГРАНЕЙ»

ОСТРОВСКАЯ Софья.

“...Блистательное имя её...” 189

К 110-летию со дня рождения Анны Ахматовой

Борис ПУШКАРЕВ и Лев НУССБЕРГ.

Мысли о будущем страны 190

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

АГЕНОСОВ Владимир.

О поисках, заблуждениях и открытиях...

С.Г. Пушкарёв. Воспоминания историка. 1905–1945.
Москва. “Посев”. 1999 191

АЙДИНЯН Станислав.

“...Мазками, что сродни живописи”

Л.С. Либерова. Голубятня Бога и другое.
Поэзия и проза. М., “Московский Парнас”, 1997 189

БАНЧИК Надежда.

Почти детективная история, случившаяся

в Сан-Франциско век тому назад

Теренс Эммонс. Alleged Sex and Threatened Violence.
Stanford University Press. Stanford, California, 1997 189

ТУМАНОВА Марина.

“Быть после Пушкина поэтом?..”

Сто поэтов об Александре Пушкине. Антология.
Современники и потомки.
Киев. Журнал “Радуга”, 1999 192

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ИСАКОВ Сергей.

Диалог культур. Рецепция творчества

Александра Пушкина в странах Балтии 191

КНЯЗЕВ Евгений.

Дракула или Монстр власти:
первая русская антиутопия 192

СОЛОЖЕНКИНА Светлана.

“Музыка земного сострадания...” 191

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

КАГРАМАНОВА Грета.

“...Де юре я свободный человек”
Интервью с Григорием Пасько 191

ВЕРНИСАЖ “ГРАНЕЙ”

КАТАЕВА-ЛЫТКИНА Надежда.

“...Живопись – это счастье, данное мне Богом!”
На выставке художника Наталии Брагиной 191

НАСЛЕДИЕ

ЛИНДЕС Нина.

“В нашем доме на Английской набережной...” 192

ГОЛЬШТЕЙН Александра.

Савва 192

Из переписки Н.В. УСТРЯЛОВА

и княгини Л.В. ГОЛИЦЫНОЙ

“Не остановиться ли?” 192

УСТРЯЛОВ Николай.

Революционный фронт 192

Из редакционной почты

Да поможет им Бог!.. 189

Памяти *Елизаветы Миркович* –
баронессы фон Кнорринг

191

Памяти *Бориса Поплавского*

192

КНИГИ «ПОСЕВА», ИЗДАННЫЕ В РОССИИ

Б.С. ПУШКАРЕВ. «Россия и опыт Запада».

Мягк. пер. 336 с. 1995. 8 р.

Сборник статей 1995—96 гг. по экологии, экономике и политике.

В.К. ШТРИК-ШТРИКФЕЛЬДТ.

«Против Сталина и Гитлера».

Перевод с немецкого. Мягк. пер. 444 с. М., 1993. 10 р.

Борьба за создание Русской освободительной армии в 1941—45 гг.

Ю.В. МАЛЬЦЕВ. «Иван Бунин 1870—1953».

Мягк. пер. 432 с. М., 1994. 11 р.

Первое глубокое исследование творчества писателя.

А.С. КАЗАНЦЕВ.

**«Третья сила: Россия между нацизмом
и коммунизмом».**

Мягк. пер. 344 с. М., 1994. 10 р.

Мемуары участника трагических событий 1941—45 гг.

Артур РИХ. «Хозяйственная этика».

Тв. пер. 816 с. М., 1996. 40 р.

Перевод с немецкого под редакцией В.В.Сапова.

Капитальный труд швейцарского ученого — основателя

Ин-та социальной этики при Цюрихском университете.

В книге излагаются религиозно-философские основы этики
и приложение их к народнохозяйственной жизни.

«Свободное слово «ПОСЕВА». 1945—1995».

Мягк. пер. 208 с. М., 1995. 40 р.

(Сборник статей и хронография изд-ва).

Сергей НИКОЛАЕВ. «Расконвоированные».

От идеологии к аксиологии (этюды и статьи).

Мягк. пер. 220 с. М., 1998. 10 р.

Автор делает попытку ответить на вопросы, волнующие всех нас, с позиций христианского православного персонализма и либерал-консерватизма.

В.Д. ПОРЕМСКИЙ.

«Стратегия антибольшевицкой эмиграции».

Тверд. пер. 288 с. М., 1998. 25 р.

Избранные статьи 1934–1997.

Сборник работ известного деятеля НТС показывает эволюцию стратегической мысли той части русского Зарубежья, которая в меняющихся условиях видела смысл своего существования в борьбе за освобождение России от коммунизма.

Второй номер исторического альманаха

БЕЛАЯ ГВАРДИЯ.

Под редакцией В.Ж. Цветкова.

Мягк. обл. 104 с. М., цена 35 р. + стоимость рассылки.

Библиотечка россияведения. Выпуск № 1

**“Коммунистический режим и народное сопротивление
в России 1917–1991 гг.” – 1997 г.**

Библиотечка россияведения. Выпуск № 2

“Ярославское восстание. Июль 1918” – 1998 г.

Библиотечка россияведения. Выпуск № 3

С.Г. ПУШКАРЕВ.

“Воспоминания историка 1905–1945” – 1999 г.

Заказы направлять:

103031 МОСКВА К-31 Амосову Ю.К.

тел.-факс (095) 925-9248 E-mail: posev@glasnet.ru

О Б Р А Щ Е Н И Е

Редколлегии журнала «ГРАНИ» к русской эмиграции, литературной молодежи и студенчеству стран Европы, Америки, Азии и Австралии

Нет сегодня в России журнала с такой удивительной, прекрасной и трагической судьбой, как «ГРАНИ».

С момента основания, за свою более чем полувековую жизнь, журнал помог выжить русской литературе под коммунизмом и доводил до подсоветской части интеллигенции традиционные линии российской культуры, которые не только сохранялись, но и развивались в эмиграции.

Творцы журнала никогда не знали, какое количество экземпляров — порой с риском для жизни тех, кто это делал, — пересечёт границу. Но они твердо были уверены в том, что каждая их строка обязательно будет прочитана ТАМ. И что от первого читателя журнал попадет ко второму, третьему, четвертому... и по цепочке окажется у человека, который перепечатает его в нескольких копиях.

В том, что идеи свободного мира расходились за железным занавесом как крути по воде, есть бесспорная заслуга «ГРАНЕЙ». Взрыв гебистской бомбы у редакционного порога свидетельствовал об этом как нельзя более красноречиво.

Люди, подвижничеством которых живет журнал в России в наши дни, уверены в нужности своего дела так же твердо, как и их предшественники. Да, в стране нынче можно распространять любые идеи, печатать любую литературу, однако, восприимчивость общества невероятно упала. Если в гробовой атмосфере официального единомыслия тоталитарного мира эффект «ГРАНЕЙ» и «ПОСЕВА» был эффектом громкого шепота среди тишины, то сегодня, когда сотни независимых источников предлагают свои — увы! — часто совершенно безответственные версии, объяснения, программы и прогнозы на будущее — информационный шум стал ревом Ниагары. Вот почему все больше сбитых с толку людей обращаются к привычным и проверенным журналам, радиостанциям и т.д.

Для тысяч и тысяч российских интеллигентов логотип «ГРАНЕЙ» — знак качества высшей пробы. Этих людей не стоит недооценивать. Их влияние непропорционально их количеству. Все мы помним, что куда меньшее число диссидентов совершило в нашей стране то, что когда-нибудь будет названо “чудом конца восьмидесятых”.

В условиях, когда слишком многие российские СМИ, слышущие демократическими, открыто заигрывают с коммунистами, шовинистами, расистами, изоляционистами, ненавистниками Запада, врагами либеральных ценностей, особенно важно, чтобы журнал, который ощущается одним из необходимых российских институтов, продолжал выходить.

Сегодня «ГРАНИ» издаются в России в судьбоносное для страны и такое трудное для литературных изданий время исключительно на средства зарубежных подписчиков.

Учитывая ценность журнала для будущего России, а также для русской эмиграции, которая по-прежнему живет тревогами и болью своего Отечества, просим Вас помочь в распространении журнала в новом, 2000 году от Р.Х.

В 1998 вышли №№ 185, 186, 187 и 188, которых у Вас, возможно, нет. Готовы к отправке №№ 189—192, принимаем заявки на номера будущего года: 193, 194, 195, 196.

Деньги (для Америки и Австралии по USD22,5 за номер, включая доставку авиапочтой, и для Европы и Азии USD20) следует отправлять чеком по адресу:

A. Avisov, WELLS FARGO 6033-463092

Stanford Campus Office

Tressider Memorial Union, Stanford, CA 94305 USA, tel.:

650 855-7639, fax 650 326-9628

или почтовым переводом:

A. Avisov, 715 Newhall Drive,

Hillsborough, CA 94010 USA.

О том, по какому адресу мы должны Вам послать журналы, а также сообщение об отправке Ваших денег в США, убедительно просим известить по адресу:

Россия, 127322 Москва, 322, а/я 59 «ГРАНИ»

e-mail: aavisov@sulmail.stanford.edu.

Учредитель:
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ГРАНИ»
PUBLISHING HOUSE «GRANI»

Зарегистрирован в Московской регистрационной палате.
Свидетельство о регистрации № 069.149 от 27.11.1997 г.

Адрес редакции журнала «ГРАНИ»
для оформления подписки, писем и сообщений:
127322, Россия, Москва, ул. Милашенкова, 17-61.
Телефоны: 210-6955, 470-4139

*Статьи, подписанные фамилией или инициалами
автора, не обязательно выражают мнение редакции.*

*Не принятые к публикации рукописи
не возвращаются.*

Издательская компания «Blue Apple».
Оригинал-макет Вячеслава Федорченко.

Подписано в печать 23.11.1999. Формат 84х108 1/32.

Печать офсет. Бумага офсет. № 1. Печ. л. 8,5.

Усл. печ. л. 14,28. Усл. кр.-отт. 15,0 Уч.-изд.л. 16,0.

Заказ 3957

Издательский Дом «Грааль».
141200, г. Пушкино, Московской обл., ул. Лесная, 5.

Отпечатано в Производственно-издательском комбинате ВИНТИ,
140010, г. Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ГРАНИ» PUBLISHING HOUSE "GRANI"

Журнал ГРАНИ:

условия подписки для дальнего Зарубежья на № 192 и
следующие 4 номера (№№ 193–196) 2000 года от Р.Х.

Америка и Австралия, вкл. доставку авиапочтой	ам. \$ 45
Европа и Азия, вкл. доставку наземной почтой	ам. \$ 40
Доплата за подписку через представительства	ам. \$ 10

Торговые представительства журнала ГРАНИ

АМЕРИКА	M. Mirkovitch, 430 Arkansas St. San Francisco, CA 94107
АНГЛИЯ	A. Sibilev, 9 Bullbanks Road Belvedere Kent DA 17 6 DT UK
ФРАНЦИЯ	N. Fedorovsky, 16 square J.-B. Pigalle 77680 Roissy-en-Brie Tel.: 01.60.28.36.57

В России:

Розничная цена журнала при покупке в издательстве	20 р.
Отправка в регионы четырех номеров, вкл. почтовые расходы	100 р.

Журнал **ГРАНИ** можно купить в магазинах Москвы:

"Летний Сад"	ул. Б. Никитская, 46.	Тел.: 290-0688;
"Графоман"	ул. Бахрушина, 28.	Тел.: 959-2103;
"Эйдос"	Чистый пер., 6.	Тел.: 201-2608,

а также в киосках Центрального Дома Литераторов (ЦДЛ) на
Б. Никитской, 53 (тел.: 291-6278) и Дома-музея Марины Цветаевой
на Арбате в Борисоглебском пер., 6 (тел.: 203-5997, 203-5369).

В Америке:

GLOBALUS A SLAVIC BOOKSTORE

322 Balboa Street * San Francisco, CA 94118, USA *
ph. & fax (415) 668-4723, e-mail: globus@jps.net,
<http://www.jps.net/globus/globus.htm>

ЖУРНАЛ «ПОСЕВ»

* * *

«Посев» — общественно-политический журнал, выходящий с 1945 года. До 1990 года «Посев» выходил за рубежом и был органом свободной российской оппозиции, трибуной свободного слова из России. Теперь журнал выходит в самой России, следуя своим прежним принципам участия во внутрироссийской политической борьбе за право, свободу и справедливость. Эта задача определяет направленность журнала, который:

- отражает положительные ценности исторической России и 75-летнего сопротивления коммунизму;

- стоит на позициях национально-государственных интересов России;

- участвует в обсуждении современных и будущих проблем российского государства (политических, экономических, социальных, идейных, духовных);

- стремится к выявлению в России конструктивных сил, осознающих необходимость оздоровительных перемен во всех областях жизни страны и готовых к активному участию в их проведении.

* * *

Со II полугодия 1997 г. журнал «Посев» выходит 12 раз в год на 48 страницах.

E-mail: posev@glasnet.ru

WEB-версия журнала на <http://www.glasnet.ru/~posev/>